Krasnyj Arkhiv no. 39

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ 39

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Врангелевщина. — 25 лет назад (дневник Л. Тихомирова). — Из истории аграрного движения 1905 — 1906 гг. — „Князья церкви“ (дневник А. Н. Львова). — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. — „Кровавое воскресенье“ в Петербурге. — Из истории „мирного проникновения“ европейцев в Абиссинию

ЦЕНТРАРХИВ
1930

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — Статьи и исследования. — Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жиронистами. — Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс к Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Геду. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала». — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижской коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. «Бакунин: Государственность и анархия». — Письма и документы. И. Лафарг. Письма к Николаю Кону. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582 — 1708). — Сочинения А. Кюотса в кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Спиноизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — Письма и документы. Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Водеи. На заре «легального марксизма». — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. К шестидесятилетию первого тома «Капитала». Ф. Энгельс. Четыре рецензии на «Капитал» Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — Статьи и исследования. М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — Материалы и сообщения. Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам. — А. Водеи. На заре «легального марксизма». — Критика и рецензии. — Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению. — Сообщение Д. Б. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ. Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову. — К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов. — Два слова читателям-рабочим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии. — М. М. Ковалевский о книге Бельтова. — Материалы и сообщения. Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе. — Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Шмюкле. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком. — Статьи и исследования. Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Памфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — Материалы и сообщения. Письмо Н. И. Сазонова к Г. Гервегу. — П. Аксельрод. Группа «Освобождения труда» (Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»). — Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал в 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как коммунист. — Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — Из литературного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — Материалы и сообщения. И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу. — Письмо Жорж-Занд к М. А. Бакунину. — Критика, обзоры и рецензии. Д. Рязанов. Ответ на открытое письмо В. Половского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в «Вестнике Комакадемии» за 1922 — 1927 гг. — Рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекция рукописей из архива Ф. Домелы Ньювенгуйса (сообщ. Ф. Шиллера). — «Парижская коммуна 1871 г.», выставка (сообщ. М. Голосовкер).

КНИГА ДЕВЯТАЯ—ДЕСЯТАЯ вышла в свет и рассылается подписчикам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги, в год — 4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ (ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ)

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

★
ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА. Валовая улица, 28.
Главлит А-65288. П. 12. Гиз. 39807.
Заказ 795. ★ Тираж 2000 экз. 12 п. л.

Врангелевщина.

(Из материалов Парижского «посольства» Врем. правительства.)

Врангелевщину можно понять только на фоне советско-польской войны. С нее она начинается, с ней она и кончается. Без советско-польской войны эта последняя судорога русской контрреволюции вошла бы в историю гражданской войны только, — и то в лучшем для южной контрреволюции случае, — как областная, почти местного масштаба, контрреволюционная вспышка.

Врангель вырвался из своего крымского логова в самый критический для Польши момент, когда советские войска гнали поляков от Киева, а тем самым обнажили свои тылы. По этим тылам и ударил Врангель, глубокой занозой засев в теле Советской республики и создавая угрозу отрыва армии от снабжения с юго-востока. Первые же его успехи вновь окрылили остатки контрреволюции: из Польши прислал признание Савинков, из Манчжурии — Семенов, из Галиции — петлюровцы, а из всех щелей-приютов в разных странах вылезли и потянулись к Врангелю десятки тысяч белогвардейцев; прислал обещание помощи и Махно. Из командующего остатками разбитых армий Врангель быстро превращается в главнокомандующего всеми силами юга России, а правительство его приступает к широкой государственной деятельности внутри и к сложной дипломатической игре вовне.

Но вот заключается перемирие с поляками, часть красных войск перебрасывается на юг, и новое государственное образование рассыпается, как карточный домик. Уходит Махно, отражающий колебание своих крестьянских отрядов, разбитые петлюровцы спасаются в Польшу, а «господин министр иностранных дел» Струве, позабыв о своих пространных нотах, слезно молит: «Высшее церковное управление настоятельно просит ускорить доставление сюда к 25 (12) сентября иконы Знамения божьей матери (Курской) из Сербии при содействии епископа Феофана и архиепископа Анастасия. Прошу не отказать почтить срочным ответом». (Тел. на имя Нератова 30 (17) сентября 1920 г. № 1241). Икона однако прибыла поздно.

Врангель успел только прислать благодарность «за превосходную икону и молитвы, в которых черпаем силу для борьбы за веру православную» (тел. Нератова консулу в Салоники от 26 октября 1920 г. № 1037), как красные части появились под Перекопом.

Но и самую советско-польскую войну надо брать как часть интервенции, притом на фоне англо-французских противоречий. Для англичан наше наступление на по-

ляков не несло непосредственной опасности, гораздо ощутительнее для них было продвижение революции на Востоке, восстание Кучук-хана в Персии. Именно это революционное наступление пытались приостановить англичане цепой временного мира на западе между большевиками и поляками. А отсюда, если к этому прибавить рост революционного настроения в самой Англии, — попытки выступить в роли мирового посредника. «Повидимому, — сообщал Гирсу русский посол из Тегерана 20 июня 1920 г. (тел. № 217), — англичане и персы очень рассчитывают остановить большевистское наступление в Персии путем переговоров с Красиным в Лондоне». Для французов, напротив, большевистское продвижение в Польшу представляло непосредственную угрозу. Всю Европу облетела фраза, взятая из советской прессы, что Польша может стать мостом для Октябрьской революции на Запад: большевизм — у ворот Германии, только что с таким трудом разбитой, — было от чего притти в движение. Отсюда поддержка поляков за спиной Англии, отсюда же переговоры с Врангелем о признании, при условии оттяжки Врангелем на себя больших частей Красной армии. Французы выполнили свое обещание честно: за первыми же успехами Врангеля последовало признание, — а значит, и материальная помощь, — нового русского образования. Этот цикл развития врангелевщины и сложную игру империалистских держав отражают печатаемые ниже документы маклаковского «посольства» в Париже, находившегося как раз в центре переписки.

Врангелевщина однако представляет интерес еще в одном отношении.

Врангель попытался учесть ошибки всей русской контрреволюции, правильно решив, что исправлять их надо в двух областях — в аграрной и национальной. Аграрный и национальный вопросы — вот на чем поскользнулись и Колчак и Деникин, и как раз в эти два вопроса попробовал внести нечто новое Врангель. Аграрная реформа Врангеля это — новая столыпинщина, новая попытка опереться на кулака, как в этом сознался и сам Врангель. «К трудной и ответственной работе по восстановлению разрушенной сельской жизни, — писал Врангель в приказе о земской реформе, последовавшей за аграрной, — необходимо привлечь новый многочисленный класс мелких земельных собственников [которым обещали только что закрепить в частную собственность земли, частью взятые из крупных имений. — *И. М.*]. Кому земля, тому и воля в земском деле, в том и ответ за это дело и за порядок его ведения». (Тел. Нератова Маклакову 3 августа 1920 г. № 618).

Увы! Новая столыпинщина не удалась, как и старая, а колебавшиеся слои деревни, разгадав истинный смысл реформы, дружно поддержали советские войска.

Такой же результат последовал и в национальной политике. 20 июня Струве обещал решить национальный вопрос в духе признания известных прав за национальными меньшинствами, а уже в сентябре Савинков сообщал Врангелю из Польши: «украинцы усматривают отклонение от начал, изложенных в декларации Струве от 20 июня, в сторону политики Деникина в национальном вопросе и указания на определенное монархическое направление вашего правительства... Неверие украинского правительства начинают разделять Эстония и Латвия; их примеру, без сомнения, последуют и другие отделившиеся народности». (Тел. Нератова Маклакову от 9 октября 1920 г. № 947).

Правда, Врангель пустил в ход главный козырь, выразив «готовность итти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей независимости во внутреннем ее устройстве и управлении» (тел. Нератова Маклакову 31 октября 1920 г. № 1053). Но карта оказалась крапленой: когда писалась телеграмма, красные войска вошли уже в Крым.

И тут — по старой, проторенной дорожке: единая, неделимая Россия.

Русская контрреволюция, даже учтя свои ошибки, исправить дела не могла: социальная суть брала свое.

Подлинники печатаемых ниже документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве.

И. Минц.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 7 июня 1920 г. № 98.

(Шифр А.) Прошу известить меня, действительно ли и когда сюда с юга России прибудет официальная миссия с князем Трубецким, о чем в Варшаву уже проникли слухи. Патек говорил мне, что имеет от польского представителя в Константинополе несколько телеграмм, возвещающих о приезде в Варшаву с нашего юга общественных деятелей, и что он принужден был ограничить число таковых во избежание излишних разговоров и кривотолков. Таковых, так же, как и людей, смешивающих общественность с безответственностью, было уже достаточно за мое время в Варшаве, и, уезжая, они оставляют миссии расхлебывать заваренную ими кашу, что доказывать бесполезно и тяжело.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 7 июня 1920 г. № 99.

(Шифр А.) Из совокупности впечатлений, вынесенных по возвращении, заключаю: 1) что поляки воспользуются первой возможностью, дабы искренне или неискренне начать мирные переговоры с большевиками, с целью попытаться закрепить договором достигнутые в удовлетворение своих политических и территориальных вожделений успехи, 2) что степень предвиденного в борьбе с большевиками напряжения неизмеримо превысила все прежние расчеты и 3) что, тем не менее, их военное положение считается твердым, и прорыв на Березине будет на-днях совсем ликвидирован, после чего можно будет приступить к новым инициативным действиям.

Кутепов — Гирсу.

Варшава. 9 июня 1920 г. № 101.

(Шифр.) Патек выехал в Париж, не успев повидаться с Савинковым. Собирался, как говорил мне, повидать в Париже русских, в частности Струве. Прошу осведомлять меня в связи с результатами разговоров Патека.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 июня 1920 г. № 358.

Трубецкой просит передать за № 603:

(Шифр.) Для П. Б. Струве в Париж.

Только что получено новое сообщение адмирала де-Робек, который извещает, что британским морским силам предписано: «не принимать участия ни в каких наступательных действиях, которые были бы вами предприняты против красных, но что они могут оказать помощь вашим войскам в случае наступления красных на Крым». Главнокомандующий по телеграфу выразил признательность адмиралу де-Робеку, что в эту серьезную минуту он не оставлен в одиночестве.

Нератов — послу.

Константинополь. 9 июня 1920 г. № 359.

Трубецкой просит передать Поклевскому. Копию — Струве.

(Шифр А.) Благоволите передать Поклевскому в Бухарест и копию Струве в Париж:

Ссылаюсь на мою телеграмму № 581.

Главнокомандующий готов итти на самые широкие соглашения военного характера, но не считает возможным санкционировать территориальные вопросы.

Поэтому поездка его встретит серьезные осложнения, если вы полагаете, что она будет связана необходимостью решения бессарабского вопроса.

Нератов — послу.

Константинополь. 11 июня 1920 г. № 366.

Трубецкой телеграфирует за № 611.

(Шифр А.) Для Струве в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Нератова № 339 [1]).

Главнокомандующий поручает вам срочно выяснить, возможно ли рассчитывать путем воздействия через французское правительство к отмене своего распоряжения и продолжению снабжения нас

[1]) В подлиннике сноска: «Вход. № 1100».

хотя бы до выяснения реальных результатов переговоров с большевиками англичан, на что мы во всяком случае имеем право рассчитывать. Можем ли рассчитывать на такую же поддержку со стороны Франции в случае отказа Англии?

Вр. и. о. начальника управления иностр. сношений — росс. представителю в Константинополе.

Почтограмма.

Севастополь. 12 июня 1920 г. № 662.

Желательно выяснить через Поклевского, в каком положении находятся переговоры о русских речных судах на Дунае и Пруте, захваченных румынами. Военный представитель в Бухаресте и морской агент в Константинополе отмечают попытки украинцев противодействовать передаче судов нам. Если подвинуть переговоры в Бухаресте невозможно, не следует ли перенести переговоры в Париж, с целью добиться поддержки союзников? Доверительно: морское ведомство изучает вопрос о передаче речных судов в аренду Сербии и Болгарии как действительный способ получить суда от Румынии.

Благоволите, по соглашению с генералом Лукомским и по получении информации от Поклевского, сообщить заключение о наилучшем направлении дела. Трубецкой.

Саблин — министру иностранных дел.

Лондон. 14 июня 1920 г. № 357.

9 июня с. г. на Гровенор Сквер состоялся большевистский митинг для выражения протеста и активного выступления против поляков. Перед польским посольством вокруг трибуны собралась тысячная толпа. Состав толпы был разнообразным. Во многих местах были расставлены полицейские. В своей вступительной речи председатель обратил внимание толпы на присутствие полицейских, которых он назвал «Иудами-предателями», вышедшими из рабочей среды и продавшимися капиталистическому правительству.

Он также обратил внимание на статью в «Ивнинг Стандард», в которой митинги перед польским посольством называют «нюссенс» и призывают к прекращению их.

Первый оратор в начале своей речи с торжеством указал толпе на польское посольство, которое на этот раз испугалось митинга и сняло свой национальный флаг. Это указание вызвало большое оживление толпы. «Мы собрались сюда опять, чтобы притти, наконец,

к решению, каким образом прекратить наступление поляков на Россию, которых обманным образом толкают в бой кучки капиталистов, желающих захватить русские нефтяные промыслы и золотые прииски. Нашему капиталистическому правительству мы не должны верить, оно нас всегда обманывало и обманывает. Оно всегда проводило и будет проводить волю капиталистов, оно куплено ими. Потому мы должны сорганизоваться и действовать сами. Товарищ Ллойд-Джордж (иронический смех в толпе) достаточно обманывал нас, представляясь нашим защитником, — он также продался капиталистам и также наш враг. Вы услышите, как скоро он опять скажет вам: «Мы не можем подавать руки большевикам-убийцам». Теперь он хочет заключить с ними мир только потому, чтобы воспользоваться богатствами России. Не верьте никому, верьте самому себе. Помните одно, что «руки прочь с России — это значит руки прочь с себя». Большевизм в России родился от революции. В Москве сидит глава, товарищ Ленин, который прошел через ужасную судьбу и остается везде и всюду победителем. Этой огромной силы, которая заключает в себе рабочий и крестьянский класс, никто не может победить».

В это время человек пять полицейских соединились и стали пробиваться через толпу по направлению к трибуне. Присутствовавшие остановились. «Не бойтесь их, товарищи, — продолжал оратор, — они не посмеют ничего нам сделать. Каждый из нас должен готов быть арестованным, но это точно временно, скоро придет время, когда власть будет в наших руках, и тогда все наши враги могут эмигрировать, куда они хотят. Нам нужны работники; все те, кто не захотят принимать участие в великой работе, не должны жить. Все обитатели этих роскошных домов, которые вас здесь окружают, могут уходить, куда хотят, нам они не нужны. Вы, рабочие Англии, рабы капиталистов, объединяйтесь: недостаточно слушать эти призывы, нужно начинать действовать. Когда вы завтра вернетесь к своим станкам, скажите своим товарищам, скажите своим детям, что время пришло. Забастовкой мы должны прекратить посылку военного снаряжения и припасов полякам, мы должны прекратить попытку капиталистов задушить большевизм, т. е. задушить нас».

Речь сопровождалась криками согласия и готовности.

Следующий оратор сказал следующее: «Я — убежденный большевик, я уверен, что единственный правильный образ правления страной — это Советская власть. Во всех странах уже начинают поднимать головы рабочие и крестьяне. Они видят, что их спасение идет из Советской России, они чувствуют, что капиталистический строй гниет, что не сегодня — завтра он рухнет, что он уже дрожит, что спасение низшего класса близко. Все члены правительства — наши пре-

датели и враги. Чего они хотят? Они хотят, во главе с Черчилем, вернуть Россию капиталистам, которые скрываются здесь, они хотят задушить голос народа, они выставляют таких же предателей, как, например, Норс и Локхарст, с тем, чтобы, под прикрытием лозунга «Большевики — убийцы», захватить опять власть в свои руки. Не верьте также этому хамелеону Ллойд-Джорджу, который каждый час, каждый день меняет свою окраску и предает нас. Устраивайте сходки на каждом углу, призывайте всех к захвату власти, к захвату рудников, железных дорог и т. п. Всеобщей забастовкой остановите посылку припасов и военного снаряжения в Ирландию и Польшу. Сейчас в Англии находится представитель главы Советской России, товарищ Красин, но не забывайте, что переговорами с ним правительство хочет отвлечь наше внимание от действий Польши. Соединяйтесь, приносите каждый свою работу, и я вам обещаю, что через пять месяцев или, самое большее — через двенадцать, у нас в Британии будет советский режим. Соберемтесь завтра перед Петонвильской тюрьмой, постараемся освободить наших товарищей. В палате общин не далее, как вчера, нас называли «чернью»; так, если хотят этого, будем действовать, как «чернь». Вы сами видите, как отблагодарило правительство героев войны: десятки тысяч их остались без работы, сотни ходят с органами по улицам и собирают милостыню. Или вы называете благодарностью, что иногда дамы-аристократки в шелковых платьях и розовых чулках с печальной деловитостью приносят на памятники павших героев цветы. Все это обман. Им всем нужно, чтобы продолжать властвовать, наживать себе капиталы и иметь попрежнему рабов. Но скоро настанет день, когда власть будет в наших руках».

В толпе развевался красный флаг, чувствовалась большая сплоченность и порядок. Некоторые женщины плакали. Пропев «Красный флаг», толпа стала расходиться. 20 июня назначен самый большой и решающий митинг.

По слухам, сочувственная демонстрация подготовляется перед помещением красинской делегации и враждебная перед Чешам-Хаузом, который, по словам сочувствовавших ораторам лиц в толпе, следовало бы разгромить.

По сведениям и английским и русским, в толпе манифестантов замечается большое количество русской еврейской молодежи из соответственного квартала Лондона. По моему мнению, было бы чрезвычайно желательно, чтобы наши государственно-мыслящие еврейские круги предприняли бы кое-какие шаги с целью противодействия вредной пропаганде большевизма среди некоторой части лондонской еврейской молодежи. В частности, меня интересует вопрос, проникает ли в еврейскую русскую среду такой полезный журнал, как

«Еврейская трибуна». Издается ли эта газета лишь на русском языке или имеется и английское издание? Имеется ли издание на еврейском языке? Последнее необходимо. Если наиболее возмутительные статьи, печатаемые в таких газетах, как «Зе Колл» и «Зе Уоркерс Дреадноут», переводятся на еврейский, почему бы «Еврейская трибуна» не занялась бы тем же и, в свою очередь, распространяла бы свои здравые мысли среди еврейской молодежи? Об этом следует думать.

Нератов — послу.

Константинополь. 15 июня 1920 г. № 394.

Трубецкой просит передать Струве за № 634.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 557 [1]).

(Шифр.) Не представляется ли возможным юридически обосновать наши настояния на предоставлении нам военных материалов из Германии на последнем абзаце статьи 116 и последнем абзаце статьи 169 Версальского трактата?

Росс. представитель в Варшаве — представителю в Константинополе.

Варшава. 16 июня 1920 г. № 112н.

Почтой.

Для барона Врангель. Копия Струве.

В виду изменившейся за последние месяцы обстановки, русско-польское соглашение сможет состояться ныне лишь в виде соглашения чисто военного, но отнюдь не политического. Таковое военное соглашение вытекает из необходимости, как для поляков, так и для нас, иметь русский национальный флаг и русские части на польском антибольшевистском фронте. Основою его должно быть решение формировать отдельные русские отряды под русским командованием на польской территории. В этом направлении работаю, с ведома Бернацкого и Струве. Прошу телеграфировать ваше отношение к этому проекту. Савинков.

Кутепов.

Секр. телеграмма росс. поверенного в делах в Варшаве — росс. представителю в Константинополе от 16 (29) июня 1920 г. № 123.

Получена почтой в Севастополе 20 июля (2 августа) 1920 г.

Получил вашу телеграмму № 724.

Осведомительная. Польские войска после оставления 12 июня н. ст. Киева отошли приблизительно на исходную позицию наступ-

[1]) В подлиннике сноска: «Вход. № 1099».

ления, начатого 24 апреля н. ст. Несмотря на объявление главного командования, что отступление, предпринятое добровольно, по стратегическим соображениям, закончено, — отступление продолжается под напором превосходных сил. Дух войск не..... [1]) и постоянно производятся контратаки, имеющие местный успех. Нет оснований опасаться серьезного ослабления сил армии. Внутреннее положение не возбуждает особых опасений для армии. Забастовка варшавских рабочих, тянувшаяся две недели, прошла без эксцессов и ликвидирована. Длившийся одновременно правительственный кризис, после неудачных попыток формирования различных кабинетов, в том числе оппозиционного блока левых партий, закончился образованием делового, скорее правого, кабинета с министром-председателем Владиславом Грабским и министром иностранных дел князем Сапегой — послом в Лондоне во главе. Возможно однако ожидать под влиянием внешних и внутренних факторов поднятия вновь вопроса о мирных переговорах с большевиками, которые, можно сказать с уверенностью, не приведут к миру. Последствием заключения мира, по общему мнению, был бы развал. Украинская политика потерпела фиаско, что все, конечно, сознают. Под влиянием этого намечается стремление к сближению с русскими антибольшевистскими силами, в частности с южнорусской властью.

Горлов.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 июня 1920 г. № 416.

Трубецкой телеграфирует за № 668. Копию Струве.

(Шифр.) Прибыв с фронта, главнокомандующий пригласил генерала Перси и сообщил ему, что он взял часть той территории, на необходимость коей, для снабжения армии, он указывал с самого начала. Оставаясь лойяльно на почве своих прежних заявлений, генерал Врангель, через генерала Перси, просит британское правительство выяснить затронутый в последнем письме его на имя верховного комиссара вопрос о реальных гарантиях, которые могли бы быть получаемы относительно неприкосновенности территорий, занятых вооруженными силами на юге России, в случае осуществления намечавшихся английским правительством переговоров с большевиками.

Генерал Врангель просит английское правительство сообщить свой взгляд на это дело в возможно скорейшем времени, дабы он мог, в связи с этим, принять то или иное решение, ибо, только при наличии реальных гарантий и продолжения поддержки со стороны союз-

[1]) Пропуск в подлиннике.

ников, главнокомандующий может не переходить за пределы намеченной им для указанной цели территории. Генерал подчеркивает, что было бы совершенно невозможно, в случае наступательных действий противника, ограничиться пассивной обороной.

Из опроса пленных выясняется, что большевистская армия должна была перейти в общее наступление на Крымский полуостров 27 мая ст. ст., т. е. через 2 дня после нашего наступления, предпринятого главнокомандующим, дабы выхватить инициативу из рук противника. Обстоятельство это вновь подтверждает настоятельную необходимость реальных гарантий.

Благоволите со своей стороны объясниться в изложенном смысле с адмиралом де-Робеком и сообщить содержание настоящей телеграммы прочим союзным комиссарам.

Саблин — Гирсу.

Лондон. 22 июня 1920 г. № 380.

Согласно поступающим ко мне сведениям, в переговорах с Красиным сейчас наступил критический момент. Англичанами выставлено требование, чтобы Советское правительство признало частную собственность иностранцев предварительно заключения с ним договора о возобновлении торговых сношений. Требование это было, якобы, предъявлено Ллойд-Джорджем лишь при вторичном его свидании с Красиным; в числе первоначальных условий английского правительства при открытии переговоров оно не фигурировало. Объясняется это тем, что в признании частной собственности иностранцев в России и в выплате за понесенные иностранцами убытки заинтересованы крупные английские фирмы, в руках коих была сосредоточена торговля с Россией до войны. Естественно, что буде соглашение с Советами состоится, на эти крупные английские фирмы снова выпадает роль фактического ведения торговли с большевиками. Поэтому Ллойд-Джорджу пришлось склониться перед их требованием о возмещении ранее понесенных английскими фирмами и частными лицами в России убытков. Понятно, что признание частной собственности иностранцев в России для большевиков совершенно неприемлемо. Таковое признание в случае его проведения в жизнь означало бы верную гибель коммунистического строя. Поэтому Красин покуда, якобы, согласился лишь на то, чтобы вопрос о возмещении убытков был «обсужден» в том случае, если будет созвана официальная конференция по заключению мира с большевиками и последним со своей стороны будет дана возможность формулировать свои претензии к союзникам.

Многие полагают, что это новое препятствие окажется для переговоров роковым. Высказываются даже мнения, что Красину в весьма скором времени придется вернуться во-свояси. Считая такую оценку преждевременной, все же привожу эти сведения в подтверждение неоднократно высказывавшегося мною мнения о том, что переговоры с Красиным идут далеко негладко и что здешним ярым сторонникам соглашения с большевиками неминуемо предстоят весьма горькие разочарования. Вопрос, когда это разочарование наступит: еще по пути к соглашению или уже тогда, когда формальное соглашение удастся подписать и придется попытаться его осуществить на деле.

Посланник в Бухаресте — росс. представителю в Константинополе.

Бухарест. 24 июня 1920 г. № 27.

Телеграмма № 421 получена.

(Кама.) Новый министр иностранных дел Таке Ионеско в разговоре со мной сочувственно отнесся к вопросу о пропуске чрез Румынию отряда генерала Бредова. На таком пропуске сухим путем до Галаца так сильно настаивала здешняя польская миссия, которая 22 июня сообщила генералу Геруа и мне, что румынское правительство дало на это принципиальное свое согласие.

Поклевский.

Нератов — послу.

Константинополь. 25 июня 1920 г. № 446.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует на № 712.

(Шифр А.) Необходимо выяснить и, буде возможно, урегулировать кардинальный вопрос о снабжении в связи с последними распоряжениями англичан, ибо без заграничных военных материалов невозможно дальнейшее наступление и даже крайне затруднится задача обороны Крыма. Кривошеин.

Мои заключения по сей телеграмме следуют.

Ген. Лукомский — послу.

Константинополь. 28 июня 1920 г. № 3171.

792. В Турции проживает, по нашим сведениям, 35 000 русских. Из них беженцев — 21 000, в том числе в Константинополе находится 10 000 беженцев. В Египте имеется 3 520 беженцев, в Салониках, на

Лемносе и Кипре 6 100, в Болгарии и Сербии 20 000. Нуждающихся в немедленной помощи 12 000 человек. В Комитет помощи русским беженцам в Константинополе, под председательством Пильца, обслуживающий беженцев всех упомянутых местностей, входит организация заведующего эвакуированными военными и их семьями, во главе с генералом Половцовым и Поплавским, «Красный крест» — Витте, Глинкой и Лукомской, «Земсоюз» — Челышевым, Шликевичем и Горяиновым и «Согор»—Гекулиной, графиней Паниной и Дмитриевым. Помощь оказывается питанием, снабжением, лечением, обучением, устройством трудовых предприятий, облегчением выезда и небольшими пособиями. На расходы всех организаций, за отсутствием собственных средств, отпущено было Правительством юга России на два месяца 350 000 турецких лир, каковые иссякли. Новые правительственные ассигнования затруднены. На расходы делу помощи беженцам в ближайшие шесть месяцев необходимо минимум 2 500 тысяч фунтов стерлингов, без каковых средств невозможно поддержать беженцев до возвращения их в Россию. № 3171. 28 июня.

Лукомский.

Саблин — министру иностранных дел.

Лондон. 30 июня 1920 г. № 398.

Один из моих информаторов, имеющий доступ в различные слои английского общества и нередко обнаруживающий хорошую осведомленность, сообщил мне следующее.

Резолюция членов последней конференции рабочей партии в Скарборо, отвергнувшая подавляющим большинством голосов предложение выйти из Второго Интернационала и присоединиться к Третьему, произвела сильное впечатление как на рабочих, так и на средние классы, но впечатление — диаметрально противоположное.

Как я имел случай доносить г-ну министру ранее, всеобщая железнодорожная забастовка прошлым летом, а равно и попытки полицейской забастовки и забастовки транспортных рабочих, возбудили серьезные опасения средних классов и вызвали в них сознание надвигающейся на страну катастрофы и необходимости скорейшей организации для борьбы с нею.

Была организована Лига средних классов, число членов коей достигло скóро четырех миллионов. Все члены были зарегистрированы сообразно своим профессиям или своему умению и желанию приступить, на случай забастовки рабочих, по первому требованию

Лиги, к выполнению необходимых работ, в особенности работ по обслуживанию железных дорог и иных видов транспорта. Железнодорожная забастовка прошлой осенью была побеждена, главным образом, благодаря энергичному проявлению общественной самодеятельности. Ныне, к сожалению, интерес к Лиге стал слабеть, а замечаемое поправение лидеров рабочей партии и, в особенности, результат голосования представителей ее в Скарборо могут в дальнейшем еще ослабить бдительность средних классов и вселить в них уверенность, что опасность уже на исходе.

Среди рабочих наблюдается совсем другое настроение. Производительность продолжает сокращаться, стоимость жизни продолжает возрастать, расходный бюджет увеличивается, налоги повышаются в соразмерности, капитал начинает уходить из Англии, и многие промышленные предприятия закрываются по причинам неблагоприятной экономической конъюнктуры. Число безработных не уменьшается, рабочие продолжают волноваться.

Помочь этому могло бы только немедленное поднятие производительности, а последнее возможно лишь при условии снабжения Англии в достаточном количестве дешевым сырьем и пищевыми припасами, получить кои можно бы только из России.

Положение это создает благодарную почву для агитации среди рабочих, которым систематически внушается, что все невзгоды являются результатом неправильной политики средних классов, что классы эти заботятся лишь о своих непосредственных интересах, что они живут, одеваются и питаются сами не хуже, чем до войны и предоставляют всем лишениям обрушиваться на рабочих. Указывают, что представители рабочих в парламенте и в рабочих союзах перестали быть выразителями их интересов, что сами рабочие союзы поддались влиянию средних классов и что настало время самим рабочим, по примеру русских своих товарищей, взять дела правления в свои руки и провести принудительным путем правильное распределение национального достояния и доходов. Движение это распространяется постоянными собраниями, организуемыми по всей стране и протекающими, на первый взгляд, довольно мирно, а опасность незаметно возрастает. В Ирландии идет гражданская война и создаются понемногу вооруженные отряды, весьма схожие с отрядами Красной армии в России.

Все это заставляет моего информатора думать, что критический период в Англии еще далеко не миновал; напротив, он считает, что положение продолжает обостряться и может повлечь за собою тяжелые конфликты, если только не удастся изыскать способы к облегчению экономического положения страны.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 1 июля 1920 г. № 209.

(Шифр.) По предписанию из Лондона, английский посол возбудил здесь вопрос о финансировании Китайской Восточной железной дороги действующим в Китае международным консорциумом. Японское правительство относится весьма несочувственно к этой мысли, которую оно считает внушенной Англии Америкой по соглашению с Китаем, и будет противиться ее осуществлению.

Из разговоров с английским послом я также вынес убеждение, что инициатива этого предложения принадлежит Америке. Повидимому, обмен мыслей по этому поводу между английским, американским и французским правительствами продолжается.

По моему мнению, финансирование Китайской Восточной железной дороги консорциумом привело бы к самым пагубным последствиям с точки зрения русских интересов, так как свелось бы к интернационализации дороги и, следовательно, к окончательной ее потере для нас.

Копия в Пекин.

Ефремов — Гирсу.

Берн. 1 июля 1920 г. № 661-I.

(Шифр Ал.) Из Англии, по инициативе английского правительства, отправлена в распоряжение войск армии генерала Врангеля в Крым миссия «Красного креста», состоящая исключительно из англичан. Некоторые из них говорят по-русски. Ныне эта миссия находится в пути, а, может быть, даже прибыла на место своего назначения.

Под флагом «Красного креста» и оказания помощи армии Врангеля англичане снарядили специфическую разведочную организацию, действия которой могут быть чреваты последствиями: не исключается возможность передачи большевикам сведений военного характера, добываемых этой миссией для сообщения в Лондон. Так, по крайней мере, утверждает агентура, в отношении которой не может быть никаких сомнений.

По цензурным условиям, в настоящее время невозможно получить более подробные сведения об этой английской разведочной экспедиции, но нужные и возможные меры приняты, и агентурному источнику даны указания о более детальной разработке этого вопроса. Как только эти дополнительные данные будут получены, они будут сообщены.

Ефремов — Гирсу.

Берн. 1 июля 1920 г. № 361-II [1]).

(Шифр Ал.) Лондонские переговоры с Красиным привели к результату, и английское правительство в самом ближайшем будущем опубликует официальное сообщение о своих договорах с Советской республикой в отношении экономических сношений, являющихся лишь прикрытием состоявшегося полного политического соглашения, так как большевики «дали слово» прекратить агрессивные действия в Персии, обязавшись в то же время не вести никакой пропаганды ни в Персии, ни в Индии.

Саблин — посольству.

Лондон. 3 июля 1920 г. № 401.

(Шифр.) Сегодня в левой печати появилось письмо, якобы написанное в мае прошлого года генералом Головиным из Лондона — Сазонову и генералу Щербачеву в Париж. Автор письма выставляет британского военного министра Черчиля и др. в роли, совершенно не соответствующей действительности и наносящей ущерб их доброму имени и русскому делу в Англии. В понедельник ожидается по сему поводу запрос в парламенте. Не сочтете ли вы необходимым немедленно же напечатать в парижской и лондонской печати сообщение, что документа, воспроизведенного лондонской газетой «Дейли-Геральд» в субботу, не имеется в архивах русских посольств в Париже и Лондоне. Поэтому представители российского Временного правительства за границей вынуждены заявить, что считают документ этот произведением какого-либо автора, знакомого с обстановкой и поставившего себе целью дискредитировать политических деятелей, которым он не сочувствует. Дело уже вызвало большую сенсацию и энергично используется известными сферами. Я только-что был в британском военном министерстве по сему поводу и представил на их одобрение текст вышеизложенного опровержения. Они обещали обсудить дело и просили обождать с опровержением до получения от них окончательного ответа. На случай получения ответа в положительном смысле от британских военных властей немедленно сообщу вам, а одновременно, в виду срочности дела, помещу опровержение в лондонской печати.

---

[1]) На подлиннике помета: «II-вход. № 1333».

Саблин — Гирсу.

Лондон. 3 июля 1920 г. № 402.

Сегодня опубликовано в печати письмо генерала Головина на имя С. Д. Сазонова и генерала Щербачева от 6 мая 1919 г. Письмо это было раздобыто английским корреспондентом, состоящим при рабочей делегации, вернувшейся недавно из России. Напечатано оно сегодня в трех газетах «Манчестер Гардиан», «Дейли Ньюс» и «Дейли Геральд». Экземпляр «Дейли Геральд» с полным содержанием письма при сем препровождается. Копия письма была дана корреспонденту из московских архивов. Большевики раздобыли копии письма в Архангельске и Омске после занятия этих городов Красной армией.

Появление письма на столбцах английских газет в то время, когда, как известно, русский вопрос опять стоит на очереди и живо обсуждается общественным мнением, приходится считать исключительно досадным.

Нет способов избежать сенсации, и трудно ныне учесть весь тот вред, который будет принесен опубликованием этого документа.

Несомненно, как это уже теперь заметно из комментарий газет, документ будет, главным образом, использован всецело против Черчиля, а личности русских деятелей будут задеты лишь мимоходом.

Никто из англичан не осудит русских за способы их политики и за старание найти помощь там, где ее всего легче добиться, но тем ожесточеннее враги Черчиля, которых, к сожалению, весьма много, даже среди консерваторов, накинутся на английского государственного деятеля, — по всей вероятности, единственного нашего искреннего друга, и с ним и навсегда дружественно к нам настроенного сэра Самуэля Хора, а для нас это много более досадно и вредно, чем нападки на нас русских, к которым мы за последние годы так привыкли. К тому же трудно избежать впечатления, что все же сами русские, хотя бы и против нашей воли, головой выдали лучшего нашего друга.

Нет основания, конечно, чрезмерно скорбеть о том, что уже более непоправимо, но все же кажется настоятельно необходимым принять самые действительные, быстрые меры к предотвращению повторения таких прискорбных случаев в будущем.

Одной из таких мер, казалось бы, могло бы быть сокращение всяких лишних «копий», практика коих весьма и весьма распространена в нашем делопроизводстве, до самого необходимого минимума, а также отказ от хранения в архивах секретных документов, подобных опубликованному. Документ, о коем идет речь, несомненно, мог бы быть подвергнут уничтожению после прочтения его или копии с него получателем, так как характер документа был чисто информа-

ционным, как вообще характер большинства весьма секретных бумаг. При постоянных передвижениях наших фронтов неприкосновенность архивов является полной невозможностью.

Возвращаясь к содержанию опубликованного письма ген. Головина, можно уже ныне определить ту линию, по которой, в связи с ним, пойдет кампания против Черчиля. Его не будут осуждать против самого факта поддержки русских военноначальников и даже не так за фразу, особо подчеркиваемую сегодня «Дейли Геральдом», что он, Черчиль, сам исполняет приказы Колчака; фраза эта лишь — поворот речи, и для нее есть объяснение в самом тексте письма — как его заявление, что эвакуация Архангельска производилась лишь для вида и что десятитысячный английский отряд, посылаемый, якобы, в целях эвакуации, отправлялся на деле для наступательных действий. Здесь содержится видимость обмана английского общественного мнения, и за это Черчилю придется дать ответ. На деле весьма сомнительно, каково в действительности в данном случае было намерение Черчиля, и не объяснялось ли именно заявление Черчиля Головину желанием временно утешить русского генерала за отозвание английских войск из Архангельска. Все же ведь отозвание, в действительности, имело место, если даже Черчиль об этом сожалел. Весьма вероятно, что в этом смысле будут объяснения Черчиля, и мне кажется, что, при случае, нам его в этом необходимо поддержать.

Для нас непосредственно самый большой вред заключается в опубликовании заявления, что «Красный крест» мог бы быть использован для прикрытия формирования армии ген. Юденича, и здесь, конечно, единственным оправданием этого совершенно недопустимого предложения может послужить то, что даже малейшая попытка в этом направлении сделана на самом деле не была и что «Красный крест» никакого участия в предложении этом не принимал.

Как бы то ни было, даже при наилучшем повороте всего дела, вред уже нанесен опубликованием письма ген. Головина и даже если, на что нужно надеяться, Черчилю удастся оправдаться перед английским общественным мнением, то на ген. Врангеле все это происшествие, несомненно, невыгодно отразится, и он будет предоставлен самому себе именно в тот момент, когда ему так необходима всякая поддержка, хотя бы нравственная.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 3 июля 1920 г. № 128.

(Шифр Д.) Председатель совета министров Грабский заявил в сейме, что государство — в опасности и необходимо обеспечить быстроту решений в делах войны и мира. Образован совет национальной

обороны под председательством начальника государства. Последний получает фактически диктаторскую власть, так как больше половины состава совета — министры и генералы. Военное положение за эти дни не ухудшилось. Я был принят третьего дня Пилсудским. Он, видимо, сохраняет спокойствие и уверенность.

Копия Трубецкому.

Саблин — министру.

Лондон. 4 июля 1920 г. № 403.

Я имел непродолжительный разговор с одним из членов форейн-оффиса, накануне вернувшимся из командировки в Польшу. По мнению моего британского коллеги, заявление Пилсудского, что неуспехи польских армий против большевиков в значительной степени должны быть приписаны начавшимся в Лондоне переговорам между гг. Ллойд-Джорджем и Красиным—вполне основательны. Переговоры эти произвели в общем весьма тяжелое впечатление на правительственные круги в Варшаве. Они, по мнению моего информатора, конечно, не способствовали ни настроению в войсках, ни, в особенности, в тылу, где большефильствующие элементы подняли голову и занялись пропагандой. Пилсудскому, якобы, было совершенно определенно заявлено англичанами, что Англия не санкционирует завоеваний Польши за счет России. Но что, если Пилсудский воюет против большевиков, «England mighe help him». Польский правитель дал, якобы, самые категорические заявления, что воюет не против России, а против большевиков. Он, якобы, проявлял искреннее желание войти с ними в самое благоразумное соглашение (sensible agreement), как только генерал Врангель сумеет развить свой успех.

На мое замечание: «А как насчет Врангеля? Судя по заявлению премьера, Англия его бросает»,— мой собеседник воскликнул: «Англия никогда не бросает тех, у кого успех». Должен попутно заметить, что тяжелые неудачи польских армий не вызывают здесь никаких симпатий. Газеты совершенно этого не комментируют. Но издатели в разговорах не стесняются выражать даже некоторое удовлетворение по поводу побед, якобы, Брусилова и «генерала Буденного». Так, например, Гарвин с особым наслаждением заявил, что счастлив, что «проклятым идиотам-полякам досталось от большевиков». Я боюсь, что издатель «Обсервера» и друг Ллойд-Джорджа не столько печется о России, сколь о Советах. Я должен однако оговориться, что Гарвин неизменно заверяет меня в своей любви к России и не далее, как третьего дня, за обедом у Локар Ломсона, он с большим пафосом утверждал, что «Англия не имела лучшего и более благородного союз-

ника, чем Россия». Я не упомяну здесь его выражений по адресу Франции. Но у него несомненная idée fixe, что лишь путем «широкого открытия дверей и окон Советской России удастся проветрить наше отечество».

Саблин — Гирсу.

Лондон. 6 июля 1920 г. № 410.

Вчера в палате общин член палаты Кенворси запросил статс-секретаря по иностранным делам, приезжает ли г. Струве, министр иностранных дел при генерале Врангеле, в Англию, будет ли он допущен в Англию и имеет ли английское министерство иностранных дел намерение вступить с ним в официальные сношения.

Помощник статс-секретаря по иностранным делам Хармоворс ответил, что г. Струве в Англию приезжает, что в официальные сношения с ним министерство иностранных дел вступать не предполагает, — что же касается допуска г. Струве в Англию, то английское правительство не видит причин к отказу в допущении г. Струве в Англию.

Нератов — посольству.

Константинополь. 6 июля 1920 г. № 483.

Трубецкой телеграфирует российскому представителю в Варшаве за № 739 от 14 (27) июня 1920 г.

Получил вашу телеграмму № 144.

(Шифр.) Главнокомандующий уполномочивает вас заявить, что польские войска не только не являются в его глазах вражескими, но рассматриваются им как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом. Разрешение политических и территориальных вопросов может последовать лишь по окончании общей борьбы.

Недавно уехавший отсюда Скомпский вполне осведомлен о том, насколько неосновательны приписываемые нам планы реакции и реставрации. Внутреннее строительство России мыслится на широких демократических началах и волеизъявлении самого народа. В силу уже изданного приказа, на освобождаемой территории немедленно осуществляется земельная реформа путем передачи земли обрабатывающим ее домохозяевам на правах собственников при улсовии выкупа.

Нератов — послу.

Константинополь. 6 июля 1920 г. № 494.

Для Струве.

(Шифр.) Главнокомандующим издан приказ, разрешающий возвращение в Крым семействам офицеров, находящихся на действительной службе. Приказ этот рассматривается здешними комиссарами как достаточное основание для осуществления своего решения о прекращении дальнейшей работы и содержании наших беженцев. Англичане уже объявили предложение нежелающим проследовать на Лемнос списаться с пайка на Принкипо до 14 сего июля и вернуться в Крым. Считаем такое возвращение преждевременным и могущим пагубно отразиться на состоянии тыла, от устройства которого зависит успех общего дела. Необходимо добиться осуществления плана расселения некоторой части беженцев в Греции, изложенного в телеграмме моей от 23 июня № 435. Есть полное основание предполагать, что вышеупомянутый приказ был издан под давлением многочисленных частных жалоб на неудовлетворительность условий содержания помянутых неимущих беженцев и является до известной степени вынужденным.

Саблин — Гирсу.

Лондон. 7 июля 1920 г. № 413.

Запросы в парламенте по поводу письма ген. Головина прошли для Черчиля вполне благополучно.

В понедельник предполагалось, что Черчиль ответит на запросы сам, и в парламентских кругах указывалось, что у него готов пространный письменный ответ, который он собирается огласить. Но до этого в понедельник так и не дошло. Противники Черчиля, очевидно, не сговорились заранее, и атака их на него была лишена согласованности. Английская парламентская практика допускает постановку запросов как самому премьеру, отвечающему за весь кабинет, так и каждому министру в отдельности. В понедельник были заявлены запросы премьер-министру членом парламента Малоне и членом парламента Веджвудом Бенном и статс-секретарю по военным делам— членом парламента Клайнсом. Первый запрос имел место, и на него ответил в присутствии премьера Бонар Лоу. Клайнс же почему-то решил, что он со своим запросом опоздал, и его так и не заявил, оставив его на следующий день.

Как видно из препровождаемого при сем отчета из «Дейли Телеграф», Бонар Лоу, по указанию Черчиля, занял позицию полного

отрицания заявлений ген. Головина касательно разговора последнего с Черчилем. Сам факт разговора не опровергался, об аутентичности письма не говорилось. Зато содержащиеся в письме сведения были без дальнейшего объявлены совершенно ложными и нелепыми. После некоторых попыток членов парламента Веджвуда Бенна и полковника Веджвуда привлечь Черчиля к ответственности за самый факт свидания с ген. Головиным и совещания с ним, якобы без согласия кабинета, в понедельник все дело этим и закончилось при совершенно равнодушном отношении палаты.

Вчера Клайнс, наконец, предъявил свой запрос самому Черчилю.

Враги Черчиля надеялись, что он, оставаясь верным своим боевым политическим традициям, выступит с длинным ответом, который снова поднял бы злободневность вопроса и дал бы противникам Черчиля случай вступить с ним в ожесточенный политический бой. Но все эти расчеты не оправдались. Черчиль не прибавил ни одного слова к ответу Бонар Лоу, заявив, что ответ этот исчерпывает весь вопрос. Состав палаты, если возможно, был еще более равнодушен ко всему делу, чем накануне, и таким образом можно полагать, что вопрос о злополучном письме ген. Головина окончательно выйдет из стадии обсуждения его в парламенте.

В печати он еще занимает довольно видное место на столбцах трех газет, напечатавших впервые письмо ген. Головина, но нового в последних комментариях не имеется ничего. Остальные же газеты либо совершенно молчат, либо становятся на сторону Черчиля.

Английский военный министр благополучно вышел из казавшегося вначале весьма неприятным положения. Насколько нам удастся ликвидировать вред, нанесенный нашим интересам, укажет лишь будущее.

При сем прилагается напечатанное сегодня в «Таймсе» интересное письмо сэра Самуэля Хора, имя которого было упомянуто в письме ген. Головина. Из письма можно заключить, что этот достойный английский политический деятель не изменил своего благожелательного отношения к своим русским друзьям.

Бар. Розен — Гирсу.

Христиания. 7 июля 1920 г. № 383.

Ссылаюсь на мое донесение от 14 июня.

(Шифр.) Мои опасения отчасти уже сбылись. По заявлению министра иностранных дел в парламенте, здешние дипломатические представители России вычеркнуты из дипломатического списка. Мини-

стерство иностранных дел с некоторых пор сносится официально лично со мною. Пока продолжаю получать в министерстве весьма предупредительный прием.

Нератов — посольству.

Константинополь. 8 июля 1920 г. № 507.

Для Гирса и Струве.

(Шифр А.) Прибывший из Севастополя начальник штаба американского военного представителя в Крыму Коллер сообщил мне о полученном им здесь по радио из Севастополя сообщении о том, что Махно высказался за согласованность действия с армией главнокомандующего.

Запросил подтверждений Трубецкого.

Горлов — послу.

Варшава. 8 июля 1920 г. № 136.

Для Струве и Бернацкого.

Савинков просит передать.

(Шифр Д.) На долг России Польской республике будут отнесены расходы по снаряжению отряда. Расходы, связанные с сосредоточением его и организацией всего предприятия, покрываются краткосрочным займом, который должен быть в свою очередь покрыт из сумм, обещанных Бернацким. Об этом обещании Бернацкого поставлены, со слов Дерепталя, в известность польские власти. Неисполнение его подорвет в корне доверие к русскому слову и крайне затруднит, если не погубит, дело. Формирование подвигается вперед успешно. Распространяемые сведения о положении на фронте преувеличены. Заявление о том, что Польша ведет войну не с Россией, а с большевиками, сделано Пилсудским и советом обороны. Генерал Скалон, полковник Маркович доложат Врангелю лично о положении дела. Прошу ходатайства перед Врангелем об ассигновании обещанных сумм. Жду ответа.

Копия генералу Владимирову.

Горлов — Базили.

Варшава. 8 июля 1920 г. № 137.

(Шифр Д.) Посланник в Румынии, вероятно, перед приездом Мурузи в Бухарест передал сюда вашу телеграмму № 916. Позволю себе и со своей стороны ответить на вопросы. Нет оснований ждать

безрезультатности начинаний Савинкова. Поддержка их главнокомандующим будет сочтена за акт дружественный, отстранение — равнодушием к судьбе Польши. Казалось бы, никогда Польша... [1]) в предвидении всех возможностей оставить руководство за Савинковым, обеспечив ему помощь Франции. Неуспех продолжается, польские войска отступают на.....е [2]) и на юге, взято Ровно. Но, наконец, замечается народный подъем. В Варшаве патриотические манифестации и многочисленные добровольцы идут в армию. Сопротивление армии и нации не сломлено. Положение крайне серьезно, но не безнадежно.

Горлов — посольству.

Варшава. 9 июля 1920 г. № [?.]

(Шифр.) Румынский посланник заявил мне вчера, что при пропуске каждого эшелона бредовских войск пропустили столько лиц, сколько есть проверенных мест на приготовленных в Галаце трех специальных судах; первый эшелон, вышедший 5 июля, задержан на границе и отвезен в Станиславов. Второй эшелон, вышедший 7 июля, очевидно, тоже задержан. Дальнейшая отправка эшелонов Бредовым задержана до выяснения наличия судов. О происшедшем Бредов телеграфировал генералу Врангелю, прося о скорейшей посылке транспортов.

Персиани — Гирсу.

Рим. 10 июля 1920 г. № 51.

(Шифр.) Медведев телеграфирует из Владивостока 8 июля:

«Японский посланник объявил оккупацию Сахалинской области как репрессалию за Николаевские события. Оппозиция и местное правительство протестовали перед Лигою наций против произвольной меры. Телеграфируйте ваш образ действий по сему предмету».

Я воздержался от ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 11 июля 1920 г. № 518.

Срочно.

Для Струве.

(Шифр.) 7 июля Батум сдан союзниками грузинам. Союзнические войска выведены. На рейде осталась часть флота для последней помощи и вызова их агентов. Батумские форты взорваны англича-

[1]) Пропуск в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

нами. Грузины в настоящую минуту достаточны для отражения попыток аджарцев завладеть городом. Дальнейшая участь Батума зависит от возможной поддержки аджарцев со стороны турок-националистов, сосредоточивших некоторые силы невдалеке. С другой стороны, пропаганда большевиков в Грузии весьма сильна. Под их влиянием грузинское правительство пригласило наше представительство в Тифлисе спешно выехать, ибо большевики потребовали выдачи им русских, прикосновенных к нам. Гегечкори вышел в отставку, министром иностранных дел назначен Лордкипанидзе, а товарищем министра Ираклий Церетелли, выехавший в Париж с особым поручением. Повидимому, решение англичан эвакуировать Батум вызвано опасением столкновений там с кемалистами, из коего союзники не рассчитывали выйти победителями. Боевое же поражение нанесло бы сильный удар их престижу. Военное положение в Константинополе и на проливах продолжает быть для союзников прочным.

Горлов — послу.

Варшава. 12 июля 1920 г. № 146.

Для Струве.

Я телеграфирую Врангелю:

(Шифр Д.) Во избежание каких бы то ни было недоразумений, еще раз довожу до вашего сведения, что хотя формируемый ныне в Польше отдельный русский отряд под начальством генерала Глазенапа, естественно, является частью, от Юга автономной, но цели его совершенно совпадают с вашими, и как я, так и генерал Глазенап, всемерно готовы содействовать успеху вашего... ... [1]). Происшедшее соглашение между Пилсудским и мною я рассматриваю лишь как первый шаг по пути вашего соглашения с Польшей, каковое для данного момента, к сожалению, затруднено внутренним положением в стране. Прошу вас телеграммою определить ваши отношения к формируемому отдельному русскому отряду. Савинков.

Вр. и. о. начальника управления иностр. дел — росс. представителю в Константинополе.

Севастополь. 13 июля 1920 г. № 817.

Благоволите передать Струве в Париж.

По полученным сведениям, бывший полтавский вице-губернатор Бехтеев и херсонский помещик Ветчинкин направляются в Берлин.

[1]) Пропуск в подлиннике.

через Прагу, намереваясь вступить в переговоры с немцами, якобы от имени главнокомандующего. Предупредите Боткина, что главнокомандующий этих лиц не знает и никаких поручений на них не возлагал. Трубецкой.

Нелидов — посольству.

Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 1.

(Шифр.) Ллойд-Джордж сделал следующее сообщение Советскому правительству. Прежде всего он принимает к сведению согласие последнего на условия, поставленные Англией в связи с вопросом о восстановлении экономических сношений, а именно — отказ большевиков от действий, направленных против английских интересов в Азии, и прекращение большевиками пропаганды в чужих странах, а также признание ими долгов по торговым делам с англичанами. Затем Ллойд-Джордж делает Советскому правительству новое предложение, в целях восстановления мира на территории прежней Российской империи. Большевики приглашаются немедленно заключить перемирие с поляками. Польские войска должны будут уйти за линию, установленную в прошлом году Конференцией, как предел бесспорно польских территорий, т. е. на линию, проходящую через Брест-Литовск. Большевикам предлагается не переходить за черту, отстоящую от этой линии на 50 километров к востоку. В случае установления перемирия, для заключения мира с Советским правительством и решения всех вопросов, с ним связанных, предполагается в Лондоне в начале августа созвать конференцию с участием, кроме Польши, еще Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, а также представителей Восточной Галиции, для предоставления последним возможности отстаивать свои притязания на независимость. Ни Украина, ни кавказские образования не упоминаются. В случае принятия Советами этого предложения, английский первый министр со своей стороны согласится на свободный выбор большевиками своих представителей, т. е. готов будет допустить Литвинова в Лондон.

Нелидов — посольству.

[Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 2.

(Шифр А.) Это перемирие должно быть распространено и на фронт Врангеля, который должен будет отступить на Перекопский

перешеек. Если Врангель на это согласится, ему будет предложено прислать своих представителей на Лондонскую конференцию. На ответ большевикам дается восемь дней. Предложение это делается от лица одной Англии, но в общем согласии других союзников. Пока текст его хранится втайне даже от второстепенных союзников.

Нелидов — посольству.

Брюссель. 14 июля 1920 г. № [?].

Базили просит передать Гирсу.

№ 3.

(Шифр А.) 1) Военное положение поляков считается Конференцией в ближайшем времени не менее критическим, чем в печати. Пильц не скрыл от меня, что опасается за Варшаву.

2) Заключение перемирия считается неизбежным, ибо мало вероятно, что большевики на него не согласятся.

3) Наши друзья из состава Конференции оценивают оборот событий как исключительно благоприятный в национальном отношении, вопрос о соглашении нашем с поляками, как потерявший практическое значение, что представляется правильным.

4) Пильц проявляет большое желание с нами сговориться. В военном отношении, на случай маловероятный — отказа большевиков от перемирия, особенно же в отношении политическом, именно в вопросе о Восточной Галиции, который поставлен теперь Ллойд-Джорджем, он желал бы получить от нас заявление об отсутствии заинтересованности нашей в Восточной Галиции. Пильц очень желал бы вас видеть.

5) Новые резервы большевиков исчисляются в 20 пехотных и 6 кавалерийских дивизий.

6) Требование об отступлении Врангеля за Перекопский перешеек мотивируется невозможностью удержаться к северу от него в случае большевистского нажима. Нашим соображениям о необходимости территории для продовольствования Крыма уделяется мало внимания.

7) В случае, если бы вы сочли нужным сделать заявление членам Конференции по содержанию вышеизложенного, сообщаю, что Ллойд-Джордж остается в Спа до пятницы. Полагаю крайне желательным изложение ему и Мильерану нашей точки зрения на последнее предложение.

8) Бенеш уехал.

Кн. Кудашев — Гирсу.

Пекин. 15 июля 1920 г. № 499.

Получил вашу телеграмму № 861.

(Шифр.) Следуя примеру великих держав, Китай также стремится наладить торговые сношения с Россией. С этой целью были командированы особые агенты в Иркутск, однако не доехавшие.

Отношение к нам китайцев осторожное, и в междоусобице нашей они стараются сохранить нейтралитет. Спасающиеся на китайскую территорию части «белых» они разоружают, кормят; рядом с этим в Кульдже, несмотря на протест консула, допущен был советский агент, через которого китайцы ликвидировали дела ограбленных туркестанских купцов. Дипломатического представителя Верхнеудинского правительства, направляющегося в Пекин, китайцы через Кяхту не пропустили. С Владивостоком сносятся через своего консула, так как их «комиссар» оттуда отозван. С уполномоченным Владивостока в Пекине Агаревым не сносятся. Вчера еще министр иностранных дел заявил мне, что он только тех русских будет принимать, которые ему будут представлены мною. Хотя со мною еще поддерживаются официальные сношения, но не упускают случая давать мне чувствовать трудность положения.

Китайцы ныне озабочены захватом Китайской Восточной железной дороги. Стараясь противодействовать этому при помощи Русско-Азиатского банка, поддерживаемого французской миссией, находящейся в Пекине, Хорват участвует в выработке модус вивенди на дороге на время отсутствия власти в России. Переговоры идут медленно, ибо мы твердо стоим на недопущении нарушения договорного стату кво, чего добиваются китайцы. Последние переживают острый политический кризис, угрожающий перейти в междоусобную войну. Это еще более тормозит дело. На-днях снова поднят вопрос о прекращении выплаты нам боксерского вознаграждения. Результат моего протеста еще неизвестен.

К попытке образования русского дальневосточного буферного государства Китай относится скептически, видя в ней руку Японии.

В общем, соблюдая по отношению к нам осторожность, китайцы стараются извлечь для себя пользу из нашего положения. Если они открыто не сносятся с большевиками — нота Карахана оставлена без ответа,— то только потому, что выжидают результатов переговоров с ними великих держав. Ввиду сего очень прошу держать меня в курсе этих переговоров.

Копия в Токио.

Штрандтман — послу.

Белград. 16 июля 1920 г. № 282.

Для генерала Монкевица.

(Шифр.) Генерал Лукомский на мое предложение направить годных к строю чинов армии Юденича в Крым по маршруту армии Бредова через Румынию, минуя Сербию, указал на необходимость предварительных сношений с военным представителем в Париже и выборе наилучшей перевозки по его данным. Благоволите выяснить и срочно сообщить все данные. Отвечаю на поставленные вопросы о прожиточном минимуме — в сутки намеченное пропитание, при общем хозяйстве, 10 франков, при условии бесплатного размещения лагерным или казарменным порядком, не считая расходов на одежду, лечение и прочее. Применение труда возможно почти исключительно в сельском хозяйстве в качестве простых рабочих, применение интеллигентного труда чрезвычайно трудно. Телеграфируйте, на какое время располагаете средствами по обеспечению эвакуируемых из Эстонии в Сербию, так как здесь правительством на них средств отпущено не будет. Сумму эту предварительно отправки беженцев следует перевести в распоряжение посланника. № 1853. Артамонов.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 16 июля 1920 г. № 150.

(Шифр Д.) Обращенная к державам просьба Польши о посредничестве для заключения перемирия с большевиками и принятие тяжелых условий Ллойд-Джорджа для взятия на себя этого посредничества возбуждают у объективного наблюдателя недоумение. Несмотря на тяжесть положения, еще может сопротивляться и надеяться на победу. Дух солдата крепкий. Армия цела. Опасности большевизма в стране нет. Приток добровольцев в армию громадный. При отступлении к пределам этнографической Польши условия для действий войск становятся более благоприятными, что влияет на настроение тыла. На юге частный успех — взято Дубно, но не чувствуется геройства и наличия сильных вождей, которые повели бы за собой народ, когда возникнет вопрос о судьбе отечества. Многие отдельные лица понимают совершаемые ошибки, но, в общем, правительство и политические партии слабы, что может иметь роковые последствия.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 553.

(Шифр.). Генерал Лукомский просит поддержать перед французским правительством возбужденное перед здешним французским командованием ходатайство о передаче нам 5 000 винтовок и 10 000 000 патронов к ним, предназначаемых французами к вывозу в Армению. Генерал де-Бургон со своей стороны передал этот вопрос в Париж.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 554.

(Шифр.) Генерал Лукомский просит поддержать перед французским правительством возбужденное им перед здешним французским командованием ходатайство о передаче нам 88 000 винтовок Манлихера с патронами к ним и от 80 до 90 батарей легких, гаубичных и тяжелых с боевым комплектом. Вышеупомянутое оружие принадлежало II армии союзных центральных держав, плененной согласно условиям временного перемирия, заключенного между Болгарией и Франше д'Эсперэ 26 сентября 1918 г. Кроме того, желательно добиться согласия французского командования на возвращение Болгарии увезенных в свое время в Константинополь замков от орудий, пулеметов и ружей с обязательством со стороны последней передать нам восстановленное таким образом вооружение. Сверх указанных запасов оружия в Болгарии имеется около 15 000 штыков русского образца и 5 000 пик, равным образом нам необходимых.

Прошу телеграфного ответа.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 557.

Срочно.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 850 от 5 (18) июля.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Из советского радио узнаем о предложении Англией Советскому правительству посредничества для заключения мира со всеми соседями, причем предлагается перемирие с войсками генерала Врангеля, при условии немедленного отступления их в Крым, и приглашение главнокомандующего в Лондон для обсуждения судьбы своих войск и беженцев, но не в качестве члена конференции окраинных образований. Ответ Советского правительства в части, нас ка-

сающейся, переданный с пропуском, говорит, что большевики отказываются признать самостоятельность Крыма.

Ввиду этого главнокомандующий поручает вам обратить внимание союзников на следующие обстоятельства:

1) Требование отвода войск к перешейкам равносильно обречению армии и населения голодной смерти, ибо полуостров не в состоянии их прокормить.

2) К высадившимся на Дону и Кубани частям присоединяются восставшие в ряде станиц казаки.

Все это дает основание настаивать на принципах вашего письма к Мильерану.

3) Ежели потребуется, можете предложить решение вопроса о размежевании между югом и Советской Россией плебисцитом населения, с гарантиями, которые признает нужными Лига Наций. Главнокомандующий уполномачивает вас в форме, которую найдете соответственной, отстаивать эти пункты, воздействуя на разум и справедливость союзников, отмечая удельный вес нашей армии, отвлекшей на себя наступление 93 советских полков, предназначавшихся против Польши.

При таких условиях признание за нами прав, меньших, чем у каждого окраинного новообразования, ничем не оправдывается. Ни одно из них не проявило равной с нами жизнеспособности. Главнокомандующий очень благодарит вас за все, что вы предпринимаете в полном единомыслии с ним, и предоставляет вам самому определить то время, которое сочтете полезным пробыть за границей в связи с обстановкой.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 558.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 824 от 2 (15) июля.

Ссылаюсь на письмо Гирса от 3 июля № 624.

(Шифр.) Не представилась ли бы возможность склонить союзников к оказанию нам кредита за счет признанного за Россией Версальским договором права возмещения?

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 561.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 827 от 2 (15) июля.

(Шифр.) Ознакомившись с вашим письмом от 4 июля, главнокомандующий поручает вам категорически подтвердить Савинкову,

что: 1) ввиду расширения нашего фронта и признаков готовящегося нажима большевиков на юге, все боеспособные элементы из Польши должны без промедления направляться в Крым; 2) если затем останутся еще элементы, не могущие или не желающие быть эвакуированными, то главнокомандующий не возражает против формирования из них русских частей на польском фронте, но не может принять на себя ни нравственной, ни материальной ответственности в этом деле.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 563.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 835 от 3 (16) июля.

(Шифр.) Для личного вашего сведения сообщаю, что командир прибывшего сюда французского корабля «Изер» заявил командующему флотом, что ему приказано, в случае попытки большевиков высадиться в Крыму, поставить себя под его начальство.

Нератов — послу.

Константинополь. 20 июля 1920 г. № 565.

Для Струве.

Трубецкой телеграфирует за № 811.

(Шифр.) Конец телеграммы.

Всего из частей, предназначенных против поляков, нашей наступательной операцией притянуто до сих пор 63 пехотных полка и 32 конных полка с соответствующей артиллерией.

Желательно, чтобы вы использовали приведенные данные, чтобы указать как самим полякам, так и французскому правительству на громадное влияние, которое наше наступление имело в смысле ослабления нажима красных на польский фронт.

Полная телеграмма почтой.

Горлов — послу.

Варшава. 24 июля 1920 г. № 157.

Для Струве.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 141.

(Шифр Д.) В Галац пришел транспорт «Херсон». Сегодня задержанные вначале июля на румынской границе эшелоны бредовских войск уже пропущены в Румынию.

Горлов — Гирсу.

Варшава. 23 июля 1920 г. № 154.

(Шифр Д.) Быстрое отступление польских войск продолжается. Части, иногда утратившие взаимную связь, усталые от чрезвычайн..... .....ывают [1]) назад. Взято Гродно, большевики продвигаются к Белостоку. Французские офицеры отправлены на фронт, принимают участие в командовании. Повидимому, имеются свежие части, которыми, вероятно, попытаются преградить наступление. Умелый удар мог бы иметь успех. Большевики тоже утомлены, наступательная сила их ослаблена, нет резервов. Если наступление не будет задержано, возможно появление большевиков дней через десять под Варшавой. Польским правительством послано большевикам предложение вести непосредственные переговоры о перемирии и мире. Для облегчения переговоров образован с участием социалистов беспартийный коалиционный кабинет. Премьер — вождь литовцев Витос. Князь Сапега остался министром иностранных дел. Социалист Дашинский — заместитель премьера. Пилсудский подвергся сильным нападкам. После потребованного им от совета обороны вотума доверия, остался главою государства и главнокомандующим. Общее впечатление — слабости власти. Настроение подавленное. Иностранные миссии исподволь готовятся к возможному отъезду.

Копия Трубецкому.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 24 июля 1920 г. № 227.

Получил вашу телеграмму № 1036.

(Шифр В.) Я считаю принципиально нежелательным привлекать японцев к разрешению чисто внутренно-русского вопроса о признании Семеновым генерала Врангеля. На практике обращение к японцам по этому вопросу также, я думаю, было бы бесполезным, так как они считают, что Врангель не будет в состоянии противостоять большевикам, между тем как на Дальнем Востоке, по их мнению, большевики не могут утвердиться вооруженной силой. В настоящую минуту японцы стараются добиться объединения различных дальневосточных правительственных образований буферной (области) или даже государства-буфера. Под их сильным давлением Семенов вынужден был вступить в переговоры об объединении с владивостокским правительством, которое за последнее время получило несколько менее крайнюю окраску, включив в себя кое-какие умеренные эле-

[1]) Пропуск в подлиннике.

менты, хотя в его состав продолжают входить и большевики. Каков будет результат этих инициатив, пока сказать нельзя, так как, насколько известно, атаман Семенов ставит непременным условием продолжение активной борьбы с большевиками и исключение их из объединенного правительства. До окончательного выяснения положения вряд ли может получиться разрешение вопроса о признании Семеновым Врангеля.

Я все же обратился по этому поводу к атаману Семенову через его здешнего представителя, генерала Сыробоярского, и сообщу вам его ответ. Со своей стороны генерал Сыробоярский самым категорическим образом заявил, что, несмотря на различные комбинации, могущие быть вызванными настоящей политической обстановкой на Дальнем Востоке, атаман Семенов и его войска попрежнему всегда будут неизменно придерживаться той же национальной идеи и политической ориентации, которая руководит правительством юга России в его борьбе с большевиками. Поэтому он считает, что разрешение вопроса об объединении не вызовет в будущем никаких затруднений. Вместе с тем генерал Сыробоярский считает необходимым, ввиду полной неосведомленности атамана Семенова относительно главных руководящих начал программы внутреннего строительства, намечающейся генералом Врангелем, чтобы атаман был теперь же поставлен и регулярно держался в курсе этих вопросов, дабы он со своей стороны мог согласоваться с этими началами и предвидеть план основных начинаний в национальном пробуждении среди здоровых элементов крестьянства Сибири.

Вышеизложенное прошу сообщить генералу Врангелю.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 25 июля 1920 г. № 229.

Получил вашу телеграмму № 940.

(Шифр.) Хотя японское правительство и не имеет принципиальных возражений против займа в Японии для финансирования Китайской Восточной железной дороги, оно, однако, считает осуществление подобного займа на практике затруднительным в настоящую минуту по нижеследующим двум соображениям: 1) японский денежный рынок переживает теперь крайне тяжелый момент; 2) трудно заключить контракт о займе без предупреждения Международной железнодорожной комиссии, пока она не существует, а вмешательство ее в дело может привести к интернационализации займа, чего именно желательно избежать.

Я не затрагивал с японцами остальных двух пунктов, упомянутых в вашей телеграмме, тем более, что мне неясно, как может проектируемая международная комиссия в Париже ограничиться охраной стату кво в наших интересах, а также о каком русско-французском управлении идет речь и как таковое может быть согласовано с постановлениями контракта о постройке дороги.

Кн. Кудашев — Гирсу.

Пекин. 26 июля 1920 г. № 520.

Получил вашу телеграмму № 1043.

(Лат. б.) Одною из мер, предшествующих созданию проектируемого буферного государства, было образование во Владивостоке коалиционного правительства, которому, Владивосток надеется, подчинятся остальные поместные власти. В состав нового правительства вошли три цензовика, в том числе Виноградов в качестве министра иностранных дел. Он — кадет, был членом Директории в Уфе. Привлечение цензовиков имело целью вселить доверие к правительству иностранцев. Практика по деловым сношениям с миссией указывает, однако, на преобладание влияния коммунистов.

Солдатенков — Гирсу.

Лондон. 26 июля 1920 г. № 441.

Получил вашу телеграмму № 1062.

(Шифр.) На сегодняшнем заседании парламента Ллойд-Джордж заявил, что большевики приняли предложение британского правительства о конференции в Лондоне и выразили желание, чтобы страны Согласия были представлены на этой конференции. Британское правительство, по словам Ллойд-Джорджа, сносится по сему поводу с союзниками. Вечерние газеты сообщают, что Ллойд-Джордж выезжает завтра в Булонь на свидание с Мильераном. Точное содержание сообщения большевиков пока не опубликовано, однако в печати появились сведения, что будто бы предварительным условием начатия переговоров в Лондоне большевики выставили сдачу генерала Врангеля.

Нератов — посольству.

Константинополь. 26 июля 1920 г. № 586.

(Шифр.) Главнокомандующий просит Гучкова приехать в Севастополь кратчайшим путем. Желательно через Сербию и Болгарию.

Кривошеин.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 28 июля 1920 г. № 596.

(Шифр.) Генерал Лукомский просит возбудить перед союзными правительствами ходатайство о предоставлении нам части подлежащего уничтожению германского авиационного имущества в количестве, каковое будет найдено ими возможным. На случай принципиального согласия сообщается, что необходимы все типы самолетов: бомбометные, разведывательные и истребители. Потребность в разного рода вооружении растет и может парализовать достигнутые успехи.

Прошу телеграфного ответа.

Мейендорф — Гирсу.

Копенгаген. 29 июля 1920 г. № 26.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 25.

(Шифр.) Литвинов сегодня в «Политикен» не опровергает вчерашнее сообщение «Магдебургской газеты» и уверяет, что Советское правительство не угрожает независимости Польши и не намерено предложить ей мир на суровых условиях. Он указывает на трактаты, заключенные с Японией, Литвой и Грузией как доказательства миролюбия Советов, всегда верных принципу самоопределения народов, примененного даже к башкирам и кавказским татарам. Наступление красных на Польшу является отпором империалистических тенденций поляков, служивших орудием французских капиталистов. Отношения Советов к союзникам наладятся без особых затруднений, когда они откажутся от мысли силой или коварством побороть народное правительство в России. Все влиятельные члены Советского правительства желают мира со всеми и на фронтах. Но ни одной пяди земли нельзя оставить генералу Врангелю или другим реакционерам. Для достижения этой цели Советы готовы выплатить любую цену, если только противная сторона честно пойдет им навстречу. В том же номере «Политикен» в передовой вновь подчеркивает двойственность советской политики и приводит слова Троцкого от 24 июля: «Польша — будущий красный мост для социальной революции во всей Европе» и вспоминает обращение Ленина к швейцарским рабочим: «Революционная война необходима в интересах социализма».

Гулькевич — Гирсу.

Стокгольм. 31 июля 1920 г. № 45.

(Шифр.) Шведский посланник в Варшаве, известный вам Анкерсберг, телеграфирует, что внутреннее положение Польши катастрофически сумбурное. Провозглашение Советской власти — вопрос будто бы не дней, а часов.

Петряев — посольству.

София. 2 августа 1920 г. № 89.

(Шифр А.) На основании данного ранее французами разрешения болгары готовы были отпустить нам 15 аэропланов. Теперь, когда было приступлено к приемке их, здешнее французское командование получило сообщение из Парижа, что, по решению Верховного совета, все авиационное имущество Болгарии не подлежит ни вывозу, ни эксплоатации.

Ввиду такого противоречия, генерал Форту обратился в Париж за разъяснениями. Необходимо подтвердить разрешение, без чего аэропланы сданы не будут.

Копия в Константинополь.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 2 августа 1920 г. № 605.

Срочно.

Прошу расшифровать в первую очередь.

(Шифр А.) Имейте в виду, что главнокомандующий мог бы, при создавшейся обстановке, развить свои военные операции в такой степени, которая вызвала бы со стороны красного командования необходимость единовременной значительной оттяжки сил на крымский фронт. Конечно, условием усиления активности должно быть срочное возобновление снабжения армии юга России со стороны союзников.

Если, по вашему впечатлению, положение дел на польском фронте способно побудить союзников пойти нам навстречу в данном вопросе, то благоволите сделать соответствующие шаги и о результате телеграфируйте.

Крупенский — Гирсу.

Токио. 3 августа 1920 г. № 239.

Получил вашу телеграмму № 1074.

(Шифр.) Я вторично переговорил с министром иностранных дел о займе в Японии для Китайской Восточной железной дороги.

Он продолжает держаться прежнего своего мнения и считает, что на практике заем в настоящую минуту состояться в Японии не может. К учреждению международной комиссии в Пекине он относится отрицательно, считая, что, с одной стороны, китайцы будут этому энергично противодействовать, а с другой, что в результате деятельность комиссии легко могла бы привести к установлению над дорогой международного контроля. Министр думает также, что американцы, во всяком случае, будут стремиться к участию в займе, и в подтверждение этого он указал на имевшее на-днях место в Вашингтоне англо-американское совещание о вопросе о финансировании Китайской Восточной железной дороги. Виконт Учида полагает, что единственным способом действия для..... [1]) является формальное доказательство всех нарушений китайцами наших прав по отношению к Китайской Восточной железной дороге.

Со своей стороны я затрудняюсь высказать какие-либо новые соображения, не будучи осведомлен с важнейшим положением вопроса о Китайской Восточной железной дороге, всегда входившего в компетенцию миссии в Пекине.

Нератов — посольству.

Константинополь. 3 августа 1920 г. № 617.

Струве просит передать Маклакову. В случае его отсутствия — Базили.

(Шифр.) На основании указаний, сейчас полученных от главнокомандующего, прошу вас, осведомив Гирса, в ответ на заявление Мильерана о предполагаемом нашем фактическом признании, сделанном мне, вновь подтвердить, что мы, в качестве носителей русской государственной и национальной идеи, принимаем на себя все обязательства предшествующих российских правительств. Что касается до аграрной реформы, то она на широчайших основах уже фактически осуществляется: земля передается крестьянам на правах собственности. В области политической главнокомандующий ставит своей главной задачей — дать народу возможность, как только обстоятельства дозволят, свободно проявить свою волю относительно вопроса государственного устройства. Как первый шаг на пути этом, приказом от 15 июля созданы избираемые на демократических началах земства, коим предоставляется власть и управление на местах.

Главнокомандующий просит меня поручить передать Мильерану его живейшую признательность за сочувственное нам заявление.

---

[1]) Пропуск в подлиннике.

Поддержка, оказанная в настоящее тяжелое время французским правительством русскому национальному делу, отвечает традиционной дружбе двух союзных держав и, по глубокому убеждению главнокомандующего, закрепит в будущем их тесное единение на почве тождественности взаимных политических интересов и целей.

Благоволите обратить внимание французского правительства и общественного мнения на важный факт собрания Кубанской рады в Крыму под охраной власти генерала Врангеля и на направленное против всяких погромов, в том числе и еврейских, энергичное заявление генерала Врангеля, сделанное им редактору «Великой России» Чебышеву.

Нератов — посольству.

Константинополь. 4 августа 1920 г. № 623.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 617.

Струве просит передать Маклакову. В случае его отсутствия — Базили.

(Шифр.) Прошу вас осведомить Гирса — ускорить оформление и оглашение нашего признания как фактического правительства согласно заявлениям Мильерана мне и в палате депутатов. В связи с этим доведите до сведения французского правительства наше желание иметь в Севастополе, кроме военной миссии, авторитетного дипломатического представителя Франции. 6-го августа еду на американском миноносце в Севастополь через Констанцу, куда вызываю посланника в Бухаресте и генерала Гирса.

Обратите внимание на наши последние военные успехи и на то, что с Кавказа, Украины и Дона поступают сведения о начавшихся восстаниях против Советской власти. Связь казачьих элементов с главнокомандующим упрочивается.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 6 августа 1920 г. № 304.

(Шифр.) По поводу протеста Америки против японской оккупации на Дальнем Востоке «Нью-Йорк Таймс» поместил полуофициальную статью, резюмируя отношение государственного департамента к русскому вопросу. Выдержки из статьи: американское правительство считает, что бывшие союзники России должны, как временные опекуны, сохранять ее права и легальный стату кво до появления в России законного правительства. Главная цель Америки — спасение России для русского народа. Президент отклонит всякую

сделку, которая признала бы за Советской властью право или возможность говорить от имени России. Америка будет ждать появления в России законного правительства, признанного всем русским народом, и в переходный период будет неизменно осуждать всякий захват русской территории, под каким бы предлогом он ни производился.

Копия в Лондон.

Валуев — Гирсу.

Познань. 10 августа 1920 г. № 176.

(Шифр.) Вчера миссия прибыла в Познань. Многие посланники, отправив свои миссии, остались в Варшаве, до отъезда князя Сапеги. Общее впечатление иностранных военных представителей, что после приезда генерала Вейгана произведена большая организационная работа по упорядочению центральных и фронтовых военных учреждений; местами польские войска начинают оказывать серьезное сопротивление неприятелю. Однако фронт настолько близок к Варшаве, что за судьбу столицы ручаться нельзя. По сведениям нашего военного агента, большевики сосредоточили крупные свежие силы в районе Остроленки; видимо, есть свежие кавалерийские части. По последнему сообщению, большевики, двигаясь от Млавы, заняли Цеханов. Занятие этих двух пунктов перерезает кратчайшую железную дорогу Варшава — Данциг. Пала Ломжа, бои идут около Седлеца.

Генерал Сосновский назначен военным министром.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 12 августа 1920 г. № 309.

(Шифр.) Прошу сообщить, какое впечатление произвела в Париже декларация Америки. Посольство считает, что документ этот имеет огромное и непреходящее значение. В этом смысле оценили его с редким единодушием первые отзывы здешней печати, в том числе и республиканской. В частности, каково отношение к практическому предложению союзникам гарантировать территориальную целость России? Возможно, что это предложение побудит европейские правительства высказаться по существу русского вопроса.

Нератов — посольству.

Константинополь. 16 августа 1920 г. № 660.

Струве просит передать за № 1006 от 31 июля (13 августа).

(Шифр.) Ввиду угрожаемого перерыва сообщений, необходимо при участии французского правительства побудить румынское пра-

вительство не ставить никаких препятствий непрерывному продвижению отряда генерала Бредова. Меры подачи транспортов принимаются.

Прошу передать тождественную генералу Миллеру.

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 17 августа 1920 г. № 668.

Срочно.

(Шифр А.) Начальник штаба телеграфирует с фронта: генерал Бредов доложил главнокомандующему, что румыны принимают на территории Румынии только такое число эшелонов, какое могут принять наши суда, уже стоящие в водах Дуная. Ввиду того, что операция по высадке отняла у нас большое количество транспортов, освободить которые в ближайшем времени невозможно, необходимо добиться через генерала Геруа разрешения румынского правительства теперь же принять и сосредоточить на Дунае все эшелоны отряда генерала Бредова с тем, что мы при первой же возможности, по совершении операции, пришлем за ними все мелко сидящие транспорты. Желательно содействие французов. Струве.

Прошу телеграфного ответа.

Копия в Бухарест.

Горлов — Гирсу.

Познань. 17 августа 1920 г. № 181.

(Шифр А.) Французскому командованию, повидимому, удастся в минуту крайнего кризиса овладеть положением и поднять боеспособность армии. Взят Цеханов, и дальнейшее продвижение на север имеет целью отрезать большевиков, продвигающихся на линию Торн — Грауденц. Большевики оттесняются от Варшавы. Частичные неуспехи около Львова, где оперирует Буденный.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 августа 1920 г. № 684.

Струве телеграфирует за № 1024.

Просьба передать его превосходительству г-ну Мильерану, председателю совета министров, министру иностранных дел в Париже, следующую телеграмму главнокомандующего:

«Ввиду принятого правительством республики решения признать правительство Юга России, спешу выразить вам, господин президент, мою горячую благодарность за драгоценную помощь, которую вы согласились оказать национальному русскому делу в минуту тягчайшего испытания, когда мы прилагаем все наши усилия к тому, чтобы осуществить нашу задачу восстановления России на основе великих принципов свободы и прогресса. Генерал Врангель.

Нератов — послу.

Константинополь. 21 августа 1920 г. № 690.

Струве просит передать за № 1014. Копия Гирсу.

(Лат. б.) В связи с нашим десантом на Кубани соглашение с казачьими атаманами сегодня торжественно оглашено. Необходимо сделать все, чтобы немедленно сообщить соглашение журналистам, обратив внимание французского и вообще иностранного общественного мнения на первостепенное значение этого акта в данной военной и политической обстановке.

Текст соглашения отправлен с курьером Алешиным.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 21 августа 1920 г. № 321.

(Шифр А.) Крайне желательно, чтобы малые европейские державы поддержали американскую точку зрения в русском вопросе. Не найдете ли возможным инструктировать наших представителей в Бельгии, Голландии, Скандинавских и других странах добиваться от местных правительств подобного выступления?

Поклевский-Козелл — послу.

Бухарест. 21 августа 1920 г. № 47.

Для М. Н. Гирса.

Я телеграфирую в Константинополь.

(Шифр.) В силу принятой в 1918 г. формулы оставленные нами в Румынии оружие и боевые припасы считаются как бы собственностью союзников, находящейся в депозите у румын. Мне удалось теперь добиться от Таке Ионеско и главных членов кабинета согласия на выдачу известного количества оружия и боевых припасов французам, если они потребуют этого как бы для себя, с тем, что французы

уже сами передадут затем это оружие в распоряжение маршала Жоффр. Переговорил об этом вопросе с генералом Авереско и получил его согласие.

Штрандтман — посольству.

Белград. 22 августа 1920 г. № 289.

Я телеграфирую в Севастополь.

(Шифр А.) Белградское Пресс-Бюро напечатало телеграмму «Гаваса» о переговорах министра иностранных дел Трумбича с Красиным и Каменевым относительно возвращения из России на родину юго-славянских военнопленных бывшей австро-венгерской армии. Далее телеграмма говорит, что, кроме того, обсуждался вопрос о возобновлении международных отношений между Россией и королевством. На мой письменный запрос по этому поводу в министерство иностранных дел и. о. министра иностранных дел сегодня лично и устно разъяснил, что напечатанное известие неточно, что, согласно сообщениям Трумбича, большевистская делегация в Лондоне 16 августа просила его назначить уполномоченное лицо для переговоров относительно установления экономических связей между Югославией и Совдепией, когда взаимоотношения между последнею и державами будут урегулированы. Вопрос о военнопленных, повидимому, обсуждался, то Т. переговаривал.... [1]) и даже не предупредив Белград. Жинчич при этом самым категорическим образом протестовал против возможности установления международных сношений с Совдепией, а равно против появившегося в газетах известия, будто бы королевское правительство готово объявить нейтралитет в войне между Польшей и большевиками, по примеру Чехо-Словакии, и просил самым решительным образом оспаривать справедливость этих сведений. На мое предложение выработать и напечатать опровержение он ответил уклончиво, как я мог понять, по причинам внутреннего сложного положения. На сегодняшних выборах белградского городского самоуправления одержали верх коммунисты.

Считая, что в нашем национальном вопросе не должно быть компромиссов с правительством СХС, я в моей ноте в министерство указал на глубокое впечатление, которое произведет пропущенная здесь Пресс-Бюро телеграмма «Гаваса» в Крыму на политических деятелей России, на всех русских людей в России и за границей.

---

[1]) Так в подлиннике.

Штрандтман — послу.

Белград. 23 августа 1920 г. № 290.

Срочно.

Для генерала Миллера.

(Шифр.) Правительство дало согласие на въезд в королевство трех тысяч чинов бывшей армии Юденича, и министерство иностранных дел просит меня срочно ему доставить сведения о распределении означенных трех тысяч для визирования в Стокгольме, Копенгагене и Праге. Пока распоряжение дано в названные три города о визировке в каждом из них до 500 паспортов по предъявлении пропусков, удостоверяющих их принадлежность к бывшей армии Юденича. Мне, кроме того, было разъяснено, что дальнейшие разрешения сверх трех тысяч могут быть даны в зависимости от действительного проезда офицеров далее в Крым, так как до сих пор у слишком многих офицеров наблюдалось желание оставаться здесь. Но у правительства на их содержание, кроме сумм отпускаемых, средств нет, и оно не может брать ответственности за создание здесь бедственного положения для русских и потому предпочитает отказывать в визах. Следовательно, дальнейший пропуск наших военных с севера обусловлен правильной организацией их проезда в Крым без задержки в королевстве. Правительство учитывает, что отпущенных в мое распоряжение 20 000 фунтов стерлингов хватит ненадолго. Визы могут даваться транзитные или на въезд по желанию.

Прошу телеграфного ответа.

Бахметев — Гирсу.

Вашингтон. 23 августа 1920 г. № 322.

(Шифр.) Прошу сообщить, сопровождалось ли признание Францией южного правительства оказанием ему практической помощи, в частности в области финансов и отправки снабжения?

Нератов — Гирсу.

Константинополь. 24 августа 1920 г. № 703.

Струве просит передать за № 1043 телеграмму главнокомандующего.

(Шифр.) Прошу вас принять мою живую признательность за поздравление по поводу признания Францией правительства Юга России и пожелания успеха вашим общим трудам для восстановления нашей родины. Врангель.

Мейендорф — Гирсу.

Копенгаген. 24 августа 1920 г. № 31.

(Шифр.) Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что на назначенной в конце недели здесь Междускандинавской конференции, по всей вероятности, предметом обсуждения будет отношение сих держав к ожидаемому со стороны союзников предложению возобновить блокаду Советской России.

(Продолжение следует.)

25 лет назад.

(Из дневников Л. Тихомирова.)

Продолжение *).

[1904 ГОД.] 5 ноября.

Был у Трепова. Он не расположен ничего делать, считая положение нормальным. Но услыхав от меня, что — крайне ненормально, решил разузнать в воскресенье.

Крайне пессимистично смотрит на грядущее. «Едва ли удастся нам избежать кровопролития», говорит он.

Кстати, Преображенская сообщила Кате, что, по словам ее знакомых студентов, ими решено разгромить редакцию «Московских ведомостей» 6 декабря или, может быть, 6 ноября.

14 ноября. Воскресенье.

Вечером же в Дворянском собрании, на концерте Собинова, была демонстрация. Во время гимна с хор студенты и тому подобная публика шикали и свистели. Другие кричали за царя. Шум и гвалт. Три раза повторялась эта сцена. Прокламации сверху сыпали тысячами. Одни их рвали, другие прятали.

Полиция, говорят, бездействовала.

Вероятно, это начало демонстраций. Земский съезд заявил требование ограничения самодержавия. Очевидно, что сторонники должны это поддержать демонстрациями.

Ну и времечко!

Наверное, будут скандалы и перед «Московскими ведомостями».

22 ноября.

Заходил в редакцию познакомиться со мной ныне «прославленный» Николай Алексеевич Павлов [1]) («дворянин Павлов» сатир и карикатур). Он однако произвел на меня гораздо лучшее впечатление, нежели я ожидал.

---

[1]) «Красный архив», т. I(38), стр. 20—69.

Рассказывал питерские новости. Государь никаких «конституций» давать не намерен, так что Владимир Андреевич совершенно напрасно «спасал», точнее, компрометировал самодержавие.

Мирский был у государя, сознаваясь в своей ошибке, наделавшей столько кутерьмы, и проявлял намерение сколько-нибудь поправить свой промах. Но он, действительно, нездоров, и будто бы ожидают, что в случае его ухода его сменит Витте.

В Михайловском театре публика сделала скандал Балета, любовнице вел. кн. Алексея, кричала: «Вон из театра», а по поводу ее бриллиантов: «Это на тебе наши крейсера и броненосцы висят». Кричали, чтобы она больше не смела показываться на сцене... Так-таки и выгнали!

Недурно положение великого князя Алексея!

Все кричат, что он — виновник всего воровства во флоте и жалкого его положения.

Эта Балета была прежде любовницей Алексеева, который ее уступил вел. кн. Алексею, за что был им проведен в наместники.

Какие все грустные истории, какое компрометирование царского дома! А государь, говорят, давно хотел бы прогнать Алексея из генерал-адмиралов, но за того горой стоит вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Любопытно, что 180 офицеров (гвардии) готовили скандал частному съезду земцев, когда предполагалось, что заседания будут публичны.

1 декабря.

Ну и времечко! В Петербурге беспорядки идут по расписанию. В Кременчуге крестьяне разнесли вдребезги несколько помещичьих усадеб. Калужское земство подало «адрес» с множеством требований свобод, но даже не упомянув о признании «самодержавия». Московская дума вчера также послала требование свободы печати, исповеданий и подчинения «администрации» контролю выборных людей. Заявление это, правда, глупо составлено, неясно и двусмысленно. Вероятно, вожаки нарочно составляли так, чтобы толпа «самоварников и аршинников» подписала, не разобрав в чем дело.

У нас, в Москве, уличных беспорядков еще не было. Но трудно сомневаться в их неизбежности.

Да, дожилось правительство! Довело дезорганизацию до крушения. И кто глупей: «общество» или правительство — невозможно решить.

Грингмут был у великого князя и возвратился в настроении более умном: соглашается хоть не дразнить толпу глупыми псевдо-

консервативными выходками. Не посоветовал ли великий князь прекратить роль подстрекателя к беспорядкам?

Сам Владимир Андреевич передает, что вел. князь относится ко всему происходящему н а с м е ш л и в о, и объясняет это тем, что решил к январю оставить пост — он не чувствует уже себя ответственным. Может быть.

Узнал от Грингмута (но не от Павлова!), что Павлов просил его рекомендации для каких-то разговоров с великим князем. Посему Павлов должен на-днях быть в Москве. Мне тоже не сообщил. Что за конспирация?

А великий князь уезжает на 6 декабря в Петербург — на праздник государя. Это значит: уезжать н а к а н у н е б е с п о р я д к о в.

В сущности, обвинять вел. князя нельзя: он не может служить при системе, которая так резко противоречит всем его убеждениям. Но, во всяком случае, он оставляет Москву на несомненные беспорядки.

3 д е к а б р я.

Вчера на Дворянском собрании, на концерте в пользу курсисток, была шумная демонстрация молодежи, с криками «Долой царя», «Долой самодержавие» и тысячеголосным хором революционных песен. Раздавали прокламации. Объявлен сбор революции «с оружием», 5 декабря в 1 час дня, на Страстной площади.

Как говорили раньше, будут разносить редакцию «Московских ведомостей».

Сегодня в университете устроен грандиозный скандал Герье [2]) за то, что не захотел подписать заявления думы.

5 д е к а б р я. В о с к р е с е н ь е.

Беспорядки вышли очень серьезные, хуже, чем я ожидал. Длилась история целый день. Полиция била жестоко саблями, а ее колотили палками.

Были и выстрелы. Около нас было четыре револьверных выстрела. На Тверской тоже стреляли из револьверов.

До самого вечера не успокаивается баталия. В Охотном ряду конная полиция. Всюду наряды полиции.

Есть слухи, что беспорядки будут продолжаться и ночью.

7 д е к а б р я.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ.

После уличного беспорядка, имевшего место в С.-Петербурге, на Невском проспекте, 28 минувшего ноября, среди учащейся молодежи гор. Москвы началась усиленная агитация за устройство беспорядков и в здешней столице. Озна-

ченным настроением молодежи воспользовалась преступная организация, именующая себя «Московским комитетом партии социалистов-революционеров», и вскоре появились прокламации, которые распространялись в разных частях города, приглашающие 5 и 6 текущего декабря на политическую демонстрацию.

5 декабря, с 12 час. дня, было замечено необычное движение публики по тротуарам от Страстной площади до Чернышевского переулка, причем группы гуляющих почти исключительно составляли студенты высших учебных заведений и слушательницы высших женских курсов.

Во втором часу дня, на Тверской улице, между Леонтьевским и Чернышевским переулками, образовалась уже значительная толпа, среди которой послышалось революционное пение, и были выкинуты красные флаги с антиправительственными надписями. Толпа эта вступила в драку с направленным против нее пешим нарядом полиции, пользуясь для сего палками, кистенями и железными прутьями, был сделан и выстрел из револьвера. Чины полиции принуждены были обнажить шашки и немедленно разогнали толпу, отобрав флаги.

Такие же попытки в течение дня возобновлялись и в других частях города, но демонстранты и там немедленно разгонялись полицией. Серьезных увечий во время столкновения полиции с демонстрантами никому из последних нанесено не было, а, как выяснено расследованием, всего девять случаев легких поранений среди демонстрантов и двенадцать среди чинов полиции, причем из числа последних двое получили огнестрельные раны. Из числа задержанных во время беспорядков, 43 наиболее виновные арестованы и частью будут привлечены к судебной ответственности, а частью подвергнуты аресту за нарушение обязательного постановления московского генерал-губернатора об уличных сборищах, остальные же задержанные были тотчас по окончании беспорядков освобождены.

Попытка возобновить беспорядки была произведена 6 декабря на Страстной площади, но не была допущена нарядом полиции, окружившим и задержавшим демонстрантов. Из числа последних 22 наиболее виновных будут подвергнуты аресту за нарушение обязательного постановления о сборищах, а все остальные освобождены.

(Опубликовано 7 декабря).

10 декабря.

Вот все не соберусь записать о сценах беспорядков, которые пришлось так близко видеть. Все эти дни и нездоровится и большая суета по случаю нашего четверга и з а п и с к и для Степанова. При большой работе в редакции эта записка мне все не давалась, несколько раз переписывал. Дело в том, что я уговорился со Степановым (Филиппом Петровичем) составить некоторую прокламацию для дворянства, земства и думы, в п о д д е р ж к у с а м о д е р ж а в и я, где выяснить им всю глупость тех, кто поднял агитацию против него, и всю н е о б х о д и м о с т ь д л я н а с самодержавия. Эту записку должно показать великому князю и, если он одобрит, то напечатать и разослать по русским губерниям.

Записка у меня вышла, говорят, недурна. Я ее на четверге отдал Степанову, но он выразил сомнение, чтобы она понравилась великому

князю. Впрочем, окончательное мнение он выскажет после внимательного прочтения.

Самая мысль об этой записке однако немного устарела. Теперь события летят, как ветер. Уже начинаются разные всеподданнейшие адресы с выражением верноподданничества и против конституции. Наша записка — уже не кажется н у ж н а, и, может быть, даже покажется вел. князю уже неуместной. Ибо она всетаки дает программу реформ с самодержавием, а те адресы, которые явились в Фатеже, Харькове, Тамбове, провозглашают самодержавие без всяких реформ. Это, конечно, более понравится... к сожалению.

Я вообще снова окунулся в политику, и — по обыкновению — неудачно. Задумал я три вещи: 1) чтобы возбудить . . . . *) самодержавные в самих земствах, 2) надавить на земства нашей запиской, 3) представить самому государю программу необходимых реформ (через Павлова)... Это план — на вид стройный, но по недостатку сил, кажется, фантастичный, и я начинаю думать, что ни один пункт его не исполнится.

А между тем — сколько труда! Сколько переговоров, писанья этих бумаг!

Вообще я до седых волос — фантазер. Все хочется что-нибудь сделать, хотя и знаешь, что нет сил.

Положение дел в России обостряется. После требования конституции адвокатами, земцами, профессорами, когда обнажилась мальчишеская ничтожность этих взрослых людей, а на улицах явились демонстрации, красные флаги, крики «Долой самодержавие» и пальба из револьверов — в правительстве, как говорят, явилась р е а к ц и я. И немудрено! Эта неразвитость и революционность общества испугает хоть кого. Начались кары газетам, говорят — начнутся высылки, государь сделал резкий публичный выговор черниговскому предводителю за конституционные требования земского собрания.

В обществе п о к а однако не заметно страха, а скорее — ожесточение. Но монархические круги уже начинают всеподданнейшие адреса. Это, вероятно, укрепляет правительство в мысли «подтянуть» либералов, а последних может лишить бодрости. Они очень, было, зазнались, вообразили себя силою и стали халуйско-наглы.

Пока однако трудно сказать, что выйдет из столкновения. Повидимому, Витте старается обострить его и потом явиться спасителем страны.

Во всяком случае, повидимому, идея самодержавного устроительного движения стала невозможною. Власти отвергнут, как л и б е-

*) Неразобрано.

ральное начинание; общество — как реакционную ловушку.

Sic transit sapientia.

13 декабря.

Внутренние дела принимают оборот грозный. Высочайшая пометка на конституционной просьбе черниговцев не произвела (само собою) ни малейшего впечатления. Конституционные заявления готовятся новые.

Вчера 70 гласных думы (Московской) устроили торжественное чествование кн. Голицына, как исторического героя и гражданина. Завтра должны всенародно подписывать ему адрес в думе. Об этом рассылаются прокламации, созывая народ московский к думе.

А власти? Кристи не знает, что делать. Великий князь и Трепов уехали в Петербург.

Там у государя идут какие-то совещания с министрами. Слухов нет, а только известия иностранных газет, повидимому, сочиненные на 90%. Они говорят, что Победоносцев [3]) и Муравьев [4]) стоят за самодержавие, а Витте и Мирский за уступки (свобода печати и представители земств в Госуд. Совете)...

Чепуха все. Я боюсь, что государь одинаково не может ни уступить, ни сопротивляться, а это, конечно, способно из ничего создать гибель.

Сегодня земское собрание (в Москве); не знаю, что там делается, но, конечно, то же самое, что в думе или с надбавкой.

Гнило все насквозь, до чего только коснулась рука правительства, и, если есть люди за царя, то лишь те, которые были в унижении, угнетенные и оскорбленные.

Замечательная вещь. Пожалуй, что монархия погибнет. А ведь как легка и ясна реформа, спасительная для нее и для России! Я до сих пор не могу поверить, чтобы можно было умудриться погубить такую силу, как царская, но, повидимому, умудрятся.

У них ни одного «человека» нет! Надо же иметь искусство достигнуть таких результатов!

Десять лет — одно огорченье, систематическое расшатывание себя. Наконец, война все доканала. Да и вправду — страх берет за существование *).

---

* Далее в дневнике вклеено следующее письмо Киреева от 17 декабря:

«Витте окажется весьма скоро первым министром. Ведь подумайте, что этот ехидный нахал на основании указа 12 декабря будет докладывать все дела по исчисленным в нем реформам (а ведь это все!!) бедному царю, совершенно беззащитному. Ведь Витте через год превратит его в куклу...

20 декабря. Понедельник.

Порт-Артур взят[5]). Стессель отправлен в Токио. Рука божия отяготела над несчастной, развратной, обезумевшей Россией. Все гнило, все пропало!

Недаром царствование началось Ходынкой...

А государь в Бирзуле прощается с войсками, раздает им образки. О бедный, несчастный царь, бедная, несчастная Россия!

Не знаю, что думать о Куропаткине. Вероятно, деморализован и просто трусит японцев, как и вся армия. О нем государю говорили, будто он нарочно бездействует, чтобы дождаться падения монархии. Это, конечно, вздор. Военный не может дойти до подлого предательства товарищей из-за политики.

Но, воображаю, как подействует и на Россию и на армию это новое торжество японцев. Пожалуй, это последний удар нашей монархии. Да и что сказать? Правительство ведет страну к гибели, ничего не умеет сделать, никакой героизм не помогает при бездарности (если не хуже) правительственных деятелей.

31 декабря. 9 часов вечера. Пятница.

Последний день старого, кровавого, мучительного года. Что ждет в будущем тех, которые в него вступят?

Мы подходим к нему в ожидании полной смены всяких властей и сосредоточения всей власти у Витте... Одесский полужид, беспочвен-

---

Я-то знаю, что вы все это понимаете.

Конечно, революционеры (они же конституционалисты) радуются; одному из них Витте сказал: «Да не беспокойтесь, дадут, дадут конституцию, только поганенькую!» Ему (Витте) нечего теперь и думать о каких-либо переменах на престоле. Он и так через 6 месяцев будет Годуновым!

А. К.

Вы говорите... происходит нечто нелепое, «сапоги всмятку!» Нет! Со стороны Победоносцева нелепо не понимать, что именно теперь, после 12 декабря, мы пойдем в яму. Но со стороны Витте дело ведется очень умно и последовательно. Сначала он думал о замене государя Михаилом Александровичем, теперь ему и этого не нужно! Зачем?! Все карты в его руках и без всякого переворота!»

Тихомиров в примечании к этому письму пишет:

«Очевидно, что если манифест 26 февраля остался мертвой буквой и лишь на время показался «весной», то указ 12 декабря возбудит несомненно лишь много злобы. Бедного царя обманул Витте. Победоносцев ослеп, а Плеве ошибался. Кто же остается?!

В указе 12 декабря нет главного — контроля над бюрократией ни со стороны либералов, ни со стороны консерваторов!

У льва волк выпросил себе место наблюдателя над овчарней. Но ведь в овчарне окажутся не одни овцы!»

ный интеллигент... И я готов радоваться его власти. Все же это лучше монгольского ига.

Монархия, сорганизованная Александром III, распалась вдребезги и обнаружила свою полную несостоятельность. А старая Россия ничего более высокого не умела создать.

Она капитулирует перед космополитической еврейско-немецко-русской интеллигенцией и с отвращением призывает на свое спасение Витте, как единственного у м н о г о человека... И это правда. Может быть, он даже ч е с т н е е всех прочих г.г. «консерваторов», «монархистов» и пр. Он все-таки способен жить для чего-то великого, крупного, а все они не только ничтожности, но — мошенники, своекорыстные карьеристы, не имеющие никакой святыни, а только одни ярлычки.

1905 ГОД.

1 я н в а р я.

Ну, великий князь уволен [6]). Москва разжалована (временно!) в градоначальство, все власти сменены, вся организация устраивается заново, и для этого назначается Волков, вся опытность которого ограничивается тремя годами управления нашим захолустным Новороссийском...

Как все глупо, что ни сделают! Ну, уж если это правительство не умудрится погибнуть, то значит Россия может жить вовсе без правительства.

2 я н в а р я.

Вечером на Николаевском вокзале стреляли в Трепова *).

4 я н в а р я.

Новый градоначальник должен прибыть 15 января. А 12 и 14 назначены беспорядки, какие-то грандиозные манифестации. Говорят, для этого съезжаются студенты из всех университетов. Манифестанты готовят бомбы (настоящие) и хлопушки (для страху). Где-то продаются р е в о л ь в е р ы, с 10 патронами, за т р и р у б л я. Предлагали кому-то в редакции купить. Дешево!

В городе начальство — один Руднев [8]), который никого и ничего не будет усмирять. Итак будет все, что только пожелают сами манифестанты.

---

*) Какой-то Полторацкий, очень молодой, из средней школы [7]). — П р и м е ч а н и е в п о д л и н н и к е.

Правду сказать, уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее. Даже нестерпимо жить в подобной бессмысленной анархии.

Сегодня приезжал Н. А. Павлов. Даже не заехал, но весь день вел со мною переписку из «Славянского базара». Шалый человек! Туда же — в политику лезет.

5 января.

На 15 января ждут больших правительственных перемен. Говорят об уходе Мирского и назначении Витте министром внутренних дел. Но из разных источников — слух, что Витте очень болен, не может работать и будто бы у него прогрессивный паралич (на сифилитической почве). Не разберешь их.

Приезжал Нилус и рассказывал, что «государь молится и плачет»... Бедный! И невольно задаешь себе вопрос: почему ему бог не дает помощи?

Насчет наших беспорядков говорят разно. Рабочие не говорили Воронову ни о 12, ни о 14 января, а говорили, что скорее б у д е т после 15 января. Они собираются поставить Волкову (градоначальнику) свои у с л о в и я, и если он их не примет, то будут рабочие беспорядки. Уступка Бакинской стачке соблазняет рабочих. Теперь в Петербурге забастовали 12 000 рабочих Путиловских (во главе их о. Г а п о н), да присоединился сегодня и франко-русский завод. Беспорядки были в Нижнем, в Вильне, Витебске [9]). В Киеве адвокаты на съезде криминалистов объявили необходимость конституции... [10]) Одним словом, идет во-всю...

А государь «молится и плачет».

Жалко его, а Россию еще жальче. Не умеет сделать, что нужно, и ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-финско-немецкой интеллигенции... Она теперь прониклась замечательной гордостью: отрицает и н а р о д, и прямо говорит: «Мы знаем народные нужды, и нам нечего спрашивать серьмягу».

Государь «молится и плачет». Так называемые консерваторы — либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и также презирают «серьмягу». Ну, а серьмяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и царя и народ.

8 января.

Петербургские газеты не вышли. Всеобщая стачка рабочих, 60 000 человек на 1 500 заведениях. Электричество потухло. Ну, значит, и у нас будет то же.

Здесь все военные единогласно высказываются, что события 6 января явное покушение, и что никакой такой случайности не могло быть [11]). В публике почему-то есть слух, будто и это покушение идет из самого царствующего дома, который де крайне недоволен и говорит, что государь погубит всех их.

Это последнее весьма возможно, но совершенно не допускаю, чтобы в царствующем доме могли прибегать к таким зверским и нелепым покушениям. Симанский говорит, что если бы заряд попал верно, то при данной дистанции (150 сажен) картечь захватила бы пространство в 200 шагов ширины и смяла бы все: государя, митрополита, свиту, духовенство и т. п., т. е. могла бы перебить несколько сот человек.

Вечер, 12 часов. Пришел из редакции. Частные письма изображают Петербург, как город в осадном положении. Толпы народа, войска... В учебные заведения советуют не ходить...

Шишмарев сообщает, что 7 января, в 8 часов вечера, священник Гапон с рабочей депутацией поехал в Царское село к государю... [12]) Относительно картечи 6 января Шишмарев тоже уверен, что это покушение.

На кого же государь может теперь полагаться? Батарея — гвардейская.

9 января.

Печальные сведения. Ясно видно, что устроители стачки — не рабочие. По рабочей тактике — безумие вогнать в стачку весь город, — без денег. На 140 т. рабочих нужно считать 240 000 ртов. Это по 20 к. дает в день 48 000 рублей! Где же их взять? В 10 дней нужно 500 000 р.! Никто не работает, некому поддержать. Безумие! Стачка должна в несколько дней погибнуть. Рабочие, в своих интересах, такой ерунды не затеют.

Но те, кто хочет баррикад, пальбы, революции, чтобы вырвать конституцию, напротив, именно так должны вести дело. 140 000 голодных, понятно, уже через несколько дней начнут грабить. Далее — полиция, пальба и т. д. Остается лишь вооружить хоть десяток тысяч обозленных стачечников.

Но, вероятно, этим тоже озаботились.

Лукин [13]) слыхал вчера от Мих. Афанасьева, что здесь в Москве рабочим от «интеллигенции» раздают массу денег, подбивая тоже к стачке. Ну, конечно, то же и в Петербурге.

Теперь ночь. В редакции слышно, что в Петербурге уже стреляют. Замечательно глупо правительство. Пожалуй, и вправду

слетит? Оно уже так пало во всех глазах, что, пожалуй, и защитников не найдет. И как его спасешь? Честному человеку нет доступа и на сто верст.

Мани, факел, фарес...

А бедная армия? За что она льет кровь? Несчастная, развратная, обезумевшая Россия...

10 января:

В Петербурге форменная революция. И какое идиотское официальное сообщение! Все Гапон наделал!

Ниже я заклеиваю письмо очевидца *).

Скверно еще и в Москве. Сегодня уже забастовало два завода, предвидятся и другие забастовки. Тут, конечно, дело не в рабочих требованиях. Рабочие позволяют себя сделать оружием конституционалистов.

11 января.

Ну, началась катавасия и в Москве. До 8 часов все было спокойно. Только расклеены объявления Руднева, чтобы не было скоплений народа.

---

*) К дневнику приложено следующее письмо А. А. Липранди, написанное 9 января вечером:

«Военные действия начались сегодня около полудня и продолжались весь день. Первые залпы грянули у Александровского сада: многочисленная колонна крамольников, направлявшаяся к Зимнему дворцу, была отброшена.

Однако наступление этим не ограничилось: колонны мятежников появлялись еще неоднократно, но каждый раз были отбрасываемы кавалерией (действовавшей саблями) или ружейным огнем.

Город имеет совершенно необычайный вид. Невский и улицы за Полицейским мостом буквально запружены народом, причем всеобщее возбуждение, здесь же невозбранно поддерживаемое разными проходимцами, чрезвычайное. Только раскаты ружейных залпов заставляют умолкать и рассеиваться, однако лишь на короткое время.

Мне лично пришлось присутствовать при бое у Полицейского моста. Толпа с криками «ура» бросилась на войско. После долгих увещаний было дано три залпа, из них первый холостыми. Толпа тотчас же в панике разбежалась, оставив 12 человек, из которых пятеро оказались убитыми (среди них одна девочка лет семи-восьми).

Завтра все должно возобновиться в еще большем масштабе. Тревога огромная. Многие разъезжаются.

На площадях войска расположены бивуаками. По улицам поминутно снуют многочисленные пешие и конные патрули. Полиция совершенно устранена, да и не ей, конечно, усмирить мятеж».

Позднее: «Всего убитых 300, раненых 2 000. Государь уехал в Царское Село».

Коля ушел в гимназию. Вдруг ворочается кухарка из мясной и объявляет, что толпы «мужиков» заполонили Страстную площадь, Тверскую и бульвар Тверской. «Студенты распоряжаются, говорят: не ходите порознь, кучками ходите. В лавке сказали, что завтра ничего не будут продавать, ни мяса, ничего»...

Я послал сторожа в гимназию за Колей... Нет до сих пор (9½ часов).

Катя разослала прислугу запасаться припасами. Боимся, не остаться бы без воды.

10 часов. Коля вернулся из гимназии. Завтра ученья не будет.

Старший дворник, Егор, сказал Кате: «Сегодня вы не беспокойтесь, ничего не будет: это только начало. А завтра — уже будут беспорядки».

Н о ч ь. Были несколько стачек, но затухли. Прибыли партии петербургских бунтовщиков. Приехал Шишмарев, рассказавший массу подробностей — до 8 часов вечера 10 января, когда он отбыл из Петербурга. Некогда записывать.

А после 8 часов вечера — описывает Липранди *).

Сегодня телеграммы из Петербурга: 1) Т р е п о в н а з н а ч а е т с я г е н е р а л - г у б е р н а т о р о м в П е т е р б у р г е, 2) в городе все спокойно, рабочие возвращаются к занятиям...

Правда ли? Чорт их знает.

У нас одни ждут всеобщей стачки и беспорядков завтра, другие более оптимистичны.

12 я н в а р я.

День прошел тихо, т. е. без беспорядков. Но стачки то вспыхивали, то потухали. Войска охраняют некоторые места в городе. Подстрекательств много. Интеллигенция тоже старается.

13 я н в а р я. Ч е т в е р г.

11 часов утра. Забастовала наша типография. Не вышли по забастовке же «Русские ведомости», «Московский листок» и «Новости дня». «Русский листок» в ы ш е л.

Солдаты проходили несколько раз по улице. Коля — в гимназии. Беспокойно!

---

*) Приложено следующее письмо Липранди, написанное 10 января ночью: «С 8-ми часов вечера беспорядки возобновились со страшной силой. Нет ни одного не разгромленного дома на Невском, Николаевской, Владимирской и др. улицах. Гремит канонада залпов. Призвана артиллерия. Газ и электричество потушены. Петербург в полной тьме. Озверелая толпа неистовствует. Вчера положено пять тысяч (5 000) человек. Сейчас битва идет».

Пошел в типографию выручать хоть рукопись своей несчастной книги. Выручил, слава богу. Встретил Новикова, который шел к Дмитрию Андреевичу. Говорит, дела плохи: «мы в революции». Само собою.

О назначении Трепова рассказывал Новиков, что тот з а ч а с ничего не знал и ему говорил, что завтра едет к Куропаткину: ждет только денег. Но вдруг был потребован к Мирскому, с которым говорил т р и ч а с а, и затем отправился в градоначальство и, вызвав двух помощников градоначальника, толковал с ними до 3 часов ночи. Уходя от него, они крестились и говорили: «Ну, слава богу, наконец, знаем, что нам делать». На другой день Трепов поместился с семейством в Зимнем дворце, где назначено ему жительство. Сегодня явилось объявление е г о и К о к о в ц о в а [14]) к рабочим Петербурга. Умное, но плохо написано.

Полномочия его огромны. Вся власть министра в столице и губернии переходит к нему.

Новиков говорит о слухах, что вместо Мирского будет Витте.

Еще не могу верить, чтобы государь, наконец, опомнился и понял, в какую яму ведет Россию и себя. Вероятно, это на одну секунду, а потом опять начнется ерунда! Ведь, в сущности, наверное, при нем уже побито больше русских, чем при Иоанне Грозном...

Но если дело кончится простой р е а к ц и е й, то это будет такая же глупость и гибель.

Объявление Коковцова-Трепова умно. Оно обещает р а б о ч и м реформы. Но ведь не одни рабочие есть в России. Реформы нужны о б щ и е.

14 я н в а р я.

День начался скверно. Волнения где-то на юге к Замоскворечью, а также в Сущевской части. Пошли туда войска...

Из газет вышли только «Московские ведомости», «Московский листок», «Русский листок». У нас пока работает ч а с т ь рабочих. Им прибавили по 2 рубля. Но я думаю, что нам заткнут глотку. Уж раз все типографии забастовали, то, конечно, придется и нашу с и л о й заставлять не работать. Мерзость ужасная.

Сегодня ждут Волкова. Господи, какие ужасные времена!

Вчера за Рогожской частью забастовавшие рабочие разбивали и грабили частные дома... Буйство длилось несколько часов. Усмирили казаки нагайками.

Но что толку? Стачка растет. В первый день было 7 000, потом 12 000, а вчера уже 30 000. Интеллигенция подстрекает упорно и

повсюду. Особенно гнусны адвокаты. Не хочется записывать. Чувствуешь себя в какой-то последний день Помпеи.

Ночь. В течение дня — ничего особенного. Руднев запрещает употреблять оружие, а толпа бьет казаков кирпичами. Казаки отказываются итти усмирять, если не разрешат оружия.

Руднев — известная слякоть, да и трус. А Волков не едет. Сейчас по телефону сказали, что его нет.

В думе идет ночное заседание о безопасности водопроводов. Вот была бы штука! Лукин думает, что думские революционеры нарочно сами хотят испортить, чтобы возбудить волнения. Он уверяет, что они в страшной ярости от «неудачи в Петербурге»! Они ожидали, — говорит он, — низвержения правительства и собирались здесь ставить своего князя Голицына во главе московского правительства... Что тут правда? Впрочем, раз затевается такое движение и, в сущности, заговор, то естественно, что заговорщики должны были предусмотреть исход своего дела.

У нас сегодня однако нет сведений из Петербурга, и я не знаю, в какой степени там успокоились.

15 января. Суббота.

Дмитрий Гринмут официально объявил, что Владимир Андреевич приедет в Петербург в среду (т. е. 19 января) и пробудет там неделю. Хоть это слава богу, что он сбежал на беспорядки, а то при его присутствии было бы еще хуже.

Относительно беспорядков собственно в Москве особенно страшен мне завтрашний день. Глоба-Михаленко сообщил, что Прохоровская мануфактура на завтра готовит «бунтище»! А Волкова нет. Руднев все деморализует. Войска измучены тяжкими нарядами и деморализованы. У нас их всего 8 000 человек; офицеры большею частью запасные. Масса прокламаций: не стрелять. Да и Руднев не допускает оружия. Интеллигенция подстрекает. Дума — особенно.

Сегодня вышли все газеты, и уже начали подстрекательства.

В прокламациях священник Гапон объявляет проклятие тем, кто будет стрелять, и «пастырское благословение» тем, кто не станет стрелять. Это я сам читал в подлинных прокламациях у полк. Симанского.

В Петербурге вышли какие-то газеты (не знаю — все ли).

Куропаткин перешел в наступление 13 января. Симанский говорит, что это по приказанию из Петербурга. Несчастный это «Петербург» или точнее «Царское село»! Ну, а что будет, как Куропаткина снова расчешут японцы? Но утопающий хватается за соломинку, а в Петербурге рады хоть на несколько дней отвратить внимание на

внешние события от внутренней революции... Теперь, кажется, можно произнести это слово, потому что, мы находимся в несомненной революции.

Получил письмо от сестры. Описывает петербургские истории со слов жены фабричного... Ужас читать. Ужас в том, — что за гнусное «начальство», допустившее все это.

16 января.

Воскресенье. День, когда особенно опасались, но прошел спокойно.

В Петербурге, говорят, во «временном правительстве» были: 1) Гессен (редактор «Права») — министр президент, 2) Пешехонов (дрянненький писатель из радикалов) — внутренних дел (вероятно потому, что был в тюрьмах и ссылке), 3) Максим Горький (Пешков) — народного просвещения, 4) Мертваго («Хозяин») — земледелия, 5) Кедрин — юстиции, 6) Гапон — исповеданий, 7) Петр Струве (эмигрант) — финансов. Уверяют, будто его видели в Петербурге. Все остальные — арестованы.

Партия московских думских радикалов такова: Щепкин, Никол. Никол., (служил в страх. обществе), Гучков, Никол. Ив., (купец), Муромцев, Серг. Андр., адвокат, Геннерт, Артур Ив., адвокат из евреев, Пржевальский, Влад. Влад., адвокат, Челноков, Мих. Вас., кирпичный заводчик, Астров, Ник. Ив., бывший мировой судья, секретарь думы. К ним примкнули: Савва Тимоф. Морозов, Рябушинский, Четвериков.

Грингмут Владимир завтра, 17 января, должен прибыть в Петербург. Начнет опять спасать Россию, только что спасшуюся от Геннертов и Струве с К°.

18 января.

По всем известиям, Куропаткин опять разбит... Японцы подбрасывают солдатам письма, уговаривая сдаваться, потому что в России революция и русской армии нет смысла драться.

Конечно, Россия — погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но все это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству.

24 января.

Рассказывали из официального источника (Воронов) следующее.

Накануне 9 января у государя собралось совещание по поводу того, что делать в виду приготовлений заговорщиков. Власти все видели и знали... Обсуждать же меры, которые лежат на обязанности

самого обыкновенного градоначальника, почему-то понадобилось у государя... Ну, на совещание был приглашен и Трепов (тогда укладывавший свои чемоданы, чтобы ехать к Куропаткину). Спросили мнение Трепова о столь важном государственом вопросе. Он отвечал: пункт первый—нужно немедленно арестовать всех вожаков...

Государь прервал его:

— «Ах, Дмитрий Федорович, вам все только бы забирать, да забирать людей!»

Трепов замолчал и не проронил больше ни слова...

Ну, никого не арестовали, и 9 января перестреляли вдесятеро больше невинных дураков, а затем Дмитрия Федоровича—в диктаторы.

Сердце болит слышать такие вещи. Что-то бесконечно наивное, чуждое понимания азбуки политической жизни.

Ну, что можно сделать в таком положении?

Завтра ждем приезда Грингмута.

NB. Грингмут заявляет, что это неправда. Такого совещания не было.

4 февраля. Пятница.

Вчера поехал в Сергиев посад осведомиться лично, что творится в академии. Настроение глупое, постоянные сходки, стремятся к «забастовке».

В Мытищах входит пассажир и говорит другому, очевидно, знакомому:

— «А в Москве несчастье: великого князя убили» [15]).

Я не верил своим ушам. Встал, подошел:

— «Пожалуйста, что случилось?»

Он повторил.

— «Т. е. ранили? Или на смерть?»

— «Говорят, убили».

Господи, что за время, что за впечатления!

Приехав на вокзал, узнал от извозчика все ужасные подробности. Он говорит, что взрыв был слышен у вокзала.

И это возможно посреди пустого Кремля, в 200 шагах от подъезда дворца! Что же делает полиция, что делает Волков?

11 февраля.

За эти дни схоронили бедного великого князя. Волков и вообще власти держат себя гнусно. Траура не вывешено. Даже ограда места убийства и постановка креста первоначально сделана частными людьми.

Публика убивает своими глупыми суждениями.

В академии сначала большинство решило «забастовку», но меньшинство не подчинилось. Это меньшинство — 15 человек (из 200!). Саша ездил на сходку меньшинства, а сегодня (он снова здесь) получил телеграмму, что «лекции будут».

Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам и японцам, если бы они завоевали Россию.

Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституции. Но и среди этих — мечтают о карьере и выгоде, а помогают «революции» потому, что это совершенно безопасно. Это мало сказать — безопасно — это менее опасно, чем мешать «революции».

Я думаю, что в так называемом «Петербурге», т. е. в высших правительственных сферах, единственный в п о л н е честный человек — это Трепов.

Булыгин [16]) был хорош в с п о к о й н о е время. Каков покажет себя теперь, это пока не видно.

Из царской семьи на погребение Сергея Александровича никто не явился, кроме «поэта» Константина и опального Павла. Это ужасно тяжело. Особам женского пола, казалось бы, можно было явиться «безопасно».

А Трепов молодчина — п р и е з ж а л и свой венок самолично возложил на гробницу. А уж кому и бояться, как не ему! Но дело в том, что страх не вне, а внутри людей.

В сущности, конечно, только лично государю не следовало рисковать. Остальные — все могли бы, и даже не было бы никакого риска.

13 ф е в р а л я.

Киреев пишет письмо, которое заклеиваю... *) Как видно, у них там Витте один имеет здравый смысл.

*) Приложено след. письмо Киреева:

«Неужели Владимир Андреевич думает, что я (да и все зрячие) не видят опасности, представляемой созывом земского собора!? К о н е ч н о, в и д и м; но еще опаснее ничего не делать. Вы скажете, «что же вы ничего не делаете?» Ответ: «ничего н е с п о с о б н ы д е л а т ь, н е м о ж е м, вожжи из рук вывалились...» «Так подберите и подтяните». «Не можем». Все другие подбирают! С одной стороны — Витте, с другой — учащаяся чернь!! Хулиганы, а мы — пасуем, не смеем сказать: «цыц!»

Знаете ли, что было в университете. С р а з р е ш е н и я н а ч а л ь с т в а — сходка; на сходку являются студенты, курсистки, чернь, пьяные; об-

В Баку — резня. В Батуме — резня. По всей Польше, отчасти в Балтийском крае, прекращено движение железных дорог: забастовки и бунты...

Finis Russiae.

Этот Киреев толкует о земском соборе. Кто же это его соберет? Уж если на простую полицию ума нехватает, так что же толковать о земском соборе. Уж тогда прямо требовал бы Учредительного собрания, как студенты — владыки России.

У нас в Москве ждут почему-то целой революции 19 февраля. Говорят, что будет вообще бунт, в частности, разгром «Московских ведомостей». Грингмут получает угрожающие письма.

На чужом пиру — похмелье, и переживешь ли 19 февраля? Я тоже серьезно спрашиваю себя это...

Мои девочки в Петербурге... Думают возвратиться к 18 февраля — мои именины. Уж не посоветовать ли переждать хоть до 20 февраля?

По городу ходят слухи, что убийца великого князя бежал.

14 февраля.

По городу трубят, будто бы убийца великого князя убежал, но это неправда. Я сегодня, после инфлуэнцы, первый раз решился пойти

мениваются мнениями и пощечинами, срывают портрет государя, разрывают в клочки, топчут ногами... принимают резолюции революционного характера, расходятся... и — ничего!

Никакой репрессии!! Решено правительством делать вид, что ничего не было!

Народ говорит про дорогу, где совершаются убийства и грабежи: там — «шалят». То же говорит и правительство наше. Шалят, мол, это ничего! Проекты ходят по городу самые удивительные. Витте (еще весною) хотел устранить государя и заменить Михаилом Александровичем в качестве регента (Михаил Александрович слепо верит Витте). Предполагался дворцовый переворот... Теперь в благомыслящих кругах говорят о том, чтобы уговорить государя на время, по болезни, передать правление группе людей энергических, которые, конечно, в два-три месяца привели бы все в порядок и затем все бы передали царю... Но разве это легко?

Вам, да и всем не сидящим в Питере, у самой власти, все это кажется невероятным, но все это так в действительности! Ну вот и думаешь о земском соборе. Конечно, и тут беда может быть, а может и не быть, если только правители наши поймут, что земский собор ничуть не есть сумма современных земств.

Прослышал наш beau-monde, что где-то, когда-то был такой генерал Монк ну и говорит: Il nous faut un Monk. Cherchons un général Monk» [17]). Ну, ищите господа! У нас и для Манчжурии никого не найдут... Куропаткин тоже очень плох, нерешителен! Дает себя разбивать по частям!»

в редакцию, и Грингмут мне положительно сказал, что слухи эти — вздор.

Кто он? Грингмут рассказывал, что получил анонимное извещение, будто автор письма знает убийцу: что это харьковский студент (помнится—Федоров), который где-то известен в г. Воронеже (кажется, родом оттуда), а убийство совершил с товарищем своим Волковым.

Грингмут отправился дня три назад с этими сведениями к градоначальнику Волкову. Тот встретил его в высшей степени сухо. Спросил: «Что угодно?» Грингмут начал, было, речь, что дескать давно желал навестить и не мог... Тот слушал без всякого поощрения его желанию познакомиться и в конце спросил всетаки, что собственно он желает. Тут Грингмут сообщил о полученном письме... Волков слушал крайне пренебрежительно, заметил, что все это, конечно, вздор, что таких писем получается целая куча, и все — пустяки. «Пожалуй, я передам в охранное отделение: пусть там они подумают» — заключил он пренебрежительно. Заметил, что единственно известное об убийце—это что он приехал из заграницы. После этой, не очень лестной беседы Владимир Андреевич и откланялся. Волков имел (единственную) вежливость провести до дверей.

Очевидно, либеральничает, не хочет знаться.

Не то он просто не понимает приличий, не то подлаживается к либералам, но он сделал уже две крайне «не московские» вещи. Великий князь так и остался без траурных флагов в Москве. Волков не сделал распоряжения о вывешении траурных флагов, и по всей Москве едва ли были д е с я т к и домов с ними даже в день отпевания. А ведь князь 12 лет был здесь генерал-губернатором. Прямое свинство со стороны преемствующего начальника города.

Затем, 13 февраля приехал Стессель, которого чествовали на всем пути овациями, от самой Феодосии. В Москве не было маломальски п р и л и ч н о й встречи. Для этого народ обманули. Во-первых, задержали Стесселя в пути на один день. Толпы народа стекались на Курский вокзал и — Стессель не приехал. На другой день опять толпы... и узнали, что Стессель проследовал прямо соединительной ветвью на Николаевскую дорогу. Это была правда, но и обман. Ибо Стессель не проехал в Петербург, а был высажен на Николаевский вокзал и на деле пробыл в Москве два дня. Но стечение народа было избегнуто, ибо никто не знал, что он остановится...

15 ф е в р а л я.

Сегодня в газетах напечатано:

«П е т е р б у р г, 14 ф е в р а л я. (Р о с с. в е д.).

По достоверным слухам из Москвы, великая княгиня Елисавета Федоровна посетила убийцу и спросила его: за что он убил ее мужа? Убийца ответил:

— Я исполнил волю революционного комитета.

Великая княгиня спросила:

— Вы верующий?

Получив утвердительный ответ, ее высочество дала убийце образок и сказала:

— Я вас прощаю. Бог будет судьею между великим князем и вами, а я буду ходатайствовать о сохранении вам жизни.

Убийца разрыдался».

Сегодня же, на докладе, Грингмут мне сказал, что все это л о ж ь. Официальная постыдная ложь.

На самом деле разговор был таков:

Убийца (при входе княгини): «Кто вы такая?»

Княгиня: «Я жена убитого вами великого князя».

Убийца: «Что вам нужно?»

Княгиня: «Я пришла спросить, за что вы убили моего мужа?»

Убийца: «Он — мой враг».

Княгиня: «Но что же он вам сделал? Вы даже не знаете его»...

Убийца: «Он мой политический враг».

Княгиня: «И вы даже не чувствуете жалости?»

Убийца: «К у ч е р а мне очень жалко».

Вот каков был действительный разговор. Убийца, конечно, «не разрыдался», все это — выдумка.

Для чего же все это сочинение? Вероятно, подготовка почвы к п о м и л о в а н и ю убийцы... Все еще надеются умилостивить врагов. Владимир Андреевич сообщал это к а к ф а к т.

По России делается чорт знает что: везде бунты, убийства, подготовка восстаний и грабежей.

Мне еще А. С. Суворин писал, что государь вызывал Льва Львовича Толстого и беседовал с ним о земском соборе. Это маленький, маленький писатель повестушек.

Клавдия рассказывала (она ведь знакома с Толстыми), что свидание состоялось вследствие п и с ь м а этого Льва Львовича государю. Вернулся сынок графа в восторге от милости государя.

2 м а р т а.

Приехал Грингмут.

Не веселые вести петербургские. Хаос в правительстве. Борьба партий.

Владимир Андреевич не посвящает меня глубоко в эту политику. Но, во всяком случае, я вижу, что там партия «придворная», «консервативная» же вертится около Гессе, Путятина, может быть, Фредерикса. Близка к ней, очевидно, и императрица Мария Федоровна. Мелкие деятели ее — Павлов, Палтов, Богданович, вероятно, Никольс-

ский и т. п. Все это друзья и Владимира Андреевича. Среди министров нет ни души в этой партии, которую, я думаю, правильнее назвать патриотически-абсолютистской. В министрах — деятельна часть конституционная. Ее «лидером» — смехотворным соломенным чучелом — является «Ермолай», т. е. Ермолов, которого в это звание выдвинул великий маг и таинственный незнакомец Витте.

Самого Витте обвиняют в том, будто бы он работает на себя, на свое личное возвышение до... до чего только возможно. Он перед государем является сторонником самодержавия — вполне абсолютного. Но он же подстрекает все смуты — от конституции до революции—и подсказывает государю все меры, способные привести к хаосу. Каковы его цели? Говорят, — довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки всю власть. Он будто бы говорит и делает, что нужно: 1) чтобы государь вручил диктатуру доверенному лицу (т. е. ему самому), 2) министров и Государственный совет разогнать, 3) назначить в министры и Государственный совет однородных людей (т. е. его креатур). Тогда все пойдет ладно. Это значит повторить старо-японскую систему. Императора — посадить в положение микадо; сам Витте — в шогуны. Ну, а если хаос кончится низвержением монархии, то Витте будет президентом республики.

Так представляют его планы. Само собою, что он же является представителем еврейства, бессословности, разных личных свобод (совести, печати и т. д.).

Каковы планы «патриотических абсолютистов»? Никаких, повидимому. Они стараются мешать Витте... и только.

В настоящую минуту борьба этих «партий» выразилась в том, что Витте, руками Ермолова, хотел заставить государя издать манифест того содержания, каким вышел рескрипт Булыгину. Консерваторы провалили это дело и сочинили тот манифест, который был опубликован. Дело это совершилось в тайне и возмутило министров, Витте, Коковцова, Ермолова. Они достигли назначения у государя общего совещания и вынудили у него рескрипт Булыгину. Государь этого ни за что не хотел, но благодаря ловкости Витте подписал. Булыгин вел себя слабо и двусмысленно. Сольский и Ермолов вели передовую атаку, а Витте ловко поддержал, сказав, чтобы вписать в рескрипт слово «самодержавие».

Грингмут подробно рассказывал всю эту сцену заседания. Скучно записывать. Достаточно сказать, что государь всеми мерами уклонялся от подписи рескрипта, а министры грозили революцией, финансами (Коковцов) и иностранными осложнениями, если он не заявит о созыве представителей народа.

Государь, наконец, п о д п и с а л, а затем, придя к императрице, р а з р ы д а л с я. Узнав о подписи рескрипта, императрица Мария Федоровна приехала и жестоко его упрекала.

И вот рескрипт подписан. Но ни государь, ни Булыгин нимало не желают его исполнять.

Должно ожидать, что теперь начнутся демонстрации или что-либо похуже, чтобы заставить их приступить к исполнению рескрипта.

Зрелище жалостное и даже больше.

Из частностей — жестокая вражда Витте и Трепова, который вообще ненавидим всеми министрами. С Булыгиным, впрочем, он в недурных отношениях.

Витте, конечно, — у них там самый умный и ловкий человек. Если бы он был хоть чуточку русский, ему скорее всего можно бы было пожелать прочной власти, — конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает). Ну да впрочем — не стоит и гадать об этом. Меня никто не спросит, и ничего ни для кого я все равно не могу сделать.

Куропаткин — п а л. Главнокомандующим назначается Н и к о л а й Н и к о л а е в и ч *). При нем — Драгомиров (еле живой) и Сухомлинов. Они говорят, будто бы «мы поедем без о б р а з о в, но с Драгомировым». Окажется ли только эта сомнительная «реликвия» более действительной помощью?

14 м а р т а.

Заклеиваю характерное письмо Киреева **). Его пессимизм, может быть, преувеличен, но, во всяком случае, Россия — в положении самом ужасном. Правительства не только нет, но, кажется, н е м о ж е т б ы т ь. А так как страна погибает, то правительство д о л ж н о возникнуть — с н и з у... Но и это трудно представить без отчаянной резни. Похоже, выходит, на революцию.

Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть, как национальное собрание. Но это еще труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход — революция.

Умопомрачение!

---

*) Оказалось неправда: Линевич. — П р и м. в п о д л и н н и к е.

**) Наклеено следующее письмо Киреева:

«13 марта 1905 г.
Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович,

Не вы одни «в неясном представлении о военных делах». Н и к т о ничего в них (д а и в о в с е х д р у г и х) не понимает. Ни в одной мало-мальски упорядоченной армии не могло бы повториться ничего подобного трагикомиче-

Но самое мерзкое то, что даже и революция ничего не может создать иначе, как после десяти лет резни и насилия. Силы претендентов на власть под флагом народного самодержавия очень незначительны... Это вроде Франции XVIII века, и уж если там необходим был террор для власти республики, то у нас и подавно. Прямо — чорт знает что!

А между тем мало-мальски сносное правительство могло бы все устроить мирно. Но его нет и не может быть.

Вот что значит абсолютистская монархия! Каких-нибудь 10-ти лет достаточно, чтобы сокрушить себя и погубить страну.

ской эпопее Куропаткина; в Германии военные только руками разводят, а у нас говорят о каком-то героизме!??

Сколько у нас воинов в данную минуту? Думаю, у Линевича с подошедшими резервами 250 000 будет (но потерь под Мукденом не публикуют). Потери громадны, благодаря исключительно Куропаткину, который, владея Мукденом, не позаботился устроить хорошие дороги к Телину (на Телинской позиции, говорят, можно бы держаться недели, они великолепны!).

С Николаем Николаевичем царь советуется, считая его военным гением, он командовал гусарским полком, а царь у него командовал эскадроном. Едва ли Н. Н. возьмется теперь за личное командование армией, разбитой на-голову.

До Мукденской катастрофы царь не отдавал себе ясного понятия о положении дел, крепко настаивал на необходимости победить, а теперь??? Все решения, самые неожиданные, возможны! Подумайте и о том, что ведь мы объявили urbi et orbi (в манифесте 18 числа), что нам почему-то необходим Тихий океан и что мы призваны защищать и интересы других христианских держав (вероятно, Англии?). Le ridicule nous tuera. Это повторение хвастливого приказа Куропаткина перед поражением под Ляояном.

Страшное, чудовищно-индискретное оповещение военного министерства о числе войск, пересланных Куропаткину (770 000 чел.), заставляет думать, что мы все же можем еще бороться, что мир не необходим? Мир, может быть, необходим для отражения внутренних японцев. Ведь войск в некоторых губерниях нет совсем. Говорят, в Пензе уже нельзя выходить из дома вечером???

Все еще может быть спасено, если только земский собор будет созван не слишком поздно и будет состоять из консервативных элементов. И то и другое еще возможно. Думаю, что мы можем располагать 3-мя, 4-мя месяцами, а потом— в отставку.

Шарапов, несомненно, талантлив. Что и говорить! Да и кроме Шарапова есть у нас люди, на которых можно бы опереться, консервативные силы есть несомненно, и серьезные, но правительство не умеет их сгруппировать.

Булыгин, повидимому, не чувствует за собой опоры... а ведь трудно работать, когда приходится все оглядываться... La bêtise est un luxe très cher, в особенности в политике.

Бог карает Россию.

Нет, вероятно, Рожественский еще успеет погибнуть до окончания войны.

Ваш А. Киреев.»

19 марта.

Усиливаются толки о гнусном мире, с уступкой половины Сахалина, всей Манчжурии, с дорогой (а японцы ее отдадут за 500 млн. китайцам). Значит контрибуция натурой...

Не понимаю, как можно так низко пасть, чем нужно быть, чтобы подписать такой мир? И это — со вчерашними дикарями, имеющими 47 млн. против 130 млн. русских! Это ужасно! Я понимаю, что можно умереть, но кто способен жить, совершив подобную гнусность? И это — Россия.

До чего господь привел дожить!

1 мая. 3 часа дня.

Сегодня ожидается революционное движение. Прокламации объявляют вооруженное нападение на врагов революции, и даже провозглашена демократическая республика.

Говорят, рабочим раздавали оружие.

Предположено начать демонстрации в Сокольниках, затем двинуться в центр города и взорвать Тверскую часть. По пути вооруженная борьба с полицией и войсками.

Теперь осталось еще два часа до начала этого «праздиования» 1-го мая.

Говорят, что меры полицией приняты. Впрочем, градоначальник (Шувалов вместо Волкова) только вчера прибыл, так что все «контрреволюционные» меры зависят от умелости Козлова.

11 часов ночи.

День прошел. Около нас ничего не было, кроме гуляющей публики с преобладанием рабочего элемента. Ничего не слыхал и о прочих частях города. Впрочем, никого и не видал, так что некого было и спросить *).

20 мая.

Что делается в Петербурге? Слухи разные: одни говорят, будто бы государь отрекается от престола; другие говорят, что государь совершенно спокоен. Все говорят, что будет созван земский собор. Все это напоминает крыловских музыкантов... «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь».

Впрочем, хотя этот земский собор, наверное, будет состоять из той же дряни, как чиновники (даже и лица будут наполовину те

*) Далее в подлиннике: «NB. Позднейшая приписка: Ничего и не было. Пустое мальчишество в Сокольниках, о котором и говорить не стоит».

же), однако должно сознаться, что нельзя оставаться в таком положении.

Дело не в гибели флота, это само по себе пустяки, но ведь и вообще все гибнет.

Уж какая ни есть дрянь Россия, а всетаки надо ей жить на свете.

Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого.

И что мы, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно... Сиди и жди, пока погибнешь!

7 августа.

Вчера объявлен манифест о созыве Государственной Думы. Мысль, конечно, хороша, если бы только явилась не из трусости, не в виде уступки. Что касается исполнения, т. е. самого устава Думы («Учреждения»), то оно очень плохо. Система выборов нехороша, отдает Россию во власть инородцам... Нехорошо это кончится. Хотя вообще я отношусь ко всему этому очень хладнокровно. Правительство так мерзко, так пало, что ничего хуже не может быть, хоть бы и республику объявили. Захочет русский народ, так восстановит монархию, а теперь ее все равно нет.

А вот где горе: на Востоке! Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдает японцам Манчжурию, подрывает престиж...

Ну вот уж этого не поправишь! Как Япония заберет Корею и Китай, так Россия — мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам, по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности, на Дальнем Востоке.

18 августа.

Всеподданнейшая телеграмма статс-секретаря С. Ю. Витте на имя его императорского величества из Портсмута от 16 августа 1905 г.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что Япония приняла ваши требования относительно мирных условий, и таким образом мир будет восстановлен благодаря мудрым и твердым решениям вашим и в точности согласно предначертаниям вашего величества. Россия останется на Дальнем Востоке великою державою, каковою она была до днесь и останется вовеки. Мы приложили к исполнению ваших приказаний весь наш ум и русское сердце и просим милостиво простить, если не сумели сделать большего.

Этот человек решился, очевидно, взять нахальством и уверить Россию, что м ы чуть ли не одержали победу... Говорят (и пишут), что он будет канцлером и владыкой России. Впрочем, он и в бытность министром называл себя престолоначальником...

Ну да бог с ним. Habent sua fata reges...

Мой Владимир Андреевич страшно удручен миром, который составляет е г о с о б с т в е н н о е п о р а ж е н и е. Победа всесильного Витте угрожает ему концом всякой карьеры. Ну, конечно, он подавлен и фактом позора России, который, вероятно, будет исходным пунктом ликвидации монархии.

22 а в г у с т а. П о н е д е л ь н и к.

Гнусно и тяжко разыгрывается неизбежная комедия — последствие мира. Теперь все силы правительства направлены на то, чтобы обмануть собственных подданных, уверив их, будто мир очень сносен и будто они сами ему очень рады. Российское телеграфное агентство помещает фальшивые телеграммы из разных городов о будто бы радостной встрече мира. Нахальство доходит до того, что одна телеграмма извещает, будто бы а р м и я д о в о л ь н а.

Все это жалкие попытки и лганье.

Все ч а с т н ы е рассказы и сведения совершенно противоположны. Об армии сообщил Кузьминский и Шишмарев. По сведениям самого военного министерства, армия встретила известие о мире таким ропотом, что ее теперь н е р е ш а ю т с я в о з в р а щ а т ь в Р о с с и ю. Говорят, думают 300 000 оставить в Забайкалье, а остальных распустить по мелочи.

Должно сказать, что этот позорнейший мир подписан под влиянием угрозы Англии объявить нам войну (по новому англо-японскому договору). Правительство, понятно, перепугалось. Хотя эта мерзкая штука Англии, конечно, усложняла положение, но правительство несколько мужественнее не поддалось бы... Но англичане понимают, с кем имеют дело.

Как бы то ни было, по всей России ругаются за постыдный мир, и без сомнения, негодяи, подбившие государя на уступки, нанесли ему жестокий удар. По всему, что слышу, боюсь, что сердце народа совершенно оторвалось от царя. Это событие вполне у ж а с н о е, непоправимое, и я совершенно не понимаю, как он будет дальше править. Может быть, конституцию даст и уничтожит самодержавие... Но и этим р у с с к и е в массе будут недовольны. Вероятно, ему, т. е. государю, придется волей-неволей отдаться в руки своих врагов (конституционалистов) и подчинить им также народ. Однако этот modus vivendi едва ли возможен н а д о л г о.

Впереди скопляется какой-то непроглядный мрак. Монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежна резня. Прямо ужасное положение.

Вот она — Ходынка-то! Наступает исполнение предвешания.

24 августа.

Совершилось. Приговор России — подписан.

Портсмут. 23 августа. Мирный договор подписан 23 августа в 3 ч. 47 м. пополудни. Первым подписал С. Ю. Витте, а Комура вторым. Салют со здания морского арсенала возвестил о совершившемся событии. Чтение договора в окончательной форме продолжалось полчаса.

Итак гробовая доска надета и прибита.

За что и почему убили Россию? Англия пригрозила войной... Нет пределов глупости наших заправил... Впрочем, это даже не глупость, а просто отсутствие лика человеческого... Россия осуждена богом, и ничего тут не поделаешь.

29 августа.

Читаю радикальные газеты, вспоминаю времена молодости, и вижу несомненно, что ныне господствует не «освободительное», а «революционное» направление: это — умственно «зеленая молодежь» и отрицатели русских начал, в том числе, конечно, и чуждые народности (евреи особенно, и поляки), ну — ссыльные тоже, вообще все обиженные, озлобленные так называемым «существующим строем»...

Взрослые, русские, желающие не протеста, не революции, а просто разумного, свободного строя, играют слабую роль и совсем не способны справляться с революционным (и антирусским) движением... да и не хотят... Правительство, в сущности, не благоустраивает Россию, а «делает уступки» из страха бунтов и особенно бомб... Поэтому оно старается уступки делать так, чтобы умиротворить именно бросателей бомб. Если бы они исчезли, то, весьма вероятно, «реформы» немедленно или постепенно прекратились бы... А посему-то «умеренные» не очень-то охотно способствуют подавлению революции, и правительству на грош не верят...

Отсюда вывод такой, что у нас будет революция, самая мальчишеская, зеленая, антиобщественная, или же — реакция.

Сил для реформы — почти не видно. Они малочисленны, да и не активны. Они не способны сдержать ни реакции, ни революции.

Реакция, в сущности, возможна... но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет, да и не способен по мягкосерде-

чию. Он не допустит реакции, потому что она может иметь успех только при страшных жестокостях. Но, не допуская реакции, он волей-неволей дает силы революции, ибо людей р е ф о р м ы ужасно мало. Россия недостаточно развита для реформы.

Поэтому все видимые шансы говорят, что нас ждет весьма нелепая революция... Я говорю «нелепая», потому что у нее нет общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления, в р е м е н н о союзные... Они все союзники по разрушению «существующего строя», но не по созиданию.

Все это сулит препечальное будущее.

Теперь, — если дотянем до этого, — важное событие будет Государственная Дума. Будет ли она за какое-нибудь созидание или за разрушение? Это очень важно. Но, повидимому, Дума должна быть р а д и к а л ь н о ю, а если так, то пойдет к р а з р у ш е н и ю.

Правительство — прямо ужасно. Оно совершенно сгнило и, сверх того, универсально скомпрометировано. Никто ему не верит, никто его не уважает и, наконец, не боится. Оно пало и не может подняться. И я смотрю, наблюдаю и не вижу возможности, чтобы оно поднялось.

Революцию, мне кажется, могло бы предотвратить только совершенно н о в о е правительство. Э т о м у, нынешнему, уже не п о в е р я т, что бы оно ни делало. Последние два года оно себя совсем подорвало, и можно лишь удивляться, чем оно держится. М и р наносит ему окончательный не «удар», а «толчок».

Невеселое положение, а сверху этого вдобавок н е с о з н а ю т.

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Павлов, Н. А., крупный землевлад. Сарат. губ., сотрудник «Моск. вед.» и «Гражданина», подписывавшийся «дворянин Павлов».

[2]) Герье, В. И., проф. Моск. унив., историк, правый.

[3]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода.

[4]) Муравьев Н. В., министр юстиции (1894—1905).

[5]) 20 декабря 1904 г. ген. Стессель подписал капитуляцию о сдаче Порт-Артура с гарнизоном до 25 тыс. человек, орудиями и всеми военными запасами. «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма» — так было охарактеризовано это событие В. И. Лениным в ст. «Падение Порт-Артура» («Вперед», № 2 от 14 января 1905 г.).

[6]) 1 января 1905 г. было опубликовано об отставке московского ген.-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, назначении его командующим войсками и учреждении в Москве должности градоначальника.

[7]) 2 января 1905 г. в Москве на Трепова было произведено неудачное покушение воспитанником торговой школы Полторацким.

[8]) Руднев, И. Н., пом. обер-полицмейстера г. Москвы.

[9]) Забастовка на Путиловском заводе началась 3 января после отказа директора завода С. И. Смирнова выполнить требования, предъявленные делегацией «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Франко-русский завод забастовал 4 января, Семянниковский — 5-го, Резиновая мануфактура — 4 января. По приблизительному подсчету охранного отделения, 4 января бастовало около 15 000 рабочих, 5 и 6 января до 26 000, 7 января — 105 000, 8 января — 125 000. (См. В. И. Невский. «История русской революции 1905 г.» изд. «Прибой»).

[10]) 4 января, по распоряжению киевского генерал-губернатора, в Киеве был закрыт V съезд русской группы международного союза криминалистов за «противоправительственную» резолюцию. В этой резолюции говорилось о созыве народных представителей и отмене смертной казни.

[11]) 6 января 1905 г. во время водосвятия на Неве в присутствии царя «по недосмотру» был произведен выстрел из орудия картечью вместо холостого; картечь попала в царский павильон и фасад Зимнего дворца.

[12]) Гапон в своих воспоминаниях говорит, что 8 января в Царское село двумя доверенными лицами было отвезено написанное им письмо о подаче 9 января петиции царю. 7 января Гапон был у министра юстиции Муравьева. (Г. Гапон, «История моей жизни».)

[13]) Лукин, сотрудник «Моск. ведомостей».

[14]) Коковцов, В. Н., министр финансов.

[15]) 4 февраля 1905 г. вел. кн. Сергей Александрович был убит с.-р. И. Каляевым.

[16]) Булыгин, А. Г., пом. моск. ген.-губернатора вел. кн. Сергея Александровича; с 20 января по 22 октября 1905 г. — министр внутренних дел.

[17]) «Нам нужен Монк. Поищем генерала Монка». Монк — англ. генерал (1608—1669), один из главных участников восстановления королевской власти Стюартов в 1660 г.

Из истории борьбы с аграрным движением 1905—1906 гг.

Публикуемые ниже две «записки» — прокурора харьковской судебной палаты С. С. Хрулева и крупнейшего землевладельца юго-западной России гр. И. А. Потоцкого— представляют несомненную ценность для истории борьбы царского правительства и помещичьего класса с усилившимся до грандиозных размеров в 1905—1906 гг. аграрным движением крестьянства.

Записка Хрулева интересна тем, что она отражает взгляды одного из представителей помещичьего судебного аппарата в момент подъема революционного движения в 1905 году.

По-своему, по-помещичьему, представители царской власти также признавали «неудовлетворительность экономического состояния крестьянства». Хрулев признавал обезземеление крестьян в 1861 г. и недостаточность у крестьян земли «для удовлетворения их самых насущных потребностей, для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством». Признавал он также, что «сумма вносимых крестьянами платежей значительно превышает доход их земли». Однако из всего этого представитель помещичьей администрации делал свои выводы.

Крестьянскую революцию он объяснял некультурностью крестьян и отсутствием у них понятия «о неприкосновенности частной собственности на землю». Автор с сожалением констатирует, что «почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно должна перейти в его обладание». Для представителя помещичьей власти чрезвычайно характерно, что это убеждение крестьян он объясняет, согласно помещичьей исторической концепции, «закрепощением в государственных целях крестьянства» и наделением их землею при крепостничестве. В общем, как резюмирует свои положения Хрулев, «неудовлетворительность экономического состояния крестьянства в наше время признается представителями всех партий и направлений. Разномыслия идут лишь в оценке размеров этого явления и способов их устранения». Нечего говорить, что, конечно, «размеры этого явления» этот чиновник изображает по-своему и совершенно по-своему подходит к способам их устранения. Именно, он подходит с точки зрения помещиков, которые становились на путь капиталистического развития, именно прусского пути. В качестве выхода из положения он выдвигает те самые мероприятия, которые затем нашли свое выражение в столыпинской реформе.

Как большинство помещиков в то время, главный упор он делает на частную собственность на землю. Здесь он даже ссылается на опыт французской революции. «Необходимо категорически и определенно проводить в народ понятие о законности и неприкосновенности частной собственности. Напомним, что даже во время Великой французской революции неприкосновенность частной собственности была гарантирована законом, и установлены были строгие наказания за возбуждение так называемого «аграрного вопроса» — об общей собственности на землю». Вместе с тем, он отмечает и ряд других практических средств по линии законодательства, по линии помещичьей агитации, в частности он высказывается за создание консервативной газеты. Хрулев высказывается против телесных наказаний, против военно-полевых судов. Он, и многие тогда помещики, опасался, что вслед за террором против крестьян начнется террор против помещиков. «Добродушный в общем характер русского народа (я не касаюсь окраин) делает наши волнения отнюдь не похожими на французские «жакерии» XVIII века. При особом же устрашении крестьян военным судом за чисто имущественные массовые преступления можно с вероятностью предположить, что за виселицами с повешенными крестьянами последуют насилия и убийства помещиков, которые могут заставить вспомнить ужасы Пугачевского бунта». Однако нужно заметить, что эти предложения были высказаны Хрулевым еще до массового подъема движения в октябре — декабре 1905 г., на которое царское правительство ответило жесточайшим террором, карательными отрядами и т. д.

Итак, как мы видим, в объяснении причин крестьянского движения и способах их ликвидации Хрулев отразил довольно типичные в 1905 году для помещиков и помещичьих властей взгляды, которые затем и легли в основу столыпинской реформы.

Записка гр. Потоцкого довольно ярко выражает позицию помещиков-крепостников в революцию 1905—1906 гг. Потоцкий уже имеет некоторое представление о «стихийном восстании одного класса населения против другого». Однако, пока что, в своей записке он с удовлетворением констатирует «относительное спокойствие в трех губерниях юго-западного края в сравнении с остальной Россией». Но Потоцкий, безусловно, не прав в утверждении об относительном спокойствии в «юго-западном крае». Здесь Потоцкий имеет в виду, главным образом, осеннее движение 1905 г., когда оно действительно в правобережной Украине было слабее, чем в других районах. (Летом же 1905 и 1906 гг. оно было достаточно сильным особенно по стачечному движению.)

Для представителя помещиков чрезвычайно характерны жалобы на «бездеятельность местных властей». Как известно, эти жалобы были распространены среди помещиков. Объяснялось это тем, что при сильном подъеме крестьянского движения местные власти, действительно, не успевали всюду удовлетворять требования помещиков. Поэтому наиболее обделенные помещики обычно жаловались на пассивность властей, их бездеятельность и т. д.

Характерны похвалы Потоцкого войскам. «Войска, где им ни приходилось действовать, всегда прекрасно исполняли свою задачу». Как известно, в западных губерниях, далеких от фронта русско-японской войны, разложение среди войск было минимальным.

Записка написана, очевидно, в начале 1906 г. В этот период помещиков особенно тревожил ожидаемый весной новый подъем крестьянского движения. «Неудивительно,

что грозный призрак этой «страшной» весны, предвещающей разрушение и погибель, все носится над головами землевладельческих сфер, глухие же вести о зареве пожаров и кровавых насилиях, доходящи из других губерний, усиливают страх и опасность положения». В качестве предупредительных мер Потоцкий намечает следующие: посылку на места «царских делегатов», которые должны занять положение, независимое от губернских властей, затем создание «областных земских комитетов с представителями от духовенства, помещиков, крестьян и местной интеллигенции» — это нечто вроде помещичьих агитпропов.

Так же, как и все помещики, Потоцкий громадное значение придает «внушению крестьянам твердого понятия о незыблемости права собственности». Но самой главной предохранительной мерой Потоцкий считает соответствующее расположение военных частей, что обеспечило бы более правильное использование имеющихся воинских сил. И для Потоцкого характерно, что он — против применения «крутых мер физического воздействия», так как последние не только не успокаивают, но волнуют и раздражают население. Как видим, основные предложения Потоцкого идут по той же линии общепомещичьей программы, которая осуществлялась правительством в 1905—1906 гг.

С. Дубровский.

О причинах возникновения и развития крестьянских массовых беспорядков и о мерах к их предупреждению и подавлению *).

Аграрные крестьянские волнения и беспорядки, выражавшиеся обыкновенно в самовольных порубках, потравах и выпасах, в захватах помещичьей земли и сопровождавшиеся нередко сопротивлением

*) Печатаемая «Записка» Хрулева была представлена в виде «приложения № 2» к записке того же автора «Об исключительных законоположениях, установленных для охранения государственного порядка» в «высочайше учрежденное 13 февраля 1905 г. Особое совещание по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений». Этим «Особым совещанием» были напечатаны в виде серии записок «Материалы по пересмотру установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений». Эти записки, переплетенные в отдельный том и носящие приведенное название, хранятся в настоящее время в книгохранилище Ленинградского Отделения Центрального Исторического Архива под шифром VII. 5. 2. 8. Об Особом совещании под председательством А. П. Игнатьева, ставившем себе задачей разработку проекта исключительного положения, см. «Красный архив» 1929, т. I (32), стр. 216 и сл. и работу В. М. Гессена: «Исключительное положение», СПБ., 1908, стр. 268 и сл.

Автор записки, прокурор харьковской судебной палаты С. С. Хрулев (1860—1913) — один из видных деятелей ведомства юстиции времени И. Г. Щегловитова; позднее занимал должности прокурора московской судебной палаты (1907—1909 гг.) и начальника главного тюремного управления (1909—1913 гг.). О Хрулеве см. «Падение царского режима», том VII, стр. 433. М., 1927; «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги». Сборник воспоминаний, документов и

властям, возникали после освобождения крестьян из года в год, но спорадически, в разных местах империи, причем до 1902 г. эти беспорядки, не имея массового и общего характера, захватывали только отдельные поселения, а разнообразные формы захвата помещичьей земли или ее произведений сводились большею частью к тайному похищению, — если же делались открыто, то прикрывались почти всегда ссылкой на какое-либо, — большею частью мнимое, — право крестьян на известный участок земли. Но весной 1902 г. в Константиноградском и Полтавском уездах Полтавской губернии и в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии неожиданно для местных властей вспыхнули массовые аграрные крестьянские беспорядки, направленные прямо на открытое расхищение помещичьих хлебных запасов и разграбление усадеб («разбор экономий» [1]).

При этом крестьяне, действуя скопищем, объясняли свои противозаконные поступки тем, что вышел «царский указ», предоставляющий им отбирать земли от помещиков, что указ этот им объявляли «студенты» и «генералы», а помещики и местные власти скрывали его от крестьян. Движение это, быстро распространившееся из Полтавской губернии на Валковский и Богодуховский уезды Харьковской губернии, было вскоре остановлено военной силой. Однако в двух губерниях пострадало около ста помещичьих экономий. Несколько сот крестьян, признанных виновными по суду, были подвергнуты заключению в исправительном арестантском отделении и тюрьме, а на сельские общества, к которым принадлежали виновные, в силу высочайшего указа 14 мая 1902 г., были наложены денежные взыскания *) в возмещение убытков, понесенных землевладельцами [2]).

Но с начала 1905 г. в разных местах империи вспыхнули вновь аграрные массовые крестьянские беспорядки и волнения, по площади распространения постепенно в течение весны и лета охватившие около 30 губерний, в центре, северо- и юго-западном крае, Привислинских губерниях, Бессарабии, Прибалтийском крае, в некоторых северных губерниях и даже на Кавказе.

Главною целью движения было насильственное отнятие помещичьих земель и их произведений, часто под предлогом дозволенности этих действий каким-то законом; но в некоторых местах беспорядки

материалов. Под ред. А. Диковской-Якимовой и В. Плескова. М., изд. О-ва политкаторжан. 1927, стр. 294; Н. Г. Курлов, «Конец русского царизма». М., 1923, стр. 101; «Тюремный вестник» 1913 г., стр. 647—662 (некролог).

Текст записки подготовил к печати и снабдил примечаниями М. И. Ахун.

*) Взыскания эти были впоследствии сложены на основании всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 года, а наказания, наложенные по суду, смягчены особым высочайшим повелением 12 марта 1903 года и тем же манифестом. — Примечание в подлиннике.

выражались в требованиях о понижении арендной платы, возвышении заработной платы и изменении условий найма, с забастовкой рабочих при неисполнении их требований и с насилиями и бойкотом рабочих, не присоединившихся к стачке.

Таким образом, в волнениях текущего года играли большую роль заимствованные из фабричной среды способы борьбы, как стачка и бойкот, что уже само по себе указывает на занос в сельские местности социалистической пропагадны.

Подавление беспорядков потребовало особых усилий администрации с призывом военной силы.

Волнения стихли около середины июля к страдной рабочей поре, но нельзя считать их прекращенными вполне в Прибалтийском крае и особенно на Кавказе; в остальных же местах тысячи крестьян привлечены к судебной ответственности, и часть их уже осуждена особыми присутствиями судебных палат к исправительным арестантским отделениям и заключению в тюрьме. Возмещение убытков помещиков возложено, в силу высочайшего указа 10 апреля, в некоторых местах на особые уездные комиссии, учрежденные по распоряжению министерства внутренних дел.

Распространение крестьянских беспорядков на столь огромную территорию обратило серьезное внимание правительства и общества на это тревожное явление, угрожающее основам общественного порядка, и поставило на первую очередь упорядочение крестьянского вопроса, давно служившего предметом особых забот правительства.

Очевидно, такое сложное явление, как массовые аграрные беспорядки, охватившие чуть не всю Европейскую Россию, имеют своими причинами целую совокупность взаимно-действующих и тесно связанных между собою условий, раскрытие которых представляет настоятельную необходимость.

Автору этих строк по должности прокурора харьковской судебной палаты пришлось с 1902 г. непосредственно ознакомиться с условиями возникновения и развития крестьянских беспорядков в Харьковской, Полтавской, Орловской, Курской, Воронежской, Черниговской и Екатеринославской губерниях. Результатом этого ознакомления являются соображения о причинах крестьянских волнений и мерах к их устранению, составляющие содержание этой записки *).

Почти повсеместно среди крестьянского населения наблюдается убеждение, переходящее в какую-то народную легенду, о присущем ему каком-то естественном праве на землю, которая рано или поздно

*) Некоторые, хотя и немногие части этой записки, составленной к сентябрю 1905 г., требуют согласования с началами нового государственного строя, преобразованного высочайшим указом 17 сего октября.

должна перейти в его обладание. Убеждение это слагалось отчасти и на исторической почве. Как известно, в древней Руси, и в первое время и в Московском государстве, крестьяне были свободны и пользовались землей на праве собственности или фактического владения или аренды. Мало-по-малу Московское государство из фискальных и военных соображений сначала ограничило, а затем и уничтожило право крестьян переходить с известного участка земли на другой и прикрепило их к земле, поставив в зависимость от помещиков, служилых людей, обязанных за это службой государству.

Но закрепощение в государственных целях крестьянства не поколебало в нем сознания, что земля, находящаяся в его обладании, принадлежит ему («мы ваши, а земля наша» — говорили крестьяне при крепостном праве).

Между тем при освобождении крестьян великим актом 19 февраля 1861 г. далеко не вся полевая земля, находившаяся в фактическом владении крестьян, была дана им в надел, не говоря уже о случаях получения так называемого «дарственного» надела.

Таким образом, у крестьян существует некоторое реальное основание считать, что известная часть земли, им принадлежавшая при крепостном праве, отошла от них и перешла к помещикам. Это обстоятельство в связи с неудовлетворительным экономическим положением и является источником всяких слухов о переделах и прирезках и крестьянских волнений. Правительство неоднократно опровергало эти слухи, но даже и известные слова, сказанные с высоты престола в этом отношении волостным старшинам императором Александром III во время коронации в мае 1883 г. [3]) и благополучно царствующим государем императором 2 сентября 1902 г., в Курске [4]), несмотря на широкое распространение их в слоях сельского населения, не могли подорвать убеждения крестьян в прибавке им земли. При этом и самый характер великой реформы 19 февраля путем экспроприации частной помещичьей собственности, наделившей крестьян землею, вызывает в среде их надежду, что их тяжелое материальное положение может быть улучшено тем же путем. С другой стороны, нельзя не отметить, что у крестьян не могло выработаться прочного понятия о праве частной собственности на землю. В старые времена, при обилии земли, всякий, захвативший участок земли и его обрабатывавший («заимка»), считался и собственником земли, а истощив ее, бросал и переходил на другое место. Отсюда в понятии народа выработался так называемый «трудовой принцип», отмеченный исследователями народных обычаев, в силу которого земля, являясь общей собственностью, принадлежит тому, кто ее фактически обрабатывает.

Общинное устройство, издавна составлявшее основу крестьянского порядка, точно так же не могло выработать понятия о личной собственности на землю, составляющую достояние общины и переходящую по участкам при переделах от одного домохозяина к другому. Наконец, и положение крестьян при крепостном праве, когда помещичья и крестьянская земли не были часто строго разграничены, когда крестьянские выгоны были общие с помещичьими, когда крестьяне пользовались правом рубки в помещичьем лесу, точно так же не могло способствовать установлению у крестьян понятия о частной собственности на землю, которой они еще так недавно пользовались сообща с помещиками. Отсюда постоянные самовольные лесопорубки и самовольные выпасы и покосы, представляющие переживание старого порядка отношений.

Неудовлетворительность экономического состояния крестьянства в наше время признается представителями всех партий и направлений. Разномыслия идут лишь в оценке размеров этого явления и способов их устранения. Ближе всего чувствуют эту нужду и необеспеченность сами крестьяне, и неудивительно, что, при отсутствии у них понятия о неприкосновенности частной собственности на землю и при общей некультурности, они при малейшем толчке извне совершают насильственные захваты помещичьей земли и ее произведений. Как было указано выше, значительная часть земли, бывшей в фактическом владении крестьян, при эмансипации осталась за помещиками, и таким образом площадь фактического крестьянского землевладения сократилась, особенно при условии наделения многих сельских обществ «дарственными» наделами.

Еще в 1877 г. известный профессор Янсон [5]) в своем известном сочинении («Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах») показал, что сумма вносимых крестьянами платежей значительно превышает доход с их земли. Если и признать некоторую неточность выводов профессора Янсона, особенно относительно известных местностей, то, во всяком случае, нельзя не согласиться с тем положением, что в некоторых местностях у крестьян совершенно недостаточно земли для удовлетворения их самых насущных потребностей и «для обеспечения их быта и для выполнения обязанностей перед правительством», как это было в виде руководящего принципа указано в 3-й статье общего положения о крестьянах.

С естественным увеличением народонаселения за сорок лет величина наделов уменьшилась приблизительно на одну треть.

Особенную нужду испытывают крестьяне не столько в полевой земле, сколько в пастбищах и выгонах и в лесе, которые по уставным грамотам были большею частью оставлены за помещиками, и

нередко положение, где, действительно, «не только скотину, но и куренка некуда выпустить» *).

Недостаток земли заставляет крестьян пополнять свой доход арендою земли помещиков, работой в помещичьих экономиях и отхожими промыслами.

При низком развитии крестьян об интенсивной культуре земли они не думают, да это и трудно выполнимо при общинном землепользовании.

В особенно трудных условиях находятся, конечно, крестьяне, получившие так называемый «дарственный» надел; в силу экономической необходимости они вынуждены брать в аренду помещичьи земли на самых тяжелых условиях, так как без этой аренды они обречены—на голодание и нищету.

Большинство таких крестьянских обществ с «дарственным» наделом находится в смежности с крупными помещичьими экономиями, владельцы которых в силу обычного абсентеизма поручают управление имениями управляющим, часто иностранцам, не вполне понимающим характер русского народа. Управляющие эти, служащие часто из % вознаграждения, естественно, заинтересованы в возможно большей доходности имений; отсюда постоянное повышение арендных цен на землю, уменьшение или удержание на низком уровне заработной платы и система штрафов.

Крестьянские беспорядки, происходившие весной 1902 г. и зимой и весной текущего года в черноземных губерниях, возникали именно большей частью среди крестьянских обществ, соседних с крупными помещичьими экономиями и связанных с ними арендными и другими экономическими отношениями.

Так, можно отметить разгром помещичьих экономий: в 1902 г. — Карловской экономии герцога Мекленбург-Стрелицкого в Константиноградском уезде Полтавской губернии; в текущем году — в Дмитровском уезде Орловской губернии — великого князя Сергея Александровича, в Севском — Терещенко и барона Мейендорфа, в Дмитриевском уезде Курской губернии — Волкова, в Воронежской губернии — графа Шереметьева, князя Васильчикова, графа Мордвинова, графини Паниной, князя Белосельского и княгини Юсуповой.

Отяготительность арендных условий (до 30 руб. за десятину) увеличивается по экономическим законам спроса и предложения вследствие конкуренции самих крестьян, отчасти вследствие отдачи земли в обработку «исполу»; низкий же уровень заработной платы еще более понижается системой задатков, раздаваемых зимою, причем уста-

*) «Плоды просвещения» графа Л. Н. Толстого.

навливаемый таким образом в тяжелое для крестьянина зимнее время размер заработной платы настолько ниже нормальной летней платы, что выдача задатков нередко носит явно ростовщический, хотя и искусно скрытый характер.

Однако, как ни трудно экономическое положение крестьян, все же надо сказать, что не прямая нужда в насущном хлебе привела крестьян к разграблению экономий. В этом отношении нельзя не вспомнить, что именно во время «голодных годов» (1872, 1891—1892 гг.) нигде не возникало крестьянских беспорядков, а замечалась какая-то покорность судьбе. Затем положительно установлено, что в 1902 и в текущем годах урожай в большинстве мест, охваченных волнениями, был средний или выше среднего, а грабежи происходили и в довольно зажиточных селениях с наделом от 2½ до 4 десятин и с обеспеченным заработком на местных заводах и на отхожих промыслах. Наконец, нельзя обойти молчанием, что во многих местах имели место не только самовольные захваты хлеба или корма для скота, но и грабежи сахара, спирта, вина на заводах и в винных лавках, разграбление предметов домашней обстановки, до платья и граммофонов включительно.

Характерно, что в грабежах участвовали и сравнительно богатые мужики, у которых было несколько сот пудов своего хлеба.

Если экономическое положение крестьян вообще неудовлетворительно, то всетаки в этом отношении было много сделано правительством с самой эмансипации, и правительство принимало разные, хотя и недостаточные, меры к улучшению экономического положения крестьян; но для поднятия культурного уровня бывших «рабов» после их освобождения, создавшего миллионы свободных граждан, со стороны правительства, земства и общества было за эти 40 лет сделано очень немного. Количество школ явно недостаточно, программы их неудовлетворительны, так же как и состав преподавателей, получающих нищенское жалование, озлобленных против существующего порядка и являющихся орудием в руках неблагонамеренных людей. В школе учат грамоте, арифметике, но вовсе почти не касаются элементарных основ общежития, не говоря о значении родины, о патриотизме, государстве, законе, нравственности. Народ, имевший славную историю и создавший великое государство со своеобразным укладом, об этом ничего не знает и ничего не слышит.

При таких условиях одна грамотность не вносит ничего в культурное развитие народа. Влияние школы поэтому совершенно ничтожно и в количественном и в качественном отношении, а иногда прямо вредно, так как школа нередко является очагом распространения социалистических, противогосударственных и противообщественных идей.

Не лучше обстоит дело и в отношении духовно-нравственного влияния духовенства на крестьянское население.

За немногими исключениями, наше сельское духовенство, вполне зависящее от крестьян в материальном отношении, старается жить с ними в ладу, закрывает глаза на пьянство и всякую распущенность и более заботится о «стяжании», чем о духовных нуждах своего прихода. Нередки случаи уклонения священника даже от преподавания закона божия в школах; бесед же и поучений, а также и проповедей в церквах для уяснения общих нравственно-религиозных начал и вопросов текущей жизни, почти нигде не бывает. За время крестьянских беспорядков священники не только не выступали с увещанием буйствующих крестьян, но были даже случаи косвенного участия священников в пользовании разграбленным имуществом.

Никакого воспитательного влияния в смысле развития понятия законности и общественной дисциплины не имеет на крестьян и местная уездная администрация. Волостное начальство, хотя и выборное, отличается произволом и не безгрешно по части поборов *). Такова же деятельность и чинов полиции. К сожалению, не имеет благотворного влияния на крестьян и деятельность земских начальников. Хотя они чужды, за единичными исключениями, каких-либо поборов, но действия их нередко противоречат закону, обращение к населению часто грубое, весь характер деятельности носит печать личного усмотрения и произвола. Многие из них, кроме того, мало знают свои участки и мало известны населению, почему и не имеют никакого нравственного авторитета.

Практика крестьянских волнений показывает, что обыкновенно крестьянские беспорядки возникают в таких участках, где земские начальники особенно неудовлетворительны; хотя надо признать, что при дальнейшем развитии беспорядков и хорошие земские начальники уже не в силах будут справиться с этим движением, раз оно уже приняло стихийный характер.

Что касается земства, то председатели управ имеют мало непосредственного отношения к сельскому населению; что же касается низших агентов земства, служащих по найму: медицинского персонала, статистиков, агрономов и т. п., то влияние их в культурном отношении не безопасно для государственного порядка, так как весьма часто эти лица являются распространителями социалистических или, по

*) В крестьянских беспорядках текущего года принимали участие десятские, два сельских старосты, председатель волостного суда и волостной старшина, который удостоился даже лично выслушать в сентябре 1902 г. в Курске высочайшие слова государя императора о неприкосновенности частной собственности и строгой ответственности за беспорядки.

меньшей мере, противоправительственных идей в народе, подрывая в нем доверие к нашему историческому укладу и правительству и возбуждая его против состоятельных классов.

Единственной школой законности для крестьянина являются общие суды, где он является присяжным заседателем и свидетелем, но и это влияние сравнительно невелико.

Во всяком случае, суд и его органы в лице следователей, единоличных судей, прокуратуры является почти единственным проводником законности в среду сельского населения, и к счастью, до сих пор «царский» суд пользуется уважением среди сельского населения.

Бедственное экономическое положение и некультурность нашей крестьянской среды представляют благодарную почву для пропаганды противообщественных и противоправительственных идей, которая последнее время все увеличивается. Пропаганда эта, устная и путем печатных листков, исходит прежде всего от разных революционных и социалистических организаций, центральных и местных. Произведения нелегальной литературы распространяются тысячами, и нет, кажется, деревни, где бы ни побывала та или другая прокламация.

Большинство этих нелегальных произведений издано специально для обращения в крестьянской среде, язык и слог приспособлены к пониманию простонародья; нередко встречаются издания на малорусском и других местных наречиях.

В брошюрах и прокламациях этих крестьянин находит ответ на его затаенное желание о земле, которая трактуется, как общая собственность, такая же, как свет и воздух. Ему указывается, как утолить его земельный голод путем отобрания земли от «панов». Все это так просто и понятно для крестьянина, и он не обращает уже внимания на то, откуда исходят эти воззвания, не вникает в смысл политических требований о свободе и уничтожении самодержавия, а часто, по неразрушенной еще вере в царя, готов видеть в этих печатных листках «царский указ».

Нелегальные издания проникают в крестьянскую среду различными путями: их рассылают по почте, они распространяются местной сельской интеллигенцией, как то: фельдшерами, учителями, земскими статистиками и т. п., которые занимаются, вместе с тем, и устной пропагандой.

По сведениям департамента полиции, в настоящее время центральные революционные заграничные организации поставили себе задачей широко поставить в текущем году агитацию в крестьянской среде и использовать в революционных целях аграрные беспорядки.

Несомненно, что некоторые из таких интеллигентных агитаторов и находились в крестьянской среде в местностях, охваченных волнениями, хотя деятельность их не имела решающего влияния.

В Курске 1 апреля была арестована целая группа лиц, организовавших так называемый «Крестьянский союз Курской партии социалистов-революционеров». Группа эта, сформированная после бывших в феврале в Курской и Орловской губерниях массовых крестьянских беспорядков, поставила свою типографию и отпечатала огромное количество прокламаций для распространения специально в крестьянской среде, но все эти произведения, ввиду своевременного ареста группы, распространения в народе не получили. Однако опасность от влияния приезжих агитаторов на крестьянскую среду не так велика. Для того, чтобы иметь авторитет в крестьянской среде, надо с нею слиться, приобрести доверие, знать местные условия. Наконец, всякое новое лицо в сельских местностях делается известным полиции, и деятельность его значительно затрудняется.

Практика показывает, что теперь уже нет прежнего «хождения в народ», по способам семидесятых годов; теперь, с одной стороны, в сельских местностях имеется достаточное количество постоянно живущей интеллигенции, склонной к пропаганде социалистических или противоправительственных вопросов, с другой стороны, состав крестьянского населения значительно изменился. Известная часть крестьян, особенно молодежь, уходит на заработки на юг, где революционная пропаганда особенно сильна; возвращаясь к себе в деревню, эта молодежь уже испорчена сравнительно большим заработком, развращена разгулом и своеволием; кое-как и своеобразно усвоив социалистические, революционные и противоправительственные идеи, по-своему переработав их, молодежь эта, представляющая из себя тип доморощенных нигилистов-анархистов *), отрицающих и веру, и бога, и нравственность, является в свою деревню с известным авторитетом «ученых» людей, к тому же вносящих в семью известные денежные средства, так необходимые деревне. Влияние старших, остающихся дома, невольно падает, а молодежь приобретает все больший авторитет. И вот начинаются речи о земле, о тяжелом положении крестьянина, о необходимости отобрания земли от помещиков и передачи ее трудящемуся народу. Этим «своим» пропагандистам народ больше всего верит. Так, именно от такой пропаганды произошли беспорядки, например, в Дмитриевском уезде Курской губернии, где развиты отхожие промыслы.

*) Большинство таких лиц носило даже клички «атаманов» и, руководя скопищем, пользовалось для угроз огнестрельным оружием.

Молодежь уходила или в качестве шахтеров в Екатеринославскую губернию или в качестве плотников в Крым и на Кавказ или в Одессу.

Некоторые из таких крестьян являлись членами разных социалистических и революционных организаций, откуда получали литературу и частью денежные средства.

По костюму, речи, поведению они отличаются от местных крестьян и имеют внешний вид интеллигентных людей, чем и объясняются указания на участие в толпе и руководство ею при разграблении помещичьих экономий интеллигентов («студентов»), неизменно чуть ли не игравших везде на фортепиано.

Все эти случаи и рассказы были в точности проверены, и мнимые студенты и интеллигенты оказались распропагандированными крестьянами вышеуказанного типа, подходящего к тому, что называется «сознательным рабочим».

Влияние революционной пропаганды, устной или путем печатного слова, установлено было почти во всех местностях, охваченных крестьянскими волнениями, как в текущем году, так и в 1902 г., вопреки, казалось бы, авторитетному утверждению бывш. старшего председателя харьковской судебной палаты, ныне сенатора Е. А. Пушкина [6]), удостоверившего в статье в газете «Новое время» (1905 г. № 10414), что при рассмотрении судебною палатою дела о крестьянских беспорядках в Полтавской и Харьковской губерниях не было указаний на революционную пропаганду.

Нельзя не опровергнуть этого мнения.

Прежде всего, у прокурорского надзора имелись сведения об огромном распространении нелегальных изданий в Полтавской и Харьковской губерниях перед крестьянскими волнениями, и особенно в местностях, где беспорядки потом возникли.

Во-вторых, можно сослаться в этом отношении на давших авторитетное признание самих революционеров. Так, в № 8 газеты «Революционная Россия» (орган социалистов-революционеров) от 25 июня 1902 г. в статье «Крестьянское движение» говорится буквально следующее: «Среди крестьян Полтавской, Харьковской и других губерний, охваченных аграрным движением, действительно, велась революционная пропаганда и нашими товарищами и украинскими революционными группами. Распространявшиеся среди крестьян издания «Дядько Дмытро», «Чи-е теперь панщина», издания аграрно-социалистической лиги, в том числе и «Беседы о земле» в переводе на малорусском языке, издания партии социалистов-революционеров, например «19 февраля», «Вторая воля» и другие, — все били в одну сторону разрушения тех последних остатков былой веры в царя, которые еще уцелели в народе от доброго старого времени».

Наконец, формальным дознанием, производившимся на основании 1035 ст. уст. угол. суд. в 1902 г. о революционной пропаганде, вызвавшей аграрное движение в Полтавской и Харьковской губерниях, была установлена целая группа лиц, пропагандировавших в крестьянской среде, причем несколько из этих лиц, местные крестьяне Стороженко, Буцкий, Коркишка, Подгорный, Полторак, Поцула и Шалдуга, судились еще в харьковской судебной палате за фактическое участие в разграблении помещичьих экономий [7]).

Кроме чисто революционной пропаганды социалистического характера, в текущем году обращала на себя внимание и противоправительственная пропаганда либеральных партий разных направлений, распространявших в народе идеи о необходимости созыва Учредительного собрания для выработки нового государственного уклада и достижения политической свободы и для упорядочения земельного быта крестьян.

Пропаганда эта, составляя отголосок общего либерального движения нашей интеллигенции *), выражавшегося в городах в разных общеизвестных съездах земских представителей и профессиональных союзов, банкетах и резолюциях, нашла себе отклик в крестьянской среде и, очевидно, подготовляется какими-то противоправительственными комитетами, как об этом можно судить, например, из постановлений общего съезда земских и городских деятелей в Москве 6—8 июля 1905 г., признавшего необходимым принять меры к приобщению крестьянского населения к работе по политическим вопросам.

В этом отношении нельзя не отметить влияния и легальной периодической печати, где с излишней свободой развивалась мысль о необходимости представительного правления в конституционном смысле, о созыве Учредительного собрания, свободе союзов, собраний и даже о национализации земли **).

Немалую роль в этой пропаганде по аграрным вопросам сыграли сельскохозяйственные общества.

Так, например, в Сумском уездном обществе сельского хозяйства Харьковской губернии, и в многочисленных обществах сельского хозяйства Полтавской губернии (Лохвицком, Сорочинском, Диканском, Камышанском, Шишакском, Миргородском, Уствицком) в течение лета текущего года происходили собрания с участием не только членов, но и посторонних лиц, особенно крестьян; на этих публичных

---

*) Влияние либеральной интеллигенции отразилось на целом ряде приговоров крестьянских обществ, содержание коих и самая форма их изложения ясно указывают на влияние радикальной пропаганды.

**) См. статью Л. Н. Толстого «Великий грех», «Русская мысль», июль 1905 г.

заседаниях обсуждались разные стороны аграрного вопроса и положения крестьян, причем затрагивались вопросы о национализации земли и экспроприации земель частновладельческих, казенных, удельных и монастырских, о необходимости отобрания в общую собственность не только земель, но и фабрик, заводов и капиталов.

Все эти заседания, несмотря на нарушение устава, происходили публично и своевременно не были воспрещены администрацией. Привлечение же к судебной ответственности председателей собраний не представилось возможным за отсутствием у нас в законе карательных в этом отношении постановлений. Случаи этого рода, несомненно, доказывают необходимость скорейшего введения в наше законодательство особого закона о собраниях и союзах, регулирующего этот вопрос.

В Сумском же уезде, когда по распоряжению губернатора собрание Сумского сельскохозяйственного общества 29 мая сего года было отменено, толпа крестьян, собравшаяся на это заседание не только из Сумского, но и из соседнего Лебединского уезда, где потом вскоре вспыхнули крестьянские беспорядки, с неофициального разрешения полиции начала обсуждение аграрных вопросов на площади, причем некоторые ораторы говорили в социалистическом духе и разбрасывали соответствующие прокламации.

Собрание вынесло резолюцию о необходимости прирезки крестьянам земель из фонда земель государственных, помещичьих, удельных, церковных, монастырских и об уничтожении правительственных мест и властей и о замене их выборными, причем до осуществления этих ходатайств постановлено было не платить податей.

В некоторых сельских местностях, ввиду права, предоставленного населению высочайшим указом 18 февраля, также начались еще весной сходы, постановлявшие, под очевидным влиянием либеральной интеллигенции, такие же резолюции о необходимости созыва Учредительного собрания и политической свободы, с добавлением требований о прирезке крестьянам земли частновладельческой, удельной, монастырской и казенной, а в августе текущего года в Москве происходило собрание представителей крестьян из нескольких губерний для участия в заседаниях так называемого «Крестьянского союза»; цель этого союза, повидимому, заключается в пропаганде в крестьянской среде и в стремлении к аграрным реформам на почве экспроприации земли.

Наконец, нельзя не отметить, что обсуждение вопроса о недостаточности крестьянского землевладения было предметом обсуждения и в земских собраниях.

В этом отношении характерным является доклад харьковской губернской земской управы чрезвычайному губернскому земскому со-

бранию 12 июня 1905 г. по экономическому отделу, подробно остановившийся на экономическом положении крестьян и на разрешении аграрного вопроса, причем в докладе рассматривался вопрос о возможности увеличения крестьянского надела и о национализации земли.

В докладе этом приведено заключение экономического губернского совета о том, что: 1) площадь владеемой земледельцами земли в Харьковской губернии в настоящее время недостаточна, 2) необходимо увеличение площади владеемой земледельцами земли на счет государственных, кабинетных, монастырских, удельных и частновладельческих земель и 3) необходимо немедленное местное экспедиционное исследование всей губернии анкетным путем, по программе, составленной специально для разрешения одного аграрного вопроса; при этом нельзя не отметить, что губернская земская управа в упомянутом докладе признала национализацию земли практически выполнимой, а дополнительный надел паллиативом, хотя в том же докладе, но только несколько ранее, управа указывает, что национализация земли невыполнима.

Доклад управы по вопросу, не входящему в круг ведения земских учреждений, был оглашен в земском собрании, вызвал прения, но окончательного разрешения не получил ввиду того, что не собралось достаточного количества гласных, и заседание было закрыто.

Без сомнения, обсуждение в сельскохозяйственных обществах, на сельских сходах и в земских собраниях вопроса о национализации земли, недостаточности крестьянских наделов и необходимости увеличения площади крестьянского землевладения на счет земель помещичьих, удельных, казенных и церковных не могло не вызвать известного брожения среди крестьян.

Говоря о крестьянских беспорядках, особенно распространившихся в текущем году, нельзя обойти молчанием влияние непопулярной и непонятной народу несчастной войны и общей смуты, охватившей наше отечество.

Мобилизация, вырвавшая массу кормильцев семей и работников, отразилась на экономическом положении населения и вызвала обострение нужды и общее недовольство, особенно когда первое время преимущественно набирались запасные более отдаленных сроков.

Известия о войне в газетах и письма солдат вносили еще большее чувство недовольства. Наконец, явилось убеждение, что, ввиду нахождения большого количества войск на Дальнем Востоке, в Европейской России не будет достаточно войска для подавления беспорядков или что эти войска, состоя большею частью из запасных, не пойдут против простого народа.

Едва ли следует указывать на влияние общего недовольства на крестьянские беспорядки. Мы переживаем как бы второе смутное время. Все классы населения и сословия находятся в брожении; является пересмотр оснований всего существующего порядка, поднимается масса существенных и основных вопросов, является борьба партий, революционное движение прибегает к системе террора.

Все это волнует общество; указы 6 декабря и 18 февраля вызвали естественное желание высказать свои нужды. Этими обсуждениями воспользовались противоправительственные элементы для того, чтобы вызвать агитацию в стране, которая не могла не отразиться на огромном по количеству, но некультурном крестьянском населении. Можно надеяться, что созыв народных представителей от всего народа в Государственную думу успокоит общество и даст законный выход стремлениям о необходимости преобразований нашего государственного и общественного строя.

Совокупность вышеуказанных условий общего свойства, в их взаимной связи или той или другой комбинации, и представляет действительные причины массовых крестьянских волнений и беспорядков.

Что касается поводов к ним, то на этой общей почве экономического и общего недовольства все могло служить и служит поводом к возникновению беспорядков и обострению отношений с соседней экономией: и случайный захват на потравах скота, обнаруженная порубка леса, какой-нибудь нелепый слух, рассказ прохожего об удачных крестьянских захватах и т. п.

При самом изложении причин крестьянских беспорядков невольно даже между строк указывались и некоторые меры к их предупреждению, подробное и детальное обсуждение которых и составляет вторую часть настоящей записки.

Если, как мы старались доказать, главной причиной беспорядков и разгрома помещичьих усадеб является отсутствие у крестьян ясного сознания о неприкосновенности частной собственности, особенно земельной, и понятия законности, как регулирующего общественные отношения начала, то отсюда естественно притти к выводу, что на первый план должны быть поставлены правительственные меры для укрепления в среде крестьян этих первоначальных основ современного общественного и государственного строя. Очевидно, этого нельзя сделать одним росчерком пера, изданием какого-либо законодательного акта; для этого нужна целая система законов, а еще более целесообразная, в течение многих лет, государственная политика, которая постепенно, но зато прочно, достигнет утверждения в сознании крестьян неизбежности подчинения закону и существующему порядку, основанному на принципе неприкосновенности частной собственности.

Общинное крестьянское землевладение — результат долгого исторического и экономического процесса. Едва ли можно серьезно думать о возможности отмены этого института путем одного законодательного акта, как ходатайствовало об этом, повидимому, во время аграрных беспорядков в Лебединском уезде Харьковской губернии харьковское дворянство в лице своих представителей.

Но надо итти навстречу жизни и всячески способствовать выходу из общины экономически более сильных крестьян, выкупивших свой надел и имеющих право на отмежевание его от общественных земель; другими словами, надо отменить нынешнюю редакцию 165 ст. Положения о крестьянах, обусловливающую право выхода из общины согласием сельского схода, и вернуться к первоначальной редакции этой статьи, по Положению 1861 г., когда выдел выкупленного участка крестьянину-собственнику не обусловливался согласием общества, а был для него обязательным.

С другой стороны, необходимо принять ряд мер с целью насаждения личного крестьянского землевладения путем расширения деятельности Крестьянского банка и переселения не только в отдаленные губернии, но и в пределах той же губернии и даже уезда, где это окажется возможным.

При этом следует облегчить выход из общины и тем лицам, которые, не имея прямой связи с землей и перейдя по своей деятельности в среду фабричных рабочих, искусственно удерживаются в общине по фискальным соображениям.

Известного развития пролетариата, как экономической ступени, избежать нельзя, да он уже и существует; при освобождении общины от оторвавшихся от земли элементов крестьянство только выиграет. Для устранения возможности раздробления крестьянских участков, представляющего вред для сельского хозяйства (так называемое «карликовое» хозяйство), возможно было бы установить в законе известный минимум неотчуждаемого крестьянского участка, для чего является необходимым введение упрощенной ипотечной системы крестьянских земель.

Вся совокупность этих мер, намечаемых нами в общих чертах, постепенно приведет к созданию мелкого личного крестьянского землевладения, являющегося всегда и везде самым консервативным элементом в стране, поднимет экономическую культуру и благосостояние и будет служить наглядным примером для самих крестьян, показывая, что частная личная земельная собственность находится не в руках только помещиков, а их же односельчан, и что достижение этого положения доступно вообще для всякого трудящегося крестьянина.

В тех местах, где в настоящее время существует в значительном количестве мелкое крестьянское землевладение, как, например, в некоторых уездах Екатеринославской губернии (немцы-колонисты и русские и малорусские переселенцы) и Полтавской губернии (Кобелякский уезд и другие), где существует мелкое казачье землевладение, уважение к личной земельной собственности гораздо выше, и аграрные беспорядки не имеют почвы для возникновения, так как кроме помещиков, масса мелких крестьян-собственников стала бы на защиту владения землей.

Постепенный переход от общинного землевладения к личному, вызвав самодеятельность отдельных лиц в улучшении своего положения и хозяйства, непременно отразится в благоприятном смысле на общем экономическом благосостоянии крестьян.

Кроме того, для этой цели должна служить целая система строго обдуманных экономических мер по развитию мелкого и краткосрочного кредита, изменение системы налогов, обременяющих непосильно крестьянское население, развитие деятельности Крестьянского банка, широкая организация переселений и т. п.

Из этой программы автор решительно исключает вообще мысль об экспроприации земли помещичьей, казенной, удельной, церковной, монастырской. Сделки в этом отношении должны между частными собственниками основываться на добровольных соглашениях, хотя и с помощью государства, иначе самый принцип неприкосновенности частной собственности будет поколеблен, и при естественном приросте населения в известные периоды времени опять будет требоваться новая экспроприация, т. е. постепенно надо будет сделать переход к национализации земли.

Единственный случай, когда автор допускает возможность экспроприации частновладельческой земли путем обязательного выкупа — это случай получения крестьянами «дарственного» надела.

Этот порядок является исключением из общего принципа реформы 19 февраля, которым была установлена передача крестьянам такого количества земли, которое было бы достаточным для обеспечения их быта и исполнения обязанностей перед правительством.

Очевидно, что еще в момент получения такого «дарственного» надела в ½—1 десятину крестьяне не могли этим обеспечить своего быта и исполнить обязанности их перед государством.

Поэтому теперь, ввиду безвыходного положения крестьян, получивших дарственные наделы и действительно нуждающихся, было бы справедливым поправить эту ошибку и восстановить в отношении их основной принцип реформы 19 февраля и особым законом экспро-

приировать на началах выкупа у владельцев для крестьян прибавочную надельную землю.

Если же эта мера будет признана опасной, как могущая возбудить надежды на прирезку земли и у крестьян, получивших обычный надел, то тогда необходимо принять меры к добровольной продаже владельцами их земли по выгодной для них цене или к переселению крестьян на земельные участки государственной земли.

И та и другая операции должны быть произведены при помощи со стороны государства.

Независимо от развития мелкого крестьянского землевладения необходимо упорядочить земельные отношения в сельских общинах; прежде всего необходимо принять меры к разделу и расселению больших сел, где иногда бывает чуть ли не по нескольку тысяч жителей и где земельные наделы иногда отстоят за 25 верст от села.

При такой отдаленности земельного участка от селения никакое правильное хозяйство невозможно.

Государство должно притти на помощь к сельским общинам в этом отношении и выдавать субсидии на перенос домов и обзаведение и способствовать развитию внутри самой общины небольших поселков, хуторов, которые также являются ступенью к переходу к личному землевладению.

Экономический процесс постепенного разложения общинного землевладения и замены его личным займет, конечно, не один десяток лет, но уже первые шаги в этом направлении внесут некоторое успокоение в сельские местности.

Наряду с этим необходимо категорически и определенно проводить в народ понятие о законности и неприкосновенности частной собственности.

Напомним, что даже во время Великой французской революции неприкосновенность частной собственности была гарантирована законом и установлены были строгие наказания за возбуждение так называемого «аграрного вопроса» об общей собственности на землю.

Между тем у нас агитация об экспроприации в пользу крестьян земель помещичьих, казенных, церковных и удельных проникает, как было указано выше, не только в частные собрания, но и в сельскохозяйственные общества и даже в земские собрания.

Представляется необходимым высшей правительственной власти дать местной администрации соответствующие указания о недопущении обсуждения вопросов об улучшении крестьянского землевладения путем отобрания земель помещичьих, удельных, казенных, церковных, монастырских и т. п. и закрывать те общества и собрания, которые это запрещение будут игнорировать.

Для самих же крестьян было бы существенно важным издать, но уже не «правительственное сообщение», так как для крестьян даже слово «правительство» не вполне понятно, а краткий, но твердый и определенно выраженный высочайший манифест о неприкосновенности частной земельной собственности и о законных мерах, которые будут применены против нарушающих общественный порядок.

Этот манифест необходимо разослать во все селения в большом количестве экземпляров, читать в церквах, на сельских сходах и т. п. и достигнуть широкого распространения его в народе. Такой манифест может явиться авторитетным противовесом противоправительственной агитации по аграрному вопросу, которая внушает крестьянам неосновательные надежды на прирезку помещичьих и казенных земель.

Для укрепления в народе понятия о законности и государственности и наказания всякого самоуправного действия следует прежде всего реорганизовать местные крестьянские суды, как ближе всего стоящие к народу и совершенно не удовлетворяющие требованиям справедливости и законности.

С восстановлением прежнего мирового суда для всех сословий, хотя бы с участием общественных представителей вроде шеффенов, крестьяне почувствуют себя равными перед законом со всеми сословиями не только в смысле прав, но и обязанностей, а строгая и справедливая деятельность этого суда сумеет восстановить и развить в короткое время уважение к силе закона.

Наряду с этим необходимо отменить пониженную уголовную ответственность крестьян за преступления и проступки против собственности и отчасти поднять вообще репрессию за некоторые проступки, как это изложено в особой моей записке об отмене исключительных законоположений.

Местные крестьянские власти во главе с земским начальником должны поставить законность принципом своей деятельности, понимая ее не в смысле мертвой формы, а живого и деятельного начала, не допускающего однако личного усмотрения и произвола.

Когда крестьяне увидят, что закон равен и обязателен для высших и для низших и для самой власти, то и сами преклонятся пред силой закона и будут избегать самосуда, самоуправства и насилия.

Для проведения в народ понятий законности и неприкосновенности частной собственности, как первоосновы всякого культурного общества, чрезвычайно важно, конечно, влияние школы, которой необходимо придать государственный характер, сделав первоначальное обучение обязательным и взяв все начальное образование в непосредственное ведение государства.

Подбор и подготовка благонадежного учительского персонала, создание разумных и целесообразных программ преподавания, где, кроме грамоты и цифири, в юные сердца вкладывались бы семена религии, нравственности, патриотизма, представляется делом огромной важности, для которого не надо жалеть никаких жертв.

Огромное значение в урегулировании и упорядочении крестьянского вопроса могут иметь и сами землевладельцы, сдающие крестьянам в аренду землю и нанимающие их как сельскохозяйственных рабочих.

В переживаемое нашим отечеством тяжелое и смутное время нельзя исключительно полагать свои надежды на правительственную помощь и военную и полицейскую силу, которой не хватит на всю Россию; землевладельцы должны в своих собственных интересах установить с крестьянами добрые соседские отношения. В этих видах свободные земли должны отдаваться в аренду крестьянам, которые в них особенно нуждаются, по нормальным, а не по повышенным ценам, взбиваемым конкуренцией.

Необходимо входить в известные соглашения относительно предоставления крестьянам на известных условиях (за отработки и т. п.) пастбищ, выгонов, толок и сенокосов, в которых крестьяне так особенно нуждаются; следует при выдаче зимою задатков при найме рабочих на летние работы брать умеренный процент (а не ростовщический — свыше 12%) за ссуду денег на срок в несколько месяцев, а еще лучше совсем от этого отказаться, а для срочных рабочих устроить удовлетворительные по сельскохозяйственным условиям помещения и питание, обходиться с ними справедливо и участливо, уважать их человеческое достоинство и требовать того же от управляющих и других служащих.

С другой стороны, в случае нарушения со стороны крестьян или рабочих законных прав землевладельца, при безуспешности разумных разъяснений и увещаний, не поступаться своим правом, обращаться к суду или другой власти, протестовать против нарушения своего права, уступая только силе и не покидая без наличной явной личной опасности свои имения и требуя того же от своих служащих *).

Если противоправительственная пропаганда всяких видов, подстрекающая крестьян к насильственному разрешению тем или другим способом аграрного вопроса, находит себе благодарную почву в крестьянской среде, то в виде противовеса ей необходимо создать условия для влияния на крестьян в обратном смысле, для укрепления в них

*) Были случаи защиты соседними крестьянами помещиков от пришлых элементов.

понятия государственности, общественности, законности и неприкосновенности частной собственности в связи с общими религиозными и нравственными устоями современного общества.

Для проведения этих идей должны сплотиться все благонадежные элементы: и местные власти, и частные лица, школа и духовенство; каждый при всяком подходящем случае в пределах своего практического обихода должен распространять среди крестьян здравые культурные понятия и бороться с их невежеством, грубостью и проникновением в их среду антипатриотических и противоправительственных взглядов.

Представлялось бы желательным обращение святейшего синода с пастырским посланием в этом смысле к духовенству с призывом его к постоянному разъяснению путем проповедей, частных поучений и преподавания в школе этих основных начал всякого общественного строя.

Равным образом, в программу народных школ необходимо ввести краткое преподавание русской истории и законоведения в смысле изложения основных начал нашего государственного исторического уклада и основных понятий права, закона, собственности.

Для противодействия распространению среди народа нелегальной или тенденциозной противоправительственной литературы необходимо при помощи правительства, различных обществ грамотности, академии наук и других просветительных учреждений составить и распространить за дешевую цену популярные издания по русской истории, географии и различным отраслям правоведения.

Это необходимо особенно теперь, когда после некоторого облегчения печати народились особые книгоиздательства «Голос», «Молот», «Буревестник» и другие, где выпускается масса брошюр, излагающих основы социалистических учений и конституционного строя, иногда в переводах, а иногда в оригинальных статьях, нередко с явным извращением действительности и с крайне тенденциозным освещением.

В последнее время в деревню кроме нелегальной литературы проникает и масса легальных газет, которые по содержанию не вполне доступны для крестьянина, понимающего их часто своеобразно.

В виде характерного примера можно привести факт, что поводом к нападению на усадьбу княгини Юсуповой в Бирюченском уезде было чтение крестьянами № 55 «Биржевых ведомостей» (второе издание), где была перепечатана из «Нового времени» статья сенатора Пушкина о крестьянских беспорядках. Крестьяне уловили из нее отдельные фразы «о хроническом недоедании» и «малоземелье» с увеличением народонаселения, а, главное, изложенные автором фактические

данные о причинах крестьянских волнений крестьяне приняли за одобрение и дозволенность их.

Надо сказать, что большинство наших газет недоступно для понимания массы крестьян, да и содержание их с вечно тенденциозными и часто сомнительными известиями и нападками на существующий режим способно лишь поддерживать смуту среди населения и подрывать всякое уважение к власти. Надеяться на скорое возникновение у нас доступной для народа, спокойной, объективной газеты трудно. Поэтому необходимо создать местные, правительством направляемые органы печати для распространения в крестьянской среде. «Сельский вестник», издаваемый в С.-Петербурге, не может иметь в этом отношении большого значения. Петербург слишком далек от нужд и запросов провинции, и петербургская газета не может иметь такого значения в местной жизни с ее нуждами и потребностями. Точно также газеты вроде «Дружеских речей» князя Мещерского не могут иметь большого влияния в смысле просвещения народных масс.

Поэтому было бы желательно создать из «Губернских ведомостей», в виде второго издания, если не ежедневную, то выходящую два раза в неделю газету специально для широкого распространения в массе населения.

Цена такой газеты должна быть один рубль в год, а в отдельной продаже одна копейка.

Редакторов найти можно, да и средства для издания такой газеты не будут особенно велики.

Многие местные деятели с удовольствием даром будут сотрудничать в такой народной газете.

При умелой постановке губернские типографии приносят всегда известный доход, но, к сожалению, он идет на выдачу наград разным чиновникам и на негласные расходы. Весь доход типографий надо отдать на издание такой народной газеты; может быть, на первое время понадобится небольшая единовременная субсидия.

Общее руководство газетой должно принадлежать губернатору, при содействии особо назначенного им лица. Содержание газеты должно заключать, кроме телеграмм, распоряжений высших правительственных и местных властей, статьи по юридическим и историческим вопросам и текущей жизни и должно быть приноровлено к народному пониманию.

Направление должно быть объективное, без фальшивого патриотизма и тенденции, но с проведением консервативных и патриотических начал.

При такой газете можно образовать книгоиздательство для народа.

Нет сомнения, что такая пресса значительно ослабит распространение в народе нелегальной литературы, некоторую оценку которой и разъяснение ее можно предоставить такой газете.

Изложив целый ряд экономических и просветительных мер для поднятия экономического и умственного уровня крестьян и для предупреждения крестьянских волнений, автор считает не лишним остановиться на чисто специальных законодательных, административных и судебных мероприятиях, необходимых для успешного и быстрого подавления и расследования дел о крестьянских беспорядках.

В особой моей записке об исключительных законоположениях уже затронут вопрос о необходимости реорганизации полиции в смысле объединения разных органов полиции в руках губернатора и об улучшении сыскной части. До этих реформ, надо сказать, что в настоящее время полиция мало осведомлена в сельских местностях и о пропаганде среди населения и о готовящихся волнениях. Даже случаи явных проступков против помещичьей собственности, как, например, лесопорубки, похищения сельскохозяйственных произведений и т. д., обследуются полицией с значительным промедлением.

Точно также замечается медленность рассмотрения дел в волостном суде и у земских начальников, отвлекаемых своими административными обязанностями.

Насколько полиция, и администрация вообще, мало осведомлена о подготовке волнений и как нерешительны принимаемые ею меры для прекращения беспорядков, свидетельствуют обстоятельства возникновения крестьянского движения в 1902 г. и в настоящем году.

Так, в 1902 г. в Константиноградском уезде Полтавской губернии уже с 12 марта начались в пределах Карловской экономии частые случаи похищений сельскохозяйственных произведений, производимых с особой дерзостью, но на это не было обращено надлежащего внимания, точно так же как полиции совсем не было известно о пропаганде в селе Лисичьем, где был центр агитации (студент Анатолий Алексенко).

28 марта вспыхнули в разных местах беспорядки, причем войска были вызваны уже тогда, когда движение перешло в Полтавский уезд и даже в Валковский уезд Харьковской губернии.

Точно так же и в текущем году развитию беспорядков в Курской губернии способствовало отсутствие надлежащей энергии в действиях и распоряжениях исполнительных органов полиции.

Если 6—8 февраля еще трудно было судить об угрожающем настроении крестьян села Сального, совершивших крупную лесопорубку в имении землевладельца Попова, то к такому выводу можно и должно было притти 9 и 10 февраля после сопротивления крестьян села Сального приставу 2 стана Дмитриевского уезда и демонстративно

выраженного ими неповиновения законным требованиям земского начальника, уездного исправника и судебного следователя.

Наконец, после разгрома в ночь на 15 февраля экономии Черничина, казалось бы, уже не могло быть сомнения в настоятельной необходимости вызвать военные силы, а между тем впервые об этом поднимается вопрос дмитриевским уездным исправником в телеграмме на имя начальника губернии 18 февраля лишь после погромов хуторов Ярославки — барона Мейендорфа и Хатуши — Мейер.

Не была также осведомлена полиция о тайных сборищах, устраиваемых крестьянами села Гламаздина задолго до начала беспорядков на мельницах, в пустых сараях и т. п., между тем впоследствии в названном селе волнения достигли наибольшей интенсивности.

Нельзя также не отметить и непринятия полицией надлежащих мер к предупреждению беспорядков и в Лебединском уезде Харьковской губернии.

Хотя еще задолго до возникновения беспорядков в имениях графа Капниста и Глазенапа происходили забастовки рабочих с бойкотом лиц, не желавших присоединяться к стачке, что уже само по себе указывало на возбужденное состояние крестьянского населения, тем не менее и здесь военная сила была вызвана только после того, как беспорядки получили уже значительное развитие и выразились в погромах экономий землевладельцев.

Между тем своевременное арестование пропагандистов и подстрекателей, своевременный приступ к производству дознания и сосредоточение в данном пункте сразу значительных полицейских сил, наконец даже вызов во-время войска, очевидно, подавили бы быстро движение в самом начале.

Говоря о вызове войск, нельзя не признать, что более целесообразным родом войск для подавления крестьянских беспорядков является регулярная кавалерия, где и офицеры более интеллигентны, а солдаты отличаются дисциплиной и отсутствием излишней жестокости, не имея при этом обыкновенно нагаек, которыми так охотно распоряжаются казаки.

Что касается способов административного воздействия на население для прекращения крестьянских беспорядков, то на первом плане надо поставить «телесное наказание».

Если при рассеянии бушующей толпы и отобрании награбленного имущества вполне уместно известное насилие и законом допустимо даже употребление оружия, то раз порядок установлен сечение розгами виновных в виде «наказания» или не виновных «для острастки» массы отнюдь не должно быть допускаемо, особенно после всемило-

стивейшего манифеста 11 августа 1904 г., отменившего телесное наказание для крестьян.

Между тем в 1902 г. уже по прекращении беспорядков харьковский губернатор князь Оболенский [8]) и полтавский губернатор Бельгард [9]) устроили систематическое сечение крестьян, причем д. с. с. Бельгард находил даже необходимым делать это при особо торжественной обстановке на сельском сходе в своем присутствии, а князь Оболенский делегировал свою власть в этом отношении валковскому уездному предводителю дворянства Ширкову [10]), а этот последний земским начальникам, которые производили эту экзекуцию при содействии казаков.

В текущем году сечение было применено, насколько мне известно, только при подавлении беспорядков в Дмитриевском уезде Курской губернии и в Севском уезде Орловской губернии, в последней не местными властями, а лицом, командированным черниговским губернатором, которое позволило себе лиц, подстрекавших к разгрому завода Терещенко в Глуховском уезде Черниговской губернии, высечь в пределах другой губернии.

Нельзя не высказаться самым решительным образом против сечения при подавлении беспорядков взрослых людей, граждан русской земли. Не говоря уже об этом наказании, как отвратительном с гуманной точки зрения и унижающем человеческое достоинство, этот прием является совершенно незаконным, вызывающим озлобление в населении, не воспитывающим в культурном смысле крестьян, напротив, — их принижающим, а главное подрывающим значение всемилостивейшего манифеста 11 августа 1904 г.

Крестьяне теперь прямо говорят: «Царь не велел сечь, а губернаторы и чиновники насильничают».

Это роняет и престиж высокого значения царя и авторитет местных властей.

С чисто судебной точки зрения сечение при полицейском дознании представляется крайне вредным. Из числа лиц, привлеченных к ответственности за аграрные беспорядки и сознавшихся на дознании и предварительном следствии, почти все отказываются на суде от этого сознания, говоря, что оно вынуждено побоями полиции при производстве дознания (что отчасти и подтверждается) и сечением розгами.

Эти заявления не могут не действовать на судей при рассмотрении дел об аграрных беспорядках в судебной палате и имеют своим последствием значительное количество оправдательных приговоров.

Сведения о сечении и побоях проникают в общество при посредстве газет и вносят раздражение против властей *).

В заключение следует остановиться на самой технике производства дознаний и следствий по делам о массовых аграрных беспорядках.

Первоначальные действия полиции и войска бывают направлены на подавление беспорядков, заарестование заподозренных и отобрание похищенного имущества.

Акты дознания составляются торопливо и небрежно и довольно поздно поступают к следственной власти, которая получает массу арестованных с отсутствием определенных или достаточных улик, между тем как по соображениям общественного порядка массовое освобождение арестованных представляется нежелательным и опасным.

Полиция производит первоначальные аресты при массовых аграрных беспорядках в порядке положения об усиленной охране; но в случае отмены этого исключительного закона полиции необходимо предоставить право при всех массовых беспорядках и насилиях над должностными лицами задерживать на срок до двух недель или до распоряжения подлежащей судебной власти всех лиц, обвиняемых в массовых беспорядках или нападении на властей.

При производстве следствия по аграрным беспорядкам необходимой является быстрота производства. Это важно и для разбора вины отдельных лиц, арестованных полицией часто без достаточного основания, и для восстановления нарушенного общественного порядка.

Опыт показывает, что своевременное заарестование судебной властью и привлечение к следствию является наиболее действительным средством для прекращения аграрных беспорядков в соседних селах или даже для предупреждения их.

Между тем обыкновенно на уезд приходится один судебный следователь, обремененный текущими делами. Приходится поэтому командировать судебного следователя по важнейшим делам и кандидатов на судебные должности; следствия объединяются в лице наблюдающего за следствием лица прокурорского надзора. Но такое объединение недостаточно для выяснения общих причин движения и работы по общему плану, когда движение охватывает несколько уездов одной губернии или даже соседних губерний.

---

*) Ввиду помещения в последнее время в периодической прессе в извращенном и тенденциозном виде отчетов о судебных заседаниях по многим серьезным делам, представлялось бы соответственным учредить при судебных палатах особые должности присяжных стенографов для составления отчетов о более выдающихся уголовных процессах.

Желательно было бы создать поэтому такой следственный орган, который мог бы производить предварительное следствие в округе всей судебной палаты, а не в одной губернии; это могло бы быть достигнуто учреждением должности судебного следователя по особо важным делам, состоящего при окружном суде, где учреждена судебная палата; такой судебный следователь по предложению прокурора судебной палаты мог бы производить следствие во всем округе палаты. Этому должностному лицу следовало бы предоставить право производить самому те следственные действия, которые он признает нужными по соглашению с прокурорским надзором, исследование же фактических обстоятельств отдельных дел возлагать на участковых судебных следователей, или по важнейшим делам, или на кандидатов на судебные должности *).

При таком способе производства предварительных следствий по однородным делам о массовых аграрных беспорядках не исчезала бы в фактических подробностях отдельного производства общая связь и причины движения, как это наблюдается теперь, несмотря на объединение и руководство прокурорского надзора.

Если быстрота производства следствий по указанным делам имеет огромное значение для восстановления нарушенного порядка, то гласное судебное разбирательство с выяснением причин массовых волнений и аграрных беспорядков и виновных лиц, подлежащих наказанию, имеет не меньшее значение для успокоения общества, для укрепления в населении понятия законности и неприкосновенности частной земельной собственности.

Но для успеха этого влияния необходима быстрая репрессия, т. е. быстрое рассмотрение судом этих дел.

На основании 201 [1] ст. уст. угол. суд. все дела о массовых аграрных беспорядках, квалифицируемые обыкновенно по 269 [1] ст. улож. о наказ., подсудны судебной палате с сословными представителями. Личный состав судебных палат в империи немногочислен; палаты завалены массою текущих дел, поэтому при возникновении массовых крестьянских беспорядков (как, например, в текущем году в округе харьковской судебной палаты в 5 губерниях) палаты, несмотря на крайнее напряжение, не в состоянии проявить особой быстроты при рассмотреннии этих дел.

Если предварительные следствия по аграрным делам могут быть закончены при особых усилиях приблизительно в 1—2 месяца, то на одну подготовку к слушанию дела в суде от момента поступления дела в палату требуется не менее 1½ месяцев.

*) Этим создавалось бы нечто вроде следственных комиссий.

Некоторые из аграрных дел, возникших в конце февраля, были заслушаны уже в конце июня, но большинство дел будет рассмотрено не ранее, как через 6—9 месяцев после их возникновения.

Единственным средством для ускорения производства по делам о массовых беспорядках, как и вообще по делам, предусмотренным 201 [1] ст. уст. угол. суд., является передача дел этой категории из судебной палаты в окружные суды с теми же сословными представителями.

Нет никаких оснований предполагать, что состав окружного суда не справится с этой задачей; наконец, председательствование по этим делам могло бы быть возложено лично на председателя окружного суда или даже на особо командированного одного из членов судебной палаты.

В заключение надо сознаться, что наш судебный аппарат не может выполнять задач правосудия по делам о массовых беспорядках с такой же полнотой, как по отдельным уголовным делам.

Общая задача уголовного правосудия направлена к тому, чтобы ни один виновный не ушел от наказания по закону за содеянное им.

Но в делах о массовых беспорядках — это неприменимо по самому свойству этих дел.

Когда в преступных скопищах принимает участие несколько тысяч крестьян, то, очевидно, немыслимо привлечь к суду всех виновных. Не было бы достаточно сил у полиции и судебной власти, не хватило бы тюрем и не нашлось бы такого грандиозного здания для суда над тысячею человек.

Приходится из этой серой, стадной массы выбирать поэтому более активные элементы, руководителей, подстрекателей. На практике обыкновенно устраняются от ответственности в большинстве случаев женщины и подростки. Все же лица сознательные, более имущественно обеспеченные, занимающие известное общественное или должностное положение, привлекаются к следствию.

Установление виновности руководителей крайне трудно на суде, точно так же как трудно вообще проведение этих дел на суде с обвинением в полном объеме, вследствие боязни свидетелей показывать правду и отказа обвиняемых от первоначального сознания под влиянием совета защитников. Приговоры палаты вообще не особенно суровы; мало лиц, присуждаемых к арестантским отделениям, преобладает тюрьма, в среднем, около года.

Желательно, чтобы эти нестрогие и справедливые приговоры уже не подвергались дальнейшему смягчению.

В видах большей быстроты судебного производства и большей строгости репрессии раздаются голоса о необходимости военного

или даже военно-полевого суда по делам о крестьянских беспорядках.

Нельзя не высказаться с особой энергией против этих предположений.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) См. «Крестьянские движения 1902 г.». Центрархив. Материалы по истории крестьянских движений в России. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичеты и В. М. Фриче, вып. III, Гос. изд., 1923 г.

[2]) Речь идет, повидимому, об именном высочайшем указе сенату от 11 мая 1902 г., согласно которому отпускалось «из государственного казначейства... 800 000 рублей на вознаграждение потерпевших землевладельцев... за убытки, непосредственно причиненные им беспорядками». Для возмещения этих сумм государственному казначейству указ устанавливал с сельских обществ «дополнительный к существующим окладной сбор» (см. «Право» 1902, стр. 1906. — «Собрание узаконений и распоряжений правительства» 1902, № 47, стр. 1).

[3]) 21 мая 1883 г. в Москве в палатках, устроенных на дворе Петровского дворца, Александр III обратился к волостным старшинам с речью, в которой, между прочим, сказал: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным нелепым слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному. Эти слухи распускаются нашими врагами. Всякая собственность, точно так же, как и ваша, должна быть неприкосновенна» («Прав. вестник» 1883, 24 мая, № 114, стр. 1).

[4]) 1 сентября 1902 г. в Курске во время маневров в губернаторском доме были собраны некоторые волостные старшины и сельские старосты (губерний Курской, Черниговской, Орловской и Воронежской); к ним Николай II обратился с речью, в которой, между прочим, сказал: «Весной в некоторых местностях Полтавской и Харьковской губерний крестьяне разграбили соседние экономии. Виновные понесут заслуженное ими наказание, а начальство сумеет, я уверен, не допустить на будущее время подобных беспорядков. Напоминаю вам слова покойного моего батюшки... «Слушайтесь ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям божиим» («Прав. вестник» 1902, 3 сентября, № 192, стр. 1).

[5]) Янсон, Юлий Эд. (1835—1892), проф. статистики Петербургского университета, автор книги «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». С приложением очерка правительственных мер по переселению крестьян после издания положения 19 февраля 1861 г. СПБ., 1881.

[6]) Пушкин, Евг. Алексеевич (1845—1915), сенатор с 10 ноября 1903 г.

[7]) Стороженко, Тарас Евт. (34 лет), и Коркишка, Влас Яковлевич (20 лет), судились 5 октября 1902 г. харьковской судебной палатой за «разграбление экономий» Чеботарева и Коломийца; Подгорный, Севастьян Дементьевич, судился 5 октября 1902 г. за разграбление экономии Попова; Полторак, Илья Кондратьевич, судился харьковской судебной палатой 12 октября 1912 г. за разграбление Варварского управительства Карловской экономии; Пацула, Петр Каллиникович (25 лет), и Шалдуга, Семен Сильвестрович (32 лет), судились 5 октября

1902 г. харьковской судебной палатой за «разграбление экономий» Коломийца и Трегубова.

[8]) Оболенский, Ив. Мих., в 1902 г. — харьковский губернатор; с 1904 г. — финляндский генерал-губернатор.

[9]) Бельгард, Александр Карл., полтавский губернатор с 1896 г., потом — начальник главного управления по делам печати.

[10]) Ширков, Валериан Валерианович, валковский уездный предводитель дворянства с 1892 г.

«Князья церкви».

(*Из дневника А. Н. Львова.*)

Печатаемый ниже дневник принадлежит перу А.Н. Львова, заведывавшего архивом и библиотекой синода в 1889—1901 гг. А. Н. Львов по своему происхождению и образованию (окончил Петербургскую духовную академию), а также службе был тесно связан с церковной средой, описанию которой и посвящен целиком его дневник, начатый 23 февраля 1891 г. и оканчивающийся июнем 1898 г. *).

В годы, охватываемые записями Львова, организация «Российской православной церкви» представляла собой весьма мощное целое. В начале царствования Николая II Россия в церковном отношении делилась на 64 епархии, возглавлявшихся тремя митрополитами, шестнадцатью архиепископами и сорока шестью епископами, которым подчинено было 36 тысяч церковных приходов. Идеологическое и административно-хозяйственное руководство этой организацией принадлежало «святейшему синоду», состоявшему из обер-прокурора, трех митрополитов и небольшого числа вызывавшихся из епархии архиереев. Фактическим главой синода был не «первоприсутствующий» митрополит, а обер-прокурор синода, alter ego царя, т. е. светской власти, превратившей церковь в «ведомство», осуществлявшее функции одной из частей государственного аппарата самодержавной монархии.

В «ведомстве православного исповедания» в 1894—1895 гг. насчитывалось почти 100 тысяч человек так наз. «белого духовенства»; число монахов и монахинь в 1894 г. достигало 16 000 человек, — к ним надо присоединить 28 700 «послушников», т. е. лиц, готовившихся к принятию «иноческого чина». Эта громадная армия тунеядцев имела в своем распоряжении в 1894 г. 46 000 церквей и 17 768 часовен и молитвенных домов; в одном 1895 г. было построено вновь 7 соборов и 562 церкви. В начале царствования Александра III монастырей, «иноческих обителей» и архиерейских домов насчитывалось 631, а к началу царствования Николая II число их возросло до 774. И, надо сказать, количество церквей и духовенства непрерывно росло с каждым годом. Синод и самодержавие не жалели средств на строительство новых церквей и на содержание обслуживавшего их поповского аппарата. Церковь стремилась, кроме того, захватить в свои руки народное образование путем организации церковно-приходских школ и школ грамоты. К январю 1 898 г. насчитывалось 1 8341 церковно-приходских школ и 21501 школ грамоты с числом учащихся до 1½ миллионов. Это был суррогат народного образования даже по сравнению с земскими школами. Тем не менее школы эти насаждались при живом

*) ЛОЦИА. Историко-Культурный Отдел Архивохранилища Народного Хозяйства, Культуры, Быта и Права.

содействии правительства, ибо задачей этих школ, — как говорилось в отчете обер-прокурора синода за 1892/93 г., — было «пробудить, развить и утвердить в учащихся чувство любви к богу, святой церкви, ее уставам и священодействиям, чувства верноподданнической преданности и любви к царю и отечеству». Самодержавие видело в церкви своего вернейшего союзника, притом не союзника поневоле, как это хочет представить автор публикуемого дневника, а своего единомышленника, ибо православная церковь и идеологически и материально неразрывно связана была с самой природой буржуазно-помещичьей монархии в России. Сращивание церкви и романовской монархии было полное и прочное, и это чрезвычайно наглядным образом показано в публикуемом дневнике.

Историческая ценность дневника, освещающего положение «господствующей» в России православной церкви на стыке двух царствований — верного ученика К. П. Победоносцева, Александра III, и Николая II, расплодившего целую плеяду столь скомпрометировавших самодержавие на его закате церковных авантюристов — Распутина, Питирима, Варнавы и проч., — несомненна. Автор дневника весьма ярко рисует разложение верхушки церковного аппарата, состоявшей из карьеристски настроенных архиереев и светских чиновников, кормившихся от церковного пирога. Автор по своим взглядам принадлежал к тому либерально-оппозиционному направлению в среде церковной бюрократии, которое было недовольно, с одной стороны, засильем монашества, захватившего в свои руки верхушку церковного управления, с другой стороны — «произволом» «светской власти» в лице Победоносцева, Саблера и др., одинаково бесцеремонно распоряжавшихся судьбой как «белого», так и «черного» духовенства. Львов с пафосом негодования говорит о том, что при Победоносцеве (как будто этому причина — Победоносцев) «церковь идет на буксире государственной власти», что у церкви «нет собственной власти, собственной головы, мыслей, желаний и идеалов».

Служебное положение давало Львову возможность наблюдать вблизи то, что происходило в «главном штабе» поповско-монашеской организации: здесь, в синоде, делалась высшая церковная политика, здесь шла лютая борьба черных «князей церкви» за власть и доходнейшие места, отсюда шло планомерно организуемое религиозное одурачивание народных масс, здесь ярче чем где-либо выявлялось подлинное лицо огосударствленной церкви, осуществлявшей классовую политику буржуазно-феодальной монархии Романовых.

Но автор — монархист и, видимо, без колебаний православный человек — воспринимает все наблюдаемое односторонне, исключительно с конфессиональной точки зрения. Вид «бодающихся» митрополитов, архиерейское невежество, карьеризм, разврат, деспотизм, угодничество, пресмыкание перед обер-прокурором и т. д.—возбуждают в нем только моральное осуждение. Его критика церковных дел идет, в сущности, не дальше персонификаций всего того, что и само по себе, с объективной точки зрения, является отвратительным. Львову кажется, что эмансипация церкви от влияния Победоносцева и К°, изгнание «хлыщей» Храповицких, «биржевых маклеров» — Смирновых и Васильевых из церковного аппарата, реформа духовно-учебных заведений и т. п. могли бы «возродить» церковь и дать ей силу «спасительно» влиять на общество. Идеи Львова в модернизованном виде нашли свое выражение уже в наше время в потугах

«обновленческих» реформ культа и некоторых частностей вероучения, чтобы спасти роль церкви в современном обществе. Однако ни Львов, ни его эпигоны не понимают самого главного. Переход руководства организацией общества к авангарду трудящихся — пролетариату, свободному от религиозных предрассудков и борющемуся со всяческой эксплоатацией, чем бы она ни прикрывалась, а также успехи марксистской науки, разоблачающей на каждом шагу веками державшееся на народной темноте и внедрявшееся государственным насилием церковное миропонимание, делают безнадежными все мечты о гегемонии поповства на земле.

Тем не менее, научно-историческое значение дневника Львова несомненно. Он дает любопытную картину жизни и деятельности черного штаба церковной организации православия в историческом аспекте — незадолго до первой революции, которая вскрыла подлинное лицо церкви, как союзника эксплоататорских классов и самодержавия.

Текст публикуемого дневника подготовил к печати А. К. Дрезен; примечания составлены А. С. Николаевым и З. И. Гурской.

1891 ГОД.

Февраля 23. — Решаюсь писать дневник. Говорю: решаюсь— потому, что дневник естественно писать людям, стоящим у кормила правления, высокопоставленным, много знающим. Их дневники для потомства — дорогие материалы, проливающие свет на исторические события, их мотивы, влияния разных лиц, разные обстоятельства, способствовавшие или задерживавшие их развитие. Таких сведений в официальных документах нет. Архив научил меня особенно ценить всякие частные сведения относительно событий прошлого. Просматривая постоянно массу дел, приходится убедиться, что на основании только их одних невозможно писать историю. В официальных документах или все сглажено, выбелено, или и совсем выпущены те мотивы и обстоятельства, по которым и при которых совершилось известное дело. С другой стороны, мы, маленькие люди, часто слышим и знаем то, что весьма старательно скрыто бывает от великих мира сего. Ввиду всего этого и решаюсь писать. Быть может, и в моем песке и соре найдется какая-нибудь крупица, которою воспользуется кто-нибудь не без пользы для дела.

Март. — Начальство посылает в Харьков по возбужденному тамошним архиереем (Амвросием Ключаревым) вопросу о необходимости уничтожить некоторые дела из консисторского архива [1]). Прелюбопытное ходатайство. Мотивом для него служит то, что в архиве очень тесно, а между тем для делопроизводства они не требуются. Смотря на дело с этой точки зрения, архиерей представил к уничтожению все дела, касающиеся истории церквей, монастырей, лиц и т. п. Словом, обнаружил полное историческое невежество, что он созна-

тельно повторил мне и при личном разговоре, выразившись: «А для чего ваша история?»

22 марта. — Вот я и в Харькове. Консисторский архив надеюсь сберечь, но архив бывших духовных правлений, перевезенный Филаретом Гумилевским [2]) в Харьков и помещенный в консисторском здании, кажется, погиб. Дело в том, что он помещался на чердаке того здания, где помещалась консистория. Амвросий, пользуясь своею близостью к Победоносцеву, выпросил 85 тысяч на постройку нового консисторского здания. Прежнее же, историческое, где с 1726 г. помещался знаменитый Харьковский коллегиум, присвоил своему монастырю и сломал в пользу оного, о чем харьковцы сильно жалеют. При ломке дела с чердака бросали прямо на землю и лопатами сгребали в подвал архиерейского дома, где они теперь представляют громадную массу отдельных листов. Здесь Амвросий держит всех в страхе, опираясь на свою близость к обер-прокурору. Но, очевидно, его никто не любит.

Познакомился с известным о. Буткевичем [3]). Человек, несомненно, умный и энергичный, но близость к архиерею, кажется, заставляет его смотреть на многое не своими глазами и говорить не своим языком. Ректор семинарии протоиерей Кратиров на все убеждения — пойти в монахи уклоняется, чем, конечно, возбуждает против себя теперешних деятелей, во что бы то ни стало желающих завербовать хоть несколько порядочных лиц в монахи. К сожалению, это редко удается. Идут в монахи одни только карьеристы 96-й пробы, драпируясь, конечно, в мантию спасения и благочестия. Даже пресловутый Антоний Храповицкий [4]), ректор Московской духовной академии, к которому я заезжал, возвращаясь в Петербург, оказывается чистокровным карьеристом, разыгрывающим свою роль на почве якобы возбуждения молодежи к высшей духовно-нравственной деятельности. Всюду он ищет популярности. В мире его прямо назвали бы хлыщом, а под покровом рясы, да еще черной, при видимом смирении и благочестии, он на первый раз представляется деятелем и даже для многих симпатичным. Но многие уже раскусили его и оценили по достоинству. Но это еще сравнительно один из лучших. А что сказать об остальных? Полное и нравственное и умственное убожество!

15 апреля. — Слышно, что Амвросий харьковский потерял свой престиж в глазах обер-прокурора и просится скорее на епархию, чтоб не возвращаться в Петербург. По возвращении я был у него и вынес убеждение, что он легковесный в нравственном отношении человек. Даже сдал и по уму.

1 мая. — Положение Амвросия, действительно, поколебалось, что заметно и из отношения к нему Саблера и из слов его о первом.

Леонтий [5]) уезжает преогорченный, что киевская кафедра не достается ему. Его утешают Владимиром 1-й степени. А стоит ли он утешения? В нем решительно не заметно ничего серьезного. И для чего это существуют до сей поры ордена для архиереев и духовенства? И без того первые самолюбивы и честолюбивы до невозможности. А ордена и тех и других совершенно развращают. Или для того существуют ордена, чтобы при помощи их держать награждаемых в руках? Иначе многие из архиереев и заговорили бы... А есть о чем, потому что церковью управляет не иерархия, а синодские чиновники, и не на основании канонов, и даже законов, а по своему хотению — произволу...

О к т я б р ь 3. — Вчера получено известие о смерти киевского митрополита Платона. Он часто наших чиновников бил не в бровь, а в глаз. За это они его страшно не любили и всячески давали ему чувствовать свое всесилие. Года четыре-пять он представил проект преобразования консисторского устава. Но так как теперешний устав есть прекрасная ширма для произвола властей, к чему собственно и стремится как епархиальная, так и центральная власть, то проект этот положили, конечно, под сукно. Старец много раз напоминал о нем, и Притычкин *) постоянно обещал ему рассмотреть. Теперь, к радости Притычкина, старец не напомнит. Не любил почившего и Исидор [7]). Этот боялся популярности Платона, особенно среди высшего светского общества. Вероятно, Леонтий варшавский сходит теперь с ума от боязни, как бы ему опять не проспать Киева. Этот нисколько не скрывал своей ненависти к Платону за то только, что он долго живет и мешает Леонтию надеть белый клобук. Особенно очевидно и резко это бросалось на заседаниях синода. Но то-то будет для Леонтия скандал, если Притычкин устроит туда кого-нибудь другого!

Господи, до чего оскудел преподобный! **) За последнее время стали посвящать в архиереи один другого глупее и пошлее. Вот недавно назначили в Америку Николая Зиорова [8]). Это убожество и умственное и нравственное. Между тем, едет представителем православия в Америку. Двадцать два года ищут туда архиерея и находят один другого хуже. Кто виноват, где причина? Она кроется в том, что церковь управляется не собором — синодом, а вся власть церкви централизовалась в руках обер-прокурора, а в настоящее время, еще хуже, — его няньки — Саблера-Притычкина. Последний, как человек без всяких умственных и нравственных принципов, действует под влиянием бог знает чего. Несомненно только, что он приносит страшный вред всему, к чему только прикасается.

---

*) В. К. Саблер [9]).
**) Митр. Исидор.

18 октября. — Пять архиепископов целых две недели не спят, не едят и не пьют. Их преследует страшный кошмар в образе будущего киевского митрополита. Не то им страшно, что сам он не попадет на митрополию, а то, что туда могут назначить его врага, младшего по службе. Павел казанский [9]) и экзарх Палладий [10]) не стесняются ни пред кем, понося и унижая один другого, и все потому, что то один, то другой возвышается. Кандидатами на митрополию называют: Леонтия, Сергия херсонского [11]), Амвросия харьковского, Павла казанского и Палладия-экзарха. Последний, пользуясь своим пребыванием в Петербурге, кажется, сильно хлопочет об этом. Но едва ли это не самый слабейший из всех кандидатов. Своим возвышением он обязан исключительно своей благоглупости и уменью всегда ходить с чиновниками и Исидором.

20 октября. — Самое большое зло в Петербурге — это особенно развившаяся за последние 10—15 лет протекция при определении на места. Приди к Исидору ординарный профессор академии, учитель семинарии, заслуженный протоиерей и только что окончивший академию юноша, он определит на место последнего, если, конечно, тот заручится протекциею какой-нибудь женщины [12]). То у него была известная Матрена в 60—70-х гг., которая имела влияние даже на выбор архиереев. Теперь же есть какая-то Диккер да начальница Исидоровского училища Слепцова. Эти две госпожи правят и вертят всем в епархии.

10 ноября. — До чего сделалась затхлой атмосфера в духовном ведомстве, и сказать трудно. Все сконцентрировалось около желаний и угождений Победоносцеву [13]). Все и все живет и дышит им. А что он сам представляет? Спеленатого Саблером ребенка или загипнотизированного им же человека. А что такое Саблер? Человек, говорящий на всех языках, имеющий энергию невероятную, занимающийся всем, кроме синодальных дел, а, в общем, человек без всяких решительно принципов, без всякого направления и характера. Это человек, которому не только некогда почитать, поговорить о деле, но даже который едва ли когда и думает о чем-нибудь. С 7 утра и до 12—1 часа ночи он, как ртуть, везде двигается, устраивая монахов, монахинь, собирая вокруг себя толпы нищих и т. д. Недаром Исидор назвал его «Притычкиным». Дело было так. Члены совета общества распространения религиозного нравственного просвещения весною всегда представляются in corpore Исидору. В 1889 г. их было человек 10, в том числе и я. Исидор принял нас, по обычаю, в гостиной, и мы сидели и беседовали с полчаса. Вдруг докладывают: «Генерал Саблер». Исидор, благословляя его, и говорит вслух: «Те же и Притычкин». Глаза его в это время, обычно бесцветные и безжизненные, блеснули каким-то лу-

кавым огоньком. Саблер же перевернулся, опустился, но чрез момент — как ни в чем не бывало. Впрочем, Исидор очень часто пробирает его подобным образом. Несомненно, что он в душе прекрасно понимает этого хлыща. Главное, у этого человека нет никаких нравственных правил и принципов. Все его благочестие и нравственность напускные, ради карьеры, влияния. Все уверены, что, явись вместо Победоносцева обер-прокурор новый — Толстой, — и Саблер, ничтоже сумняся, пойдет плясать по его дудке. Как же должен чувствовать себя тот, кто видит всю эту заказную пляску паяца и сознает, что от того или другого движения этого паяца зависит всецело судьба русской церкви?

20 ноября. — Наконец, вопрос о митрополитах решился. Иоанникия [14]) сперли в Киев, а на его место попал Леонтий. Распустили слух, что Иоанникий будто бы не поладил с новым генерал-губернатором вел. князем Сергеем Александровичем. Но это вздор. Вернее сказать, что он вооружил против себя Притычкина, и этот последний дает себя чувствовать митрополиту. Говорят, что последний раз не принял Притычкина на подворье в виду монахов. Притычкин, конечно, затаил злобу до поры до времени. Но мне приходилось от него слышать недвусмысленные выражения относительно гордости Иоанникия. Несомненно, что он сумел убедить Победоносцева в необходимости перевода. Мало этого, — чтобы не дать Иоанникию возможности разоблачить дело, устроили так, что нынешний год не вызывают в синод ни одного митрополита. Вместо же их вызвали Сергия херсонского и Феогноста владимирского [15]).

Декабря 1. — Впрочем, кого ни вызови в синод, результат будет всегда один. Весь центр тяжести не в синоде, а в канцелярии его. Что захочет сделать управляющий, то и будет. Он хочет дело доложить, — докладывают; не хочет, — по его приказанию составляется от имени синода определение, подписывается членами и приводится в исполнение. А если случается, что члены заартачатся и захотят известное дело решить по-своему, то для этого у нас употребляют и такой маневр. Откладывают дело до лета, когда вместо членов бывают так называемые статисты, т. е. архиереи, вызванные специально на летние месяцы, когда члены — митрополиты отсутствуют. Их вызывают для того, чтобы составилось известное число, без которого заседание считается недействительным. Tres faciunt collegium. И вот этим-то статистам предлагают подписать угодное чиновникам решение по тому делу, по которому уже состоялось действительное определение синода, не угодное чиновникам. Те, понятно, подписывают, и вот иногда митрополиты, помнящие, как они решали известное дело, получают указ, где говорится, что св. синод определил по этому делу совсем другое. Бывали случаи, когда Иоанникий спрашивал по приезде в синод

в заседании, каким образом могла случиться перемена. Притычкин обыкновенно с самою невинною улыбкою объяснял святым отцам, что летом дело было передоложено, и св. синоду благоугодно было перерешить ввиду некоторых новых обстоятельств этого дела. Что станешь говорить против таких аргументов? Но бывает и еще курьезнее. У нас теперь судное отделение имеет очень хорошего, честного и стойкого обер-секретаря Ф. Ф. Черновского и секретаря Н. Ф. Маркова — юриста и поклонника новых судов, т. е. тех принципов, которые вложены в основу этих судов. Им нередко приходится и возмущаться и страдать по поводу тех решений, какие постановляет и синод и еще чаще Притычкин, основывающийся на «частных слухах» и «особых соображениях». Поэтому бывает нередко, что в видах справедливости или человеколюбия они некоторые дела, предназначенные Притычкиным оставить без последствий и совсем не докладывать синоду, пользуясь его частыми командировками, докладывают, и по ним получается решение, несогласное с «частными слухами» и «особыми соображениями», а такое, какого требовало существо дела. Понятно, что архиереи, которые сообщили ему эти «слухи» и «соображения», высказывают ему свое недовольство на такое решение. Притычкин, подивившись, каким образом это могло случиться, с развязностью объявляет архиерею, и часто еще через третье лицо, что сделать теперь уже ничего нельзя, так как указ уже послан, но «владыка де волен исполнять и не исполнять сей указ». Такой деморализации уже трудно себе и представить. Кажется, уже дальше и итти некуда.

1892 ГОД.

20 января. — Саблер едет в Москву производить ревизию консистории и, говорят, едет на две недели. Вызывается ревизия будто бы злоупотреблениями секретарей. Но все это вздор. Злоупотребления секретарей есть везде. В Петербурге на глазах у всех делаются невозможные вещи. К тому же Саблер по природе своей не может сосредоточиться на одном деле в течение двух дней. А тут вдруг ревизовать консисторию целых две недели. Он, кажется, в Симбирске ревизовал ровно два часа, и об этом занесено было во всеподданнейший отчет. Очевидно, здесь хотят доканать Иоанникия в том смысле, что найдут в его консистории массу беспорядков, сообщат ему об этом и, так сказать, безмолвно покажут, что если он и дальше будет хорохориться, то ему всегда могут утереть нос фактами. Вот истинный смысл этой ревизии.

8 февраля. — Прежняя соборная формула была такова: «Тако изволися духу святому и нам». Теперь можно говорить короче:

«Тако изволися Притычкину». Победоносцев совсем не имеет характера и воли. Такой ловкий человек, как Притычкин, вертит им, как только хочет. Да и не он один. Всякий, кто обладает нахальством, выделывает, что хочет.

20 февраля. — Скончался Вениамин иркутский [16]), и по поводу его смерти опять поднялись разные толки о сибирской миссии. Князь Мещерский в «Гражданине» всячески усердствует и доказывает, что эта миссия, одухотворяемая Вениамином, употребляла только насилие для обращения бурят в христианство и совершенно была чужда духа христианства [17]). Мысль эта настойчиво высказывается и в печати, и в обществе. Странно, что Победоносцев, уважая Вениамина, не провел его проекта о бурятах. А между тем Вениамин был вызван в Петербург исключительно ради этого вопроса.

10 марта. — Вчера был у А. Н. Майкова [18]). Встретился там с известным доктором-бурятом Бадмаевым. Он читал свой проект об основании Сибирского общества, целей которого указал так много, что едва ли мы в состоянии хотя что-нибудь осуществить. Ведь мы к самостоятельной деятельности, к самостоятельному изучению наших нужд и вообще самих себя, и притом к изучению только из чистой любви к делу, еще не привыкли. Возьмите все наши ученые и другие общества. Есть там человек, который умеет нас привлечь тем или другим, и дела общества процветают. Нет такого человека,—общество умирает. Много говорили о сибирской миссии, Вениамине. Бадмаев сообщал интереснейшие факты, но несомненно, что он не чужд некоторой партийности и односторонности в своих взглядах на миссионерство. Но, с другой стороны, вероятно, и с нашей стороны есть увлечения.

15 мая. — Давно я не открывал своего дневника, да и зачем? Все приходится писать только об одном, — что у нас в духовном ведомстве делает все Саблер и притом как делает! Впрочем, теперь приходится отметить главное выдающееся событие — назначение Саблера товарищем обер-прокурора. Совершилось давно жданное им и его приспешниками. Чего, чего не распускалось относительно Смирнова! [19]) Года три тому назад Саблер даже выразился, что «он не хочет переходить через его труп». Но, наконец, должно быть, надоело ждать... Говорят, что последнею каплею, переполнившею чашу терпения Победоносцева, в этом деле было следующее обстоятельство. Ныне, в четверг на страстной неделе, была именинница жена Смирнова. Последний, как любитель поиграть в карты, причастился в среду и в четверг пригласил ближайших знакомых повинтить. Саблер, живущий визави, по одной лестнице, пронюхал об этом и донес будто бы Победоносцеву.

15 и ю н я. — На место Саблера назначен Керский [20]), на место последнего Миропольский [21]). Первый — высохший чиновник, зараженный еще громаднейшим самомнением и, вместе, беспрекословнейший раб Саблера, по крайней мере, по наружности. Дел совсем не знает, занимается только исправлением стиля в синодских журналах и протоколах вроде следующего: один раз исправит, что слушали дело «по прошению», в другой — «вследствие прошения», или: «по жалобе» и «вследствие жалобы» и т. п. Что касается Миропольского, то нравственный его кодекс исчерпывается следующими его словами: «В духовном ведомстве настало теперь время, когда нужно рвать что можно и как можно». Говорят, что он явился к Победоносцеву и расплакался, прося его определить помощником управляющего. Итак, получилась замечательнейшая тройка, которая по лености архиерейской, из честолюбия и корыстолюбия, будет вести русскую церковь. Но куда?

7 и ю л я. — Чудные дела творит Исидор. После своей болезни, бывшей на страстной неделе, он совсем уже подпал влиянию баб. Те, что хотят, то и творят; кого хотят определять на места в Питере, те только и определяются. И все это творится открыто, все во всеуслышание говорят, что такой-то дал то-то, столько-то и за это получил место. Говорят, что будто бы Притычкин несколько раз подъезжал к нему с соболезнованием относительно его слабости, трудности управляться с делами и т. п. и предлагал «для сохранения драгоценной жизни старейшего иерарха» передать временно дела управления епархией викариям. Но Исидор, несмотря на лета и болезнь, ясно видит, куда метит Притычкин и что выйдет, если он хоть на один день передаст власть свою в руки викариев [22]). Она уже к нему никогда не возвратится. Поэтому он всегда отвечает ему будто бы, что «привык за 58 лет своего архиерейства управляться с делами и надеется не расставаться с ними до конца дней своих».

12 а в г у с т а. — Исидор после четырехмесячного отсутствия из синода (после пасхи) появился на один раз в заседание и, говорят, целые два часа потешал публику рассказами, анекдотами и пробираньем Притычкина. Докладывалось дело по представлению московского митрополита Леонтия об увеличении жалованья служащим в московской консистории. Увеличение предположено сделать на счет церквей и монастырей. Это дало повод Исидору посмеяться над Леонтием, решившимся обирать церкви и монастыри ради чиновников. Притычкин попробовал, было, сказать, что «он говорил сам с настоятелями и настоятельницами монастырей, и они выразили ему полное у д о в о л ь с т в и е к этой мере». Тогда Исидор без всякого стеснения стал выпучивать Притычкина, предлагая ему на разные манеры вопросы относительно «удовольствия настоятелей и настоятельниц

давать церковные деньги чиновникам». Даже, говорят, Притычкин смутился этому. Заговорили, было, об общем пересмотре консисторского устава, но Притычкин сейчас свильнул на то, что это дело очень серьезное, о котором «они» много думают, но что теперь обстоятельства к этому не благоприятствуют. Тем дело и окончилось.

19 о к т я б р я. — Какая масса событий случилась за это время по духовному ведомству! Прежде всего помер Исидор! С его смертью, конечно, у Притычкина развязаны руки. Делай, что хочешь. Положим, и Исидор был человек без всякого направления, оппортунист, но он по временам для поддержания собственного престижа, чтобы показать, что он — старейший и первенствующий член святейшего синода, давал Притычкину отпор. Иногда схватывался даже с самим обер-прокурором. Положим, в конце концов он д а в а л уговорить себя или, точнее, обделать себя Притычкину, но показывал вид, что подчиняется необходимому злу. И были люди, которые верили всей этой комедии. Они говорили: владыко и хотел сделать как следует, да чиновники на него насели и сделали по-своему. Хитрый был старик.

20 о к т я б р я. — Сколько ходит слухов и толков относительно Исидора и его отношений к какой-то М. И. Диккер! Никто не может понять причины ее влияния на старика, но только хорошо всем известно, что это влияние было неотразимо и могущественно. Мало того, что она влияла на ход епархиальных дел, определяла, говорят, за деньги на места, но будто бы очень много повытаскала у старика денег и вещей. Рассказывают, что панагии и кресты, жалованные ему из кабинета и имевшие драгоценные украшения, теперь оказались с поддельными камнями. Бесчисленное количество икон, поднесенных ему в юбилей, тоже исчезло. Положим, он, должно быть, их много и роздал, но, говорят, которые побогаче, тоже очутились у этой женщины. Известно, что он устраивал для нее дачу в Петергофе. План ее нашли в его бумагах. Общее состояние митрополита 130 тысяч рублей. И здесь предполагают недочет. Лавра [23]) и, в частности, наместник ее Исаия — из мужиков — показали себя вполне достойными представителями современного монашества. Небрежное отношение к митрополиту началось еще во время болезни Исидора, когда обнаружилось, что он не встанет. Но возмутительно было смотреть как лавра жалела свечки на панихидах. Даже воздух [24]) на митрополита положили грязный и старый, что Исаия мотивировал тем, что «не рознить же из-за воздуха целую ризницу». Впрочем, в этом виноват и сам Исидор. Во-первых, он наставил в лавре мужиков, от которых и ждать нельзя ничего лучшего. Во-вторых, он не оставил ни копейки на похороны. Было, говорят, прежде определено на этот предмет 4 тысячи руб., которые и находились в духовном соборе. Но в последний год Исидор взял их.

Опять будто бы влияние Диккер. Негодуют все, что он ничего не оставил на учебные заведения, что библиотека его, весьма богатая, не завещана в академию. Родственники, их же несть числа, тоже недовольны, что им досталось очень мало. Все недовольны, и все с радостью ждут, что дальше будет лучше. Но будет ли? Может ли быть лучше, когда все зависит от чиновников?

25 октября. — Обнародовано высочайшее повеление о назначении Палладия митрополитом с.-петербургским и ладожским, а Владимира самарского [25]) — экзархом Грузии. Никто, конечно, этого не ожидал, особенно же назначения Владимира, который и сам в ответной телеграмме на извещение о назначении говорит, что «не ошибка ли это?» Все ожидали митрополитом Иоанникия. Правда, можно было с уверенностью сказать, что добровольно Литейная [26]) никогда не согласится на это назначение. Ведь это значило бы связать себя по рукам и ногам. Иоанникия трудно уламывать. Вероятно, в этих ожиданиях сказались надежды всех освободиться от того произвола, который всеми чувствуется от деятелей Литейной. Ведь они скоро сделаются такими же популярными, что их будут называть этим нарицательным именем, как называют в Константинополе фанариотов [27]).

3 ноября. — Академия провожала своего ректора Антония [28]), назначенного архиепископом финляндским. Проводы, говорят, были очень торжественны, многолюдны. Но вопрос в том, что, действительно, за личность Антоний? Студенты, с которыми мне приходилось говорить о нем, относятся очень сдержанно. Они указывают на некоторые факты, рекомендующие его как человека, имевшего в виду личные задачи и ради этого жертвовавшего интересами академии и даже студентами. Вообще его танцеванье пред Литейною — вещь крайне несимпатичная, а он в последнее время сильно и для всех очевидно плясал.

5 ноября. — Любопытные бумаги остались после Исидора и сданы в архив [29]). Правда, их должно быть больше. Так, нет писем архиерейских, которые, несомненно, были, так как ему все писали по разным делам. Особенно большой пробел за толстовское время [30]). Нет решительно ни одного слова. Между тем известно прекрасно, что в это-то время реформ всяческих особенно шла живая переписка между архиереями. Многие просили у него совета, многие прямо протестовали против этих реформ. Куда девалась вся эта переписка? Ужели она уничтожена? Нужно будет повидаться с родственниками его и спросить.

7 ноября. — Бумаги Исидора в высшей степени интересны, но не столько в историческом значении, сколько в биографическом, относительно его личности. Все письма к нему за разное время и от

разных лиц я пересмотрел. Здесь, понятно, попадаются и исторически интересные штрихи. Но его дневник с 1 марта 1881 г. по 2 сентября 1892 г. и разные личные бумаги сданы запечатанными. О них я могу судить только по описи, довольно подробно и обстоятельно составленной А. В. Гавриловым и копию с которой я оставил для себя лично, и частию со слов сего последнего. В дневнике достается нашему светскому начальству по достоинству. Есть освещение весьма многих исторических событий. Но еще любопытнее частные его бумаги. Это все списки и записи его собственной руки относительно разных видений и предсказаний, бывших окружавшим митрополита лицам, например более всего архимандриту Исаии—наместнику, и разным бабам. Такой мистицизм, что, если бы не собственная рука митрополита, то никогда и никто не поверил бы, что эти бредни были ему присущи. Сравнивая дневник и эту ерунду, видишь двух совершенно противоположных Исидоров.

9 ноября. — В первом Исидор является тем холодным, рассудочным, практичным человеком, каким большей частью его все видели, и притом человеком, полным юмора, самого тонкого сарказма. Во вторых бумагах это — жалкий, дряблый старик, находящийся в руках ловких мошенников. Эти последние гипнотизируют его разными бреднями, и он пред ними совершенно бессилен. Этим только и можно объяснить то громадное влияние, какое имели на него, особенно последнее время, этот возмутительный мужик Исаия и бабы, из которых в особенности М. И. Диккер, определявшая на места за деньги и пр. У последней оказались бумаги митрополита. Об этом шепнули нашим властям. Обер-прокурор написал ей письмо с просьбою возвратить бумаги, так как к полиции прибегать не хотел ради скандала. С письмом поехал Гаврилов. Был интересный разговор относительно шкатулки, взятой Диккер пред смертью митрополита из его кабинета. Она не отвергает этого факта и говорит, что в шкатулке были ее собственные деньги, которые она отдавала митрополиту на хранение, уезжая на дачу. Передала, между прочим, и запечатанный печатями митрополита и ее пакет с бумагами. Гаврилов распечатал его и успел несколько просмотреть. Это, говорит, такой мистицизм, такие бредни, что трудно и представить. Между тем бумаги эти, по словам Диккер, назначались для передачи Иоанникию и чрез него государю. Это воля Исидора. Обер-прокурор, читая их, говорит, что Исидор был сумасшедший человек. Не знают, что и делать с этими бумагами. Боятся хранить, чтобы не компрометировать Исидора. Кажется, хотят их уничтожить вместе с сданными в архив мистическими же. Велено их представить в заседание.

12 ноября. — Но кроме Исидора они боятся и за себя. В его дневнике есть много весьма ценного и любопытного. Он, разбирая и

освещая какой-нибудь конкретный факт, выставляет все его стороны и показывает, как бы в интересах дела и церкви факт должен был окончиться. Но тут на сцену является Притычкин, и все изменяет. Достается по заслугам и «лучшему» из обер-прокуроров. Словом, дневник — драгоценнейший материал для истории церкви с марта 1881 г. Если уничтожат, это будет большая потеря.

13 н о я б р я. — Был у нового экзарха Владимира. Он говорит, что едет с смущением. Да и есть от чего смутиться. Он совсем не знает края и его историю. Как же тут управлять им? Все одно, авось.

19 н о я б р я. — Сегодня приезжает новый митрополит с.-петербургский Палладий. Устроили ему самую помпезную и глупейшую встречу. Говорят, что это усердствовал Притычкин. Церемониал напечатали в газетах. Все, конечно, смеются и говорят, что недостатки внутренние хотят восполнить внешним блеском. Так и во всем обычную пустоту, бессодержательность и глупость своих действий Притычкин старается прикрыть серьезными мотивами и высоконравственными побуждениями. Наступила непробудная ночь, непроглядная тьма. Не только написать, но даже и на словах нельзя сказать, что делают. Скверно. Все трепещет и преклоняется пред Притычкиным. Победоносцев совсем одряхлел и не видит, что он сделался игрушкой в ловких руках людей, пустых, глупых и крайне недобросовестных. Теперь с приездом такого первенствующего члена, как Палладий, пойдет еще легче для Притычкина. Последний будет управлять и епархиею и всею церковью. Удержа ни в ком не будет.

27 н о я б р я. — Изгнание белого духовенства из состава синода, устроенное Победоносцевым якобы в интересах канонических и иерархических, есть не более не менее как хитрый обман публики. На самом же деле светская власть этим развязала себе руки. Кто бы теперь ни был в синоде зимою, сколько бы ни бился с светским произволом, как много ни откладывалось бы обер-прокурорских предложений «по их незаконности», все это ровно ничего не значит, так как летом, когда корифеи разъедутся по епархиям, а на их место вызовутся «летние» статисты, тогда всякое дело свободно пройдет. Теперь Притычкин не стесняется, так и говорит: «Это оставить до летних».

16 д е к а б р я. — Вчера было первое заседание у Палладия по вопросу об учебных заведениях. Дело держат почему-то в секрете. На заседании был Притычкин, — следовательно, своего архиереи ничего не только не сделают, но и не выскажут. И чего они боятся хоть потолковать-то одни? Семинарии, несомненно, деморализованы притычкинским режимом и его ставленниками. Везде наставлены ректорами и инспекторами мальчишки-монахи, которые, кроме собственного самолюбия и служения Притычкину, ничего не знают. Тактика у всех

одна. Все бывшее прежде их при духовенстве, — мерзость запустения. Они всех разгоняют и заменяют своими, причем действуют с крайним нахальством. Для них эта политика очень выгодна. Если что нехорошо, они оправдываются тем, что это результат прежнего. Если же ничего скандального не происходит, то они заслуги приписывают себе.

17 д е к а б р я. — Собрание архиереев, как и надо было ожидать, окончилось ничем. Прежде всего Палладий оказался уже вполне загипнотизированным Притычкиным. Остальные тоже не спелись. Иоанникий приехал с запискою, в которой прежде всего потребовал уничтожения теперешних ревизоров, которых он полагал заменить, как полагается по уставу семинарий, профессорами академий! Проект, очевидно, несостоятельный, и потому единогласно все архиереи высказались против него, указывая, что прежние академические ревизии можно назвать «пародиею». Тогда он предложил облечь ревизоров в рясы, чтобы они находились в большей нравственной зависимости от архиереев, чем находятся теперь ревизоры-генералы. Но и это признано неудобным. Тогда он остановился на том, чтобы ревизоры были не членами учебного комитета, а чиновниками особых поручений св. синода, и чтобы свои отчеты они представляли непосредственно сему последнему. С этим все согласились. Но какой же из этого может быть толк и смысл? Ведь ревизоры теперь сильны и может быть иногда неприятны архиереям потому, что они исполнители воли всесильного обер-прокурора. Значит, вся суть в нем. А если так, то чего же ходить кругом и около. Не лучше ли прямо и открыто поставить вопрос об отношениях светской власти к духовно-учебным заведениям и указать, что эти отношения ненормальны, что власть, долженствующая находиться в руках синода, узурпирована гр. Протасовым, насадившим для этого целый ряд бюрократических учреждений вроде духовно-учебного управления, канцелярии обер-прокурора и хозяйственного управления? Уничтожьте эти чиновничьи учреждения и передайте дело в руки непосредственно синода, и тогда, кто бы ни был ревизором, он будет слугою синода. А до тех пор какую кличку ему ни давайте, в какую шкуру его ни одевайте, — он все будет слуга обер-прокурора.

Высказаны были затем мысли о необходимости усилить духовно-нравственную настроенность в воспитанниках семинарий, усилить в них религиозность и, наконец, оградить богословскую науку от всяких вредных влияний. Для этого тот же Иоанникий предложил одеть всех преподавателей богословских предметов в рясы, а воспитанников старших классов заставить ходить раза три в неделю в церковь к богослужениям и усилить значение в семинариях духовников. Но что же

опять может выйти из этого? Ведь это — система католических семинарий, где она выработана веками и поддерживается папско-иезуитским началом. А у нас разве может это привиться?

Когда я учился в семинарии в шестидесятых годах, то у нас тоже старались воспитать религиозность длинными службами и заучиваньем, в виде наказания, псалмов и глав св. писания. Результат от этого получался как раз противоположный. Мы предпочитали просидеть всенощную в сквернейшей, грязной и душной сторожке, в бане, в хлебне, в дровах и сортирах, где зябнуть и мокнуть приходилось до костей, и всетаки не шли в церковь. А если инспекция загоняла, то забирались в темные углы, а летом на чердаки, и там происходила игра в карты, курение табаку, чтение книг и т. п.

19 декабря. — Обер-прокурор вчера сказал по поводу всех мыслей Иоанникия, что «он наговорил все в болото». Притычкин же радуется всему этому. С одной стороны, сами архиереи убеждаются в своей несостоятельности и волей-неволей должны броситься в объятия чиновников, а с другой, все подобные вышеизложенному проекты, сокращая круг знания и развития семинаристов, должны быть приятны Притычкину, так как с дураками он может легче справиться. Но, конечно, он и вида не показывает, а сидит на заседаниях, как овечка. Но зато за кулисами действует энергично.

Вот один из образчиков подобной его деятельности. Варшавский генерал-губернатор Гурко сообщил еще весною обер-прокурору о злоупотреблениях в холмско-варшавской консистории. Там, как оказалось по ревизии Чистовича [31]), была правильно организованная торговля правом возвратиться из православия в униатство и католичество. Дело обделывал несколько лет столоначальник-диакон, имевший в епархии везде своих подручных. Синод, выслушав доклад по ревизии,определил всю консисторию уволить. Но Притычкин настаивал еще и на том, чтобы сделан был запрос митрополиту Леонтию о том, каким де образом, управляя так долго епархиею, он не знал о таких безобразиях. Очевидно, здесь цель была та, чтобы насолить Леонтию, которого в семье Притычкина иначе не называют, как мужиком и невежею. Как Флавиан [32]) и Керский ни уговаривали Притычкина, но он, как товарищ обер-прокурора, настоял на своем. Леонтий, понятно, взбесился и подумал, что это интрига его преемника Флавиана. Когда же последний, оправдываясь, разъяснил дело, то митрополит захотел вывести дело на чистую воду и заявил синоду, что его рассматривали и решали летом при малом количестве случайных членов, не спросили у него никаких объяснений, и что он желает теперь снять с себя пятно и просит дело передоложить. Притычкин встрепенулся и поехал к Пал-

ладию. После переговоров с ним он приглашает в 1-м часу ночи секретаря Маркова [33]) и велит ему доложить дело на другой день, но так, чтобы составить из него «букет промахов и невнимательности Леонтия». «Мы его угостим на славу, — говорил он, потирая руки, — не забудет нас долго... Я переговорил обо всем с первенствующим»...

На другой день, лишь только началось заседание, как Палладий, сверх обыкновения, обращается к секретарю Маркову и говорит ему, чтобы он доложил варшавское дело. Понятно, что Леонтий сейчас же сообразил, что ему устроена ловушка, так как Палладий сам не мог знать, будет ли сегодня докладываться это дело и кто его будет докладывать. Марков, подойдя к пюпитру, стал в нерешительности, смотря то на членов, то на Притычкина. Последний сидел с самою иезуитскою физиономиею, опустив очи долу и как бы не слыша слов Палладия. Тогда Леонтий сказал, что он «теперь не желает этого доклада», что «незачем разрывать навоз», «мне хотелось только разъяснить кое-что членам синода, но теперь я отказываюсь от своего намерения». Тем дело и окончилось. И постоянно разыгрываются подобные истории.

23 декабря. — Если суждено когда-нибудь и кому-нибудь читать мой дневник, то читающий, вероятно, скажет, что я сильно и враждебно настроен против Саблера. Могу смело такого заверить, что лично я решительно ничего не имею. Я — маленький человек, делающий свое специальное дело, в которое никто не вмешивается, прежде всего потому, что ничего в нем не понимает. А потом, до архивов ли нашим дельцам? Ведь архив предполагает необходимость знания, серьезного труда, энергии, зрелой обдуманности. А у этих молодцов что есть? Ведь лучший, способнейший, энергичнейший и честнейший (в буквальном смысле) есть Саблер. Но что в нем есть, кроме внешности и светского лоска? Знание многих языков, ловкость, находчивость, пожалуй, наблюдательность и острословие и более решительно ничего. Ни знаний, ни принципов, ни убеждений. Все основано на случае, обстоятельствах и впечатлении. Можно ли такому человеку симпатизировать, особенно если видишь, что он, имея в руках громадную власть, пользуется ею по произволу, по личным симпатиям и антипатиям, а никак не для дела. У Притычкина к тому же под личиною доброты и заботливости существует еще страшный деспотизм. Ему ничего не стоит сделать какую угодно несправедливость, если только он встречает какой-нибудь намек на сопротивление ему.

28 декабря. — Митрополит Леонтий свалился. Объясняют, что он был сильно взволнован выходкой Притычкина, настоявшего на вышесказанном запросе и подстроившего новый доклад так, что Леонтий выходил во всяком случае виноватым. Хотя доклад и не состоялся, но, должно быть, Леонтий знал это. Во всяком случае, нужно сказать,

что с ним были и раньше припадки, обнаруживавшие склонность к удару. По сообщениям, дело его непоправимо. Значит еще сошел со сцены один митрополит. Итого в один почти год три митрополита умерли, а четвертый переведен!

31 декабря. — Еще окончился год. Какой можно подвести ему итог? В первом № «Церковного вестника» я написал статью «Отечественная церковь в минувшем году» [34]) и, собирая материалы, немного мог указать результатов правительственной деятельности в области церкви. Самое выдающееся было: тридцать переводов архиереев с одной кафедры на другую. Дело дошло до того, что Павла астраханского перевели в Могилев, а чрез две недели опять в Астрахань. Ясно, что Притычкин переводит зря, по первому впечатлению. И для чего развивают этот антиканонический, вредный во всех отношениях обычай? Как должны страдать епархии от этих частых перемещений и дела, не имеющие притом еще твердого и ясного основания в своем течении. К сожалению, это место ректор академии Борис, как цензор, не пропустил. Вероятно, он боится, как бы ему самому не пришлось зажиться на худой епархии. Но вместо этого он пропустил все касающееся узурпации власти св. синода чиновниками и, главным образом, обер-прокурором. Пропустил также и пожелания, чтобы наши семинарии как можно более соответствовали современным потребностям общества и жизни, а не были заведениями, устроенными на каких-то теоретических основах, с духовниками-иезуитами, с воспитанниками в подрясниках, с длинными волосами, ежедневно ходящими в церковь. Все предполагаемые теперь теоретическо-аскетические упражнения в семинариях, несомненно, поведут к развитию среди воспитанников иезуитизма. Фальшь, как бы она ни была благовидна, всегда порождает фальшь же. Иезуитизм предоставляет душе полный простор. Во что хочешь, в то и верь, кому хочешь, тому и молись, что хочешь, то и делай. Только прикройся церковностью. Ныне уже довольно много явилось таких субъектов. Саблер наплодил их и среди белого и, в особенности, среди монашествующего духовенства.

Интересно знать, обратят ли внимание на эту статью на Литейной. Если прочитают, то, несомненно, взбесятся, потому что она бьет не в бровь, а прямо в глаз.

1893 ГОД.

2 января. — Вести из Москвы самые неутешительные. Леонтий совершенно безнадежен. Если и поправится, то делами ни в каком случае не будет в состоянии заниматься. Положим, он никогда не был особенным деятелем, не имел особенных принципов и убеждений, плыл больше по течению и мнил о себе несравненно более, чем был

в действительности, тем не менее, как старый архиерей, у него были практические сведения и, кроме того, он любил проповедывать. Слова его хоть и не отличались ученостью и обилием мысли, но, как простенькие и коротенькие, были понятны и, вероятно, действенны на слушателей. Но ведь у большинства теперешних архиереев и этого малого нет. Они учились кое-как, после академии решительно ничего не читали, и когда сделались архиереями, то к науке и вообще книгам стали уже относиться враждебно.

8 января. — С «Церк. вестн.», кажется, что-то замышляют сделать. Палладий оказался крайне недоволен моею статьею «Отечественная церковь в минувшем году», увидев в отзыве об Исидоре намек на его беспочвенность. Л. Тихомиров, написавший в «Русском обозрении» статью: «Современное религиозное движение в обществе и отношение к нему духовенства» и получивший от меня же отповедь в 52 № «Церковного вестника», написал возражение в «Московских ведомостях» и прислал жалобу обер-прокурору. Вызывали ректора академии в качестве цензора, и редактора требуют к обер-прокурору. Палладий, говорят, требует от ректора имени автора статьи, а Борис, как бы не сознавая, что роль сыщика нейдет монаху-архимандриту, выбивается из сил, чтобы только найти виновного. Вот и пиши у нас! Как только увидят в зеркале свою кривую рожу, сейчас же зеркало бить...

27 января. — Теперь все наблюдают странные отношения между Палладием и Антонием выборгским. Последний — постриженник первого, и поэтому нужно было предполагать особенную приязнь между ними. Между тем Палладий, как человек крайне подозрительный и более всего ревнующий о своей славе, что свойственно натурам ограниченным и мелко-самолюбивым, увидал в Антонии своего конкурента в том смысле, что и духовное, и светское общество Петербурга более симпатизирует Антонию, чем ему, что Антоний перебьет у него популярность. И вот много было случаев, когда просили Антония, например, служить или просто присутствовать на каком-нибудь торжестве, но Палладий прямо и довольно грубо отклонял это, предлагая вместо Антония своего викария. Результатом этого явилась пока отчужденность, а затем, несомненно, будет и обостренность отношений.

2 февраля. — Злобу дня составляет иеромонах Арсений, возведенный Притычкиным в звание синодального миссионера. Помнится, я уже упоминал, что это невежественный и зараженный крайним самомнением начетчик, тип того деятеля, который выдвигается в последнее время в русской церкви благодаря взгляду прокурора и Притычкина на современные задачи русской церкви и духовенства и на средства деятельности. Они выдвигают людей, хотя и не особенно искусных

в книжном чтении, но зато несомненно, по их словам, преданных душою делу. В числе таких людей Ксенофонт Крючков и Арсений, оба — невежественные и плутоватые мужики-выжиги и оба — синодальные миссионеры. К этой же категории относится и Сергий Слепян — священник братского храма. Можно бы еще присоединить сюда несколько иноков и священников, составляющих одну продувную компанию, но я не буду забегать вперед с именами. Встретятся при случае — непременно отмечу. Теперь же возвращусь к Арсению. Последний, не допускаемый петербургским духовенством, и частью, даже полициею к чтениям и служению молебнов, при помощи которых он эксплоатирует общество, подбил кого-то пожертвовать землю в Гдовском уезде для устройства миссионерского монастыря. Палладий, не разобрав дела, представил его в синод. Там Иоанникий указал все несообразности условий пожертвования и главным образом то, что по этим условиям Арсений обязательно должен быть настоятелем этого монастыря. Антоний очень твердо заявил, что Арсений — личность невежественная, не могущая принести пользы делу. Просили все Палладия взять представление и предварительно пересмотреть и изменить некоторые условия, без чего синод затруднялся разрешить монастырь. Понятно, что Палладий, чувствуя свою опрометчивость, старался защитить представление и обещал исправить все после. Он даже очень резко выразился, что, если так будут ко всему придираться, то ничего нельзя будет и устроить хорошего. Возбужденный же возражениями Антония относительно невежественности Арсения, он, может быть, неожиданно для самого себя стал на защиту этой личности. И вот, чтобы доказать, что он прав в своем взгляде, выпустил Арсения беседовать вне богослужения в Исаакиевском соборе под смотрением кафедрального протоиерея. А чтобы привлечь побольше публики, объявили, что в антрактах будет петь полный хор исаакиевский и невский. Публика, конечно, рада послушать даровое хорошее пение, да еще во время масленицы и повалила «валом». Между тем совет общества распространения религиозно-нравственного просвещения, обсуждавший по поручению Палладия меры для борьбы в Петербурге с пашковщиной [35]) и, в частности, касавшийся деятельности Арсения, потому что совету было передано прошение «ревнителей православия со всего города Петербурга», где Арсений выставлялся единственным борцом, тогда как все приходское духовенство Петербурга и не умеет и не хочет ничего делать, — пришел к тому, между прочим, заключению, что миссионерская деятельность Арсения вредна и что ему нужно безусловно запретить всякие беседы. Отмечаю все это, как характерный факт современных течений и направлений. Интересно теперь знать, чем все это дело окончится.

10 февраля — Бывший черниговский губернатор Анастасьев, ныне член Госуд. совета, ходатайствует пред нашими генералами об открытии в Чернигове каких-то мощей [36]). Притычкин взял из архива дела об открытии мощей Митрофания и Тихона Воронежских. Бедные святые, до чего они дожили, что только по протекции генералов могут открыться их мощи!.. Но будет ли для кого польза от такого дела? Покойник Исидор в заседании синода раз довольно иронически высказывался о чудесах и чудотворных иконах. «Иногда, — говорил, — чудотворная икона начнет пользоваться большим уважением и таковое утвердится навсегда, а иногда скоро к ней охладеют. Вот, например, чудотворный образ, найденный около 60-х годов на Песках и поставленный в Исаакиевском соборе. Сначала народ безумствовал и чуть лавры не разнес, когда образ взяли в лавру для освидетельствования. Когда же перенесли в собор, то на первых порах было много молящихся, и мои соборяне выстроили несколько дач. А вот теперь все забыли об нем». Взгляд очень оригинальный и в известной степени верный.

12 февраля. — Синодальный миссионер Арсений вел три беседы в Исаакиевском соборе. Наговорил массу нелепостей, вроде того, что вне нашей церкви нет бога (после чего был пропет концерт: «С нами бог»), что богородица «искупает» нас от грехов (после этого концерт в честь богородицы) и т. п. Толстый протопоп исаакиевский Смирнов [37]), поставленный наблюдать за Арсением, сказал ему благодарственную речь, а почитатели поднесли адрес и икону. Словом, учинили всякий скандал. А между тем, когда председатель совета общества распространения религиозно-нравственного просвещения явился к митрополиту с представлением совета о противопашковских мерах и, между прочим, с взглядом на миссионерскую деятельность Арсения, то митрополит выразился о последнем, что «он — известный проходимец». Что же все это значит, куда приведет?

14 февраля. — Соборный протопоп Смирнов, наблюдавший за Арсением и сказавший ему благодарственную речь, возбудил против себя все мало-мальски мыслящее и честное духовенство. Его и так никто не любил, потому что он назначен был кафедральным, во-первых, не по заслугам, во-вторых, являлся исключительно ставленником Литейной и, в-третьих, сам по себе человек крайне антипатичный и низкопробный как в умственном, так и в нравственном отношениях. Ко всему этому Притычкин еще похвалялся на первых порах, что этим назначением они «унизили питерских попов», среди которых не нашлось ни одного достойного занять это место. Впрочем, теперь они, кажется, и сами не особенно-то любят Смирнова, потому что он слишком грубо проявляет своекорыстие в журнале, где вырезками занимается, гово-

рят, его семья и получает за это гонорар. Главным же образом он прорвался на своем учебнике, рекомендованном для церковно-приходских школ. Когда в синоде подписывали этот одобрительный протокол, то кто-то из членов прямо сказал: «А ведь сколько тысяч мы кладем в карман отцу Смирнову!» Хозяйственное управление заказывает ему обыкновенно сотнями тысяч, и они на первых порах назначали за экземпляр что-то очень дорого, больше, чем следовало. Это, наконец, обратило внимание даже Саблера, и он стал даже возмущаться и вслух говорить, что «такое корыстолюбие впору даже и отцу кафедральному». Исидор тоже не любил его, и, если заходила речь о нем, то он обыкновенно показывал вид, что не помнит его фамилии и говорил так: «вот есть в Исаакиевском соборе протопоп, — как его фамилия, не помню; ну, вот что из Москвы, толстый такой»... Этим он, конечно, показывал вид, что перевел его не по собственному желанию, а вынужденно и что даже не может помириться с этим.

16 февраля. — Обер-прокурор на-днях ездил в Москву, а теперь, говорят, уезжает Саблер. Причина этих поездок будто бы Леонтий, который, по слухам, совсем плох. Кроме того, слышно, он поет по временам неприличные песни, шумит, буянит. Все это соблазняет крайне москвичей. Нужно же его убрать куда-нибудь в укромный монастырь. Вот интересно. Если да—это дело выпадет на долю Саблера! Ведь по человеческим расчетам он был немалою причиною болезни Леонтия, так как по его настоянию был послан указ в Москву с требованием объяснений по варшавскому делу. К тому же, пред святками, когда Леонтий потребовал пересмотра при нем дела, то Притычкин так инструктировал секретаря-докладчика, что ему бы не вывернуться, что Леонтий понял и бросил свое намерение. Словом, здесь сказалось личное нерасположение Саблера к Леонтию, которое никогда не скрывалось. Но какие же нужны нервы, чтобы после всего происшедшего взять на себя еще обязанность устраивать сумасшедшего Леонтия!..

Есть слухи, что в Москву пошлют или Сергия или Антония. Первого как старейшего, а второго как протеже Победоносцевой. Последняя своим постоянным пребыванием при служениях Антония и чрезмерным покровительством чрез мужа Антонию начинает компрометировать последнего. Но, несомненно, что Антоний, всетаки желательнее митрополитом, чем Сергий. Не говоря уже о том, что Сергий — развалина и в физическом и в духовном смысле, он крайне несимпатичен, потому что со времен еще Московской академии, как рассказывал мне многие факты покойный П. Е. Покровский, главный священник [38]), проявлял себя человеком крайне фальшивым. И теперь он остался таким же: ломает из себя Филарета, но, конечно, дальше внешности это нейдет и не может итти.

17 февраля. — Вчера нарекали нового архиерея — Иоанникия викарием в Киев. Прежде он был ректором в Могилеве. Интересно, что этот новонареченный был пятым ректором в Могилевской семинарии в течение девяти лет. Следовательно, менее чем через два года меняются ректора. Значит, семинарии сделались ареною для иерархических прохождений и ступеней молодых монахов. Синод не обращает никакого внимания на эту аномалию. Он привык итти на буксире у чиновников и остается верным себе. Всмотревшись в деятельность синодальную, приходится убедиться, что он есть не больше, как ширма для чиновников, за которою они действуют по своему произволу. Что Саблер выделывает с молодыми монахами разные эксперименты, это тоже понятно. Он человек впечатления, а не мысли. Но чего же смотрит Победоносцев? Ведь он человек мыслящий, образованный, способный не только понимать, но и создавать известную систему. Ужели он не понимает, что отсутствие всякой системы в воспитании принесет, в конце концов, страшный вред. У нас же теперь в духовно-учебных заведениях не только нет положительной системы, но прямо происходит какая-то деморализация, и учебная, и воспитательная. Ректорами и инспекторами назначают, не говоря о том уже, что мальчишек в умственном отношении, но до очевидности нахальных в нравственном. Что же кроме деморализации они могут внести в среду учительскую и ученическую? Даже наш деревянный учебный комитет и тот сознает, что учебно-воспитательное дело стоит скверно. По его настоянию, председатель Парвов говорил неоднократно Победоносцеву, чтобы не назначали со школьной скамьи инспекторов, как имеющих особенно важное значение в семинарской жизни. И из этого ровно ничего не вышло. Прикрывается хитрый старичок тем, что ведь это назначает не он, а синод.

1 марта. — Кто пережил этот день в Петербурге двенадцать лет тому назад, тот никогда его не забудет. Первые дни после катастрофы все были больше заняты подробностями. Будущее было закрыто темною завесою. Хотя у всех была уверенность, что дальше начнется русское направление, так как известно было, что наследник не любил немцев, но никто не знал, как подействовало на нового государя 1-е марта. Начали ходить слухи, что в Гатчине собираются большие советы. У дел оставались все еще прежние лица. Накануне пасхи мне пришлось быть у Н. В. Исакова [39]) по поручению Московской комиссии народных чтений с просьбою выдать на пасху для народных чтений картины для волшебного фонаря, которые имелись в военно-педагогическом музее. Исаков принял меня очень любезно и долго расспрашивал о деятельности комиссии, о том, что способствует и что мешает ее развитию, о стремлении к образованию простого народа. Я, заручившись

его дозволением говорить откровенно, без всякой официальности, передал ему все, что действительно пережила комиссия, с которою хорошо был знаком по своей предшествующей в Москве деятельности в течение лет пяти. В заключение разговора Исаков встал и попросил меня передать Московской комиссии красное яйцо, состоящее в том, что с новым царствованием народное образование будет разливаться широкою и свободною волною и что дело народных чтений будет легко устраиваться всюду. То же мне подтвердил и В. П. Коховский [40]), к которому я зашел от Исакова, говоря, что у них теперь грандиознейшие проекты... Но через несколько дней мы прочитали, что все эти лица Милютин [41]), Лорис [42]), Абаза [43]), Исаков и др. вышли в отставку. Впрочем, их предсказания сбылись, хотя и не вполне. Дозволено было духовенству вести внебогослужебные беседы. Теперь всюду заводятся церковно-приходские школы и вообще духовенству вручается мало-по-малу дело народного образования.

6 м а р т а. — Говорят, сегодня Притычкин едет в Новгород. Причины могут быть две. Или они Сергию обещают только Москву, а хотят дать ее Феогносту новгородскому, о чем ходят последнее время слухи, или Саблер хочет покончить с консисторией. Дело в том, что сразу же после смерти Исидора назначены были ревизии и в новгородскую и в петербургскую консистории [44]). В первой производил ревизию Чистович с секретарем Марковым, а во второй — Зинченко с секретарем Токмаковым. Несмотря на то, что о новгородской консистории, действительно, было всем хорошо известно, что она одна из распушеннейших в нравственном отношении, что она, пользуясь отдаленностью митрополита, его положением и доверием к консистории, делала дела, не стесняясь. Особенно там отличался член консистории протоиерей Павел Тихомиров. Человек — от природы неглупый, но, главное, с деловым направлением и необыкновенной энергией. Он около тридцати лет буквально управлял новгородской епархиею. Исидор относился к нему так. Едет, например, в Новгород новый викарий. На прощанье митрополит и говорит ему: «Ведь ты мало с делами-то знаком и Новгорода не знаешь. Поэтому на первых порах учись, присматривайся, прислушивайся и советуйся. Вот там есть кафедральный Орнатский, старик почтенный, но он ничего не делает, а только говорит, и, если ему дают, то берет, но, когда не сделает и потребуют данное назад, то отдает. С ним, значит, нечего и советоваться. А вот там есть знаменский протоиерей Тихомиров. Этот хоть и взяточник, да дельный и опытный человек. Вот ты с ним и побеседуй и посоветуйся». Понятно, что всякий викарий, получив такие инструкции, не решался вступить с Тихомировым и вообще с консисторией в препирательства, тем более, что весьма скоро убеждался в бесполезности этого. Если викарий не соглашался

с мнением и решением консистории, то Исидор всегда почти становился на сторону последней. Тамошний секретарь Бернадский [45]), приехав в Новгород, пытался, было, бороться с Тихомировым, но, под влиянием своей хорошенькой жены, желавшей принимать у себя общество, скоро стал на обычную почву: брать, что дадут. Благодаря этому были возмутительнейшие факты, и новгородская епархия стоном стонала. Все это хорошо было известно и Победоносцеву и Саблеру. Последний прямо говорил об этом. Посылают Чистовича в надежде, что он все раскроет. И что же? Так как все делопроизводство с внешней стороны оказалось в образцовом порядке, то Чистович и пришел к заключению в своем отчете, что злоупотреблений никаких не замечено. Как будто опытные мошенники не стараются всегда скрыть и замаскировать следы своих преступлений. Что же касается до Тихомирова, то, хотя и викарий ему заявлял, что много получается жалоб на него, но Чистович уверил или старался уверить обер-прокурора, что, «если это и верно, то все-таки его сейчас нельзя увольнять, так как некем заменить». Словом, глупее этой ревизии ничего не могло быть. Чистович провалился страшно. Полагать надобно, что Саблер и поехал докончить неоконченное, т. е. сказать, кому следует, чтобы убирались по добру, по здорову. Кстати о ревизиях. Прежде они назначались синодом по предложению обер-прокурора. Синоду же представлялся отчет. Ныне порядок изменен. Назначает ревизии обер-прокурор. Отчеты синоду не докладываются, а результаты ревизии неофициальным путем сообщаются кому следует. Так, например, по петербургской консистории отчет неизвестно где. А секретарю Зуеву предложили оставить должность. Равным образом, выгнали и большинство столоначальников. Таким образом, Литейная подобрала к рукам и консистории. А синод будет только выслушивать прошения членов и секретарей консистории об увольнении и предложения обер-прокурора об определении таких-то новых. Жалкая роль!

10 м а р т а. — Профессор Скабаланович [46]) отказался от редакторства «Церковного вестника». Он вынужден был к этому тем, что ректор Борис-цензор ныл и плакал повсюду, что «Церковный вестник» не дает ему покоя. Он лишился из-за него сна и пищи. Ему все грезится, что его выругает или митрополит или обер-прокурор за какое-нибудь выражение! Вот до чего дошли нынешние ученые монахи. Взглянуть на дело принципиально они не умеют, а если другие говорят, то они боятся, как бы рикошетом не попало в них... Очень жаль, что Скабаланович отказался. Он вел это дело около девяти лет твердо и определенно, так что образовался известный круг читателей у журнала. Несмотря на цензорские гонения и общее направление, совсем невыгодное для самостоятельности журнала, и, наконец, существование для духовен-

ства двух обязательных органов — «Церковных ведомостей» и епархиальных, за последнее время цифра подписчиков возросла до 3½ тысяч, что слишком хорошо для духовного журнала. На его место выбрали Лопухина [47]). Говорят, что он человек легковесный и вообще склонен нос держать по ветру. Если так, то, конечно, подписчиков потеряют быстро. А Литейной это и на руку. Еще закроется журнал.

12 марта. — Недавно собирался товарищеский кружок из студентов академии. Был и я. Вспоминали старину и судили о настоящем. Разговор как-то коснулся похорон Тургенева, где Михаилу Ильичу Соколову [48]) пришлось играть некоторую роль, так как его просили сказать проповедь, и он это обещал. Суть дела заключается в том, что, когда узнали о привозе Тургенева в Россию, то составился против этого триумвират из Победоносцева, Делянова [49]) и Толстого, телеграфировавший в Данию, где был тогда государь, чтобы не дозволяли его привозить. Ответ получился, говорят, отрицательный. Тогда постарались уменьшить, насколько возможно, ту помпу, которою хотели окружить похороны распорядители оных. Последние пригласили для обедни и отпевания архиерея. Победоносцев поехал к Исидору и просил его не разрешать архиерейского служения, говоря, что Тургенев, как человек неверующий, никогда не ходивший в церковь, не исповедавший ее постановлений, наконец, как постоянно якшавшийся с нигилистами и анархистами, совсем не заслуживает погребения... Но Исидор с свойственною ему невозмутимостью не находил причин к отказу погребения, так как за все соделанное ответит пред богом сам почивший, не становившийся никогда в открытое противление с церковью. Что же касается архиерейского отпевания, то он находил его вполне целесообразным ввиду того, что на погребении будет много и такого народу, который никогда не видал архиерейского служения. Не добившись ничего от Исидора, Победоносцев обрушился на М. И. Соколова, который на вышесказанном товарищеском собрании передал нам, что ему пришлось объясняться с обер-прокурором целых два часа. Сначала он напал на него за то, что Соколов без дозволения принял предложение говорить проповедь. Но последний ответил обер-прокурору, что писать проповеди — «обязанность каждого священника, что дело начальства только разрешать или не разрешать говорить». Тогда Победоносцев начал говорить, что у нас вообще нет после Филарета ни одного проповедника, и спросил, о чем же хочет говорить Соколов о Тургеневе. Михаил Ильич ответил, что он остановится главным образом на том, что Тургенев был проповедником и проводником в обществе гуманных начал, идей, подготовивших общество к великой освободительной реформе, но при этом выскажет и сожаление, что он неопределенно относился к церкви, к христианскому

учению. Здесь Победоносцев не выдержал и разразился следующими словами: «Вы все восхваляете гуманные идеи, освободительную реформу, а знаете ли, что это страшная гибель наша, не будь всего этого, не было бы и тех зол, которые испытывает и переживает теперь Россия». И много говорилось на эту тему. В конце концов, так воздействовали на Исидора, что он посоветовал Соколову сказаться больным и проповеди не говорить.

17 марта. — Говорят инспектор академии Исидор и днюет и ночует у Палладия. Благодаря этому у него теперь явился такой разбитной тон, которого и ожидать нельзя было. Он уже чувствует свою силу, свое положение и высказывает свои суждения там, где его и не спрашивают. Вероятно, будет давать скоро нотации и профессорам. Ведь и Палладий тоже, что Исидор. Но судьба первого выдвинула, и он уверен в своих достоинствах и уме. Несомненно, что то же самое будет и с Исидором. Теперь если сделается обер-прокурором и умнейший и честнейший человек, то ему будет трудно справляться с делами благодаря тому, что личный состав иерархии в большинстве случаев ниже всякой критики. А когда начнут действовать саблеровские монахи, то это будет самое худшее время в русской церкви, потому что — поголовное и абсолютное невежество, соединенное с самомнением и низкопробною нравственностью. Политика Саблера, несомненно, развратит их вконец.

20 марта. — Вчера в академии был коллоквиум Н. К. Никольского [50]), представившего случайно на магистра «Климента Смолятича» вместо пропущенной уже его магистерской диссертации о «Кириллово-Белозерском монастыре». На коллоквиуме был Палладий и очень грубо и глупо, говорят, вмешался в возражения В. И. Ламанского. Невысокого мнения были о нем раньше, а теперь увидали, что он, не сознавая своего убожества, обладает крайним самомнением и смелостью, присущим всем истинным невеждам. Интересное, говорят, было заседание совета после коллоквиума. Палладий велел принять вольнослушателем, но с правами студента, какого-то реалиста. Совет высказался, что это незаконно, так как митрополит не имеет на это права. Вдруг Исидор начинает говорить с необузданностью, что какие там уставы, законы и права... Раз владыко приказывает, то никто не имеет права возражать, а все должны беспрекословно исполнять его волю. Профессора пытались, было, его остановить, но он говорил дерзости. Ректор, по обычаю, безгласен, яко агнец. Тогда совершенно неожиданно поднимает свой голос Ф. Г. Елеонский [51]) и говорит Исидору, что он, как профессор и старик, считает должным, раз ректор молчит, сделать ему, Исидору, как еще юнцу, замечание и выговор за неприличный тон и неосновательные мысли. Вот какими вещами

приходится заниматься теперь в совете! Конечно, Елеонскому это даром не пройдет. Палладий, как монах, отомстит ему при случае. А вот случай в последнем заседании синода. Недели две тому назад докладывалось одно бракоразводное дело. Палладий заговорил первый, что развести нельзя. Другие не настаивали. Между тем Притычкину хотелось почему-то развести. Он сделал обычных ему два-три хода, но оказалось безуспешно, потому что Палладий уперся на своем. Состоялось и решение синода, что в разводе отказать. Тогда Саблер приказывает с протоколом позамедлить. Проходит две недели. Иоанникий уезжает в Киев. Саблер, никем не стесняемый, приказывает вновь доложить. Докладывают слово в слово. Не успели еще окончить доклада, как Палладий говорит, что, конечно, это дело бесспорное, нужно развести... Мне кажется, что Саблер не довольствовался простым удовлетворением его желания, а ему нужно было и издевательством показать всем, что Палладий без всякого зазрения совести будет болтать то, что нужно Саблеру. И как после этого ему не игнорировать постановлений синода! Дело дошло до того, что на указ синода о лишении диакона сана и исключении его из духовного звания епархиальный архиерей (Сергий, бывший тогда в Кишиневе) отвечает, что указ о том-то получил, но вследствие письма В. К. Саблера, бывшего тогда еще управляющим синодальной канцелярией, дал диакону место. И этот рапорт, говорят, приобщен к делу.

2 а п р е л я. — Был у меня сегодня с визитом Антоний выборгский. Посидел с полчаса, говорили о положении дел в Финляндии, о задачах там православия. Не одобряет «Московские ведомости», проявляющие большой и бестолковый задор к Финляндии, могущий совершенно напрасно фанатизировать толпу. Ей, в общем совершенно спокойной и весьма благодушно относящейся к православию, начинают теперь преподносить и развивать мысль о том, что русское правительство хочет насильно обратить всех в православие. Понятно, что после всего этого православному епископу трудно будет и показаться в Финляндии. Теперешняя задача Антония — строить там церкви и школы и тем действительно создать православных, имеющихся ныне номинально. Для этого необходимы средства. Дадут ли?

8 а п р е л я. — Вчера было первое заседание синода после пасхи. Решили участь Леонтия. Обер-прокурор сделал предложение синоду и представил заключения докторов, которые утверждают, что он непоправим. Но долго спорили о том, как его сплавить. Подробностей пока не знаю, потому что заседание было секретное. Но, несомненно, что решение этого вопроса нудил Притычкин, который не терпит Леонтия. Решили послать управляющим Сергия, оставляя его одесским. Леонтий же будет жить в Черкизове, называться и поминаться митро-

политом московским и получать все содержание. Полагать надобно, что такое положение добьет его. Если же он всетаки выживет, то через несколько месяцев его и совсем уволят. По крайней мере, Сергий вчера же вечером говорил поздравлявшим его, что такое ненормальное положение его в Москве может продлиться месяца два-три. Между тем Победоносцев отзывается о Сергии, как человеке крайне сухом, формальном, бессердечном. К тому же человеку 73—74 года, и всю жизнь он только подражал Филарету или, точнее, копировал его по внешним приемам. Дельного же и умного никто и никогда от него не слыхивал. К тому же этот человек не брезгает никакими средствами. Главный священник П. Е. Покровский, бывший более сорока лет на службе в Москве и любимец Филарета, много рассказывал мне случаев из жизни Сергия, когда он был ректором академии в Москве. Из этих рассказов можно вывести одно, что Сергий сегодня пред сильным и нужным человеком будет заискивать и ползать чуть ли не на коленях, а завтра, если минует надобность или изменятся обстоятельства, то он и не узнает этого человека. И вот такого-то деятеля назначают в Москву! А впрочем, кого же и назначить? Лучшие из старших подобрались, а новые монахи во всех отношениях представляют из себя только один позор. Если худо теперь, то еще будет хуже впоследствии. Умственный и нравственный [уровень] не высок и теперь, но дальше он все идет под гору. Недавно ревизор П. И. Нечаев, возвратившийся с ревизии кишиневской семинарии, рассказывал про бывшего тамошнего архиерея Исаакия [52]) невероятные вещи. Он сблизился с секретарем консистории, который открыто брал взятки за каждое место; они вместе пьянствовали и, главное, архиерей ездил в женское училище и к себе приглашал красивых учениц старших классов и задавал им щупки и обнимал их... об этом знал весь город, все говорили и возмущались, а у нас за такие вещи едва решились перевести Исаакия в другую епархию. Хорошо, что его разбил в пьяном виде паралич, и теперь решили, что если и поправится, то не давать ему епархии.

10 а п р ё л я. — А всетаки, как ни плохи нынешние архиереи, они, несомненно, лучше будущих — притычкинских ставленников, разных Исидоров, Климентов и т. п. Первые всетаки проходили хоть какую-нибудь школу. Когда они учились, быть может, некоторые и с грехом пополам, то всетаки все, не исключая и их самих, сознавали, что плохо учиться — вещь скверная. Затем их хоть и назначали на привилегированные места, тем не менее выдерживали на этих местах довольно долго. Сотрудничая в «Церковном вестнике» девять лет и принимая теперь участие в составлении биографического словаря, издаваемого историческим обществом, я имел случай составить за это время массу некрологов и биографий архиерейских и из всего этого

вывел заключение, что до семидесятых годов почти нынешнего столетия ученых монахов выдрессировывали надлежащим образом. Лет десять он учительствует и инспекторствует и за все это время должен являть собою образец смирения, покорности, послушания и т. п. Затем, если он выдерживал искус, то назначали ректором и опять лет на шесть, на десять. Человек побывает за все это время в разных местах России, повидается с разными людьми, насмотрится и ознакомится с разными порядками, наконец, приучится к самостоятельной учебно-воспитательной, хозяйственной и административной деятельности, и тогда уже его делали архиереем. В филаретовские времена был в употреблении термин: «Этот уже созрел для архиерейства». Что же мы видим теперь? На академической скамье внушают, что наука, знание — вздор. Не успеет мальчишка-монах окончить курс, как его сейчас же — инспектором семинарии! Через год, много два — ректор и архимандрит. Все кричат, газеты печатают, что такой-то поехал туда, служил там-то, говорил о том-то. Образованному и твердому человеку вскружат голову. А мальчишкам, у которых и головы-то нет никакой, понятно, совсем от этих похвал и рекламы плохо. Ну, вот, например, теперешний инспектор академии Исидор еще двух лет не окончил курс, и притом окончил-то из милости, и вот занимает такое место, архимандрит, и дают Анну 2-й степени. Ведь это и позор и разврат! Я пари держу, что через год его сделают викарием, если, конечно, Притычкин и Палладий останутся в силе. Все члены синода и все архиереи возмущаются этими порядками и тем не менее подписывают протоколы о производствах и награждениях Исидора. Сергий, например, ужасно возмущался, что ему привезли подписывать протокол о производстве Исидора в архимандриты в страстной четверг, когда, по его словам, и некогда и настроение должно быть молитвенное, а не протокольное. Но как же не торопиться было с протоколом, когда Исидор еще в вербное воскресенье был уже сделан архимандритом, и Палладий подарил ему даже архиерейскую мантию. А дело было так, что Палладий попросил Притычкина о производстве Исидора, тот согласился и сказал: «Докладывать синоду мы не будем, а вы, владыко, произведите его, я же велю составить протокол и пошлю к членам на подписание». У нас ведь теперь и все так делается. Даже решения синода Притычкин изменяет по-своему. Бывают, например, такие случаи. Докладывают какое-нибудь дело. Притычкин предлагает свой проект решения. Но кто-нибудь из членов скажет по-своему, и остальные согласятся. Подают протокол, составленный согласно решения синода. Притычкин черкает его, исправляет согласно своего предположения и делает еще секретарю выговор, что он не так составляет определение, как постановил синод. Некоторые принимают выговоры

с покорностью, а некоторые представляют ему докладной реестр с черновыми резолюциями. Конечно, Притычкин, ничтоже сумняся, или делает вид, что не замечает представленного, или же скажет, что резолюция неверно записана.

12 апреля. — Невольно приходит вопрос: да какая же цель всей этой кутерьмы? Для чего, например, разрушать академический строй, ставя туда ректоров и инспекторов — молодых, неопытных и неспособных монахов? Для чего принижать и разрушать научное здание, еще такое у нас слабое и едва-едва существующее? Для чего ставить миссионерами разных Крючковых, Арсениев, Слепянов и т. п.? Для чего так искусственно, теплично разводить монахов, которые от первого холодного дуновения, несомненно, рассеются, как дым, и которые даже при благоприятных обстоятельствах никогда не дадут никакого плода, а всегда останутся пустоцветом? Для чего, наконец, эта ненависть к белому духовенству, которое стараются гнести и гнести до последней степени? Для чего, спрашивается, все это? А все это имеет одну конечную цель: как можно более понизить умственный уровень духовенства, потому что дураками легче управлять, дураки послушнее, исполнительнее, не так требовательны... Для вида мы оставляем академии, как будто даже поощряем научные занятия, особенно, когда они не имеют никакого направления, заботимся об учебной части в семинариях... Но все это напоказ. В существе же дела мы выдвигаем невежество, бездарность, умственное и нравственное ничтожество. Мы намеренно стараемся развратить людей способных и знающих, кого привлекая выгодами, кого теша удовлетворением самолюбия и честолюбия, кого запугивая. А если кто не поддается на эту удочку, то с тем мы без всякой церемонии и разделаемся... Нам дозволены все средства, потому что мы воображаем, что наша цель — благо.

19 апреля. — Интересная разыгрывается история с Москвою. Притычкин, вообще не долюбливавший Леонтия, всячески старался и хлопотал уволить его на покой. Наконец, он представил синоду, что временно управляющий митрополиею еп. Александр [53]) никуда не годится, что его нужно уволить даже от викариатства. Кроме того, в мае будет в Москве государь, которого нужно встречать. Для этого необходимо лицо и опытное и заслуженное. И вот, в конце концов, уговорил святейший синод, чтобы последний назначил пока временно управлять епархиею Сергия херсонского, оставляя Леонтия до времени митрополитом. Москва, узнав об этом, заволновалась. Между тем доклад, говорят, уже послан в Ливадию, и ждут утверждения. Вдруг сегодня из Москвы во всех газетах телеграммы о том, что Леонтий уже настолько поправился, что 18 числа служил и говорил поучение. Конечно, особенно доверять этим телеграммам тоже нельзя. Несо-

мненно, что ими стараются задержать, если не помешать назначению и присылке Сергия. Но публика в недоумении. Она, с одной стороны, видит, что Леонтий как будто и здоров, а с другой, что на его место назначают такого человека, который уже останется в Москве навсегда. Невольно является предположение, что дело тут нечисто. Да оно так и есть. Дело гнусное...

22 апреля. — В городе очень много толков о московском деле. Увольнение Леонтия связывают с делом о каких-то векселях Саблера. Дело это рассматривалось уже в московском окружном суде, и сущность его, по слухам, заключается в следующем. Будто бы Саблер через какого-то архимандрита взял у какой-то барыни 15 тысяч рублей и выдал какие-то кому-то векселя или заемные письма, каковые барыня и представила ко взысканию. Саблер на суде, по одним [сведениям] вошел в сделку с этою барынею, по другим — доказал фальшивость долговых обязательств. Но дело, во всяком разе, скандальное, и его стараются держать в секрете. Но молва и сплетня не дремлют. И вот теперь приятели даже Саблера всюду разглашают, что ему необходимо поскорее удалить Леонтия, чтобы иметь непосредственное влияние на архимандрита, находящегося будто бы под особенным покровительством митрополита и не боящегося потому показывать всю правду о векселях. Не думаю, чтобы тут была хоть капля истины. Едва ли Саблер способен на такие грязные дела уже по одному тому, что они крайне рискованны. У него масса врагов-завистников, которые не преминут воспользоваться всем этим для того, чтобы подставить ножку в его быстром канканированьи. А впрочем, все может быть. Нравственных принципов у него нет решительно никаких. Он не разбирает ни целей, ни средств... К тому же совершенно ни для кого не понятна и ничем не объяснима та поспешность, с какою он стремился устранить Леонтия. Ведь и по закону психически больной сохраняет за собою право оставаться целый год на службе... Не лучше ли было бы, не блазня москвичей и в интересах здоровья Леонтия, удалить его куда-нибудь на все это время, обставив, конечно, самым правильным и заботливым образом его жизнь? А между тем об этом-то решительно никто и не позаботился. Всеподданнейший доклад о назначении управлять епархиею Сергию херсонскому уже утвержден и получен. А между тем Саблер вызван генерал-губернатором в Москву и до сих пор еще не возвратился. Победоносцев хватается за голову и не знает, что делать. Сергий же херсонский, так легкомысленно согласившийся ехать в Москву, заболел. Говорю легкомысленно потому, что, действительно, иначе и нельзя никак назвать его поступка. Феогност новгородский, к которому Притычкин летал в посту и предлагал ехать в Москву — уклонился. Тогда взялись за Сергия. Всякий,

конечно, понимает, что, если уже Леонтий безнадежен, то необходимо его совсем уволить и назначить прямо на его место нового митрополита. Назначать же старейшего архиепископа временно управлять епархиею с оставлением попрежнему обоим титулов и содержания — вещь более, чем ненормальная. Это значит, временный будет нудить больного скорее очистить ему место. И чем можно мотивировать все это? Говорят, что необходимо встречать в мае государя в Москве, который прибудет туда на закладку памятника и на десятилетие коронации. Но ведь для этого целесообразнее прислать кого-либо из присутствующих в синоде — Сергия или Антония. А к тому же, говорят, что государь-то, может быть и не будет.

28 а п р е л я. — За последнее время весь город занят московским делом. Все интересуются, что сделает Победоносцев с испрошенным высочайшим повелением относительно посылки Сергия в Москву для временного управления епархиею. После тех телеграмм, которые возвестили всей России о выздоровлении митрополита, и напечатания его речи, хотя и сочиненной, как все утверждают, Елпидофором Барсовым [54]), явился еще адрес митрополиту от Московской академии, где слишком настойчиво проводится мысль о совершенном выздоровлении Леонтия. Адрес подписан всеми профессорами, даже Субботиным [55]), и поднесен и напечатан в то время, когда Притычкин был в Москве. «Своя своих не познаша». Это уже скандал более, чем небывалый в летописях академий. Положим, что Московская академия, хорошо помнящая Сергия, как ректора, имеет все основания не желать его митрополитом. Но пускаться всей академии в такие интриги, благодарить бога, воздвигшего, якобы, болящего от одра болезни, в то время, когда всем и каждому хорошо известно, что болящий болеет и притом совершенно безнадежно — это вещь, крайне для академии неприличная. Впрочем, чего же и ждать от нынешних академий, которые сделались местом фабрикации монахов и разных проходимцев вроде их родоначальника Притычкина? Ученики, несомненно, превзойдут своего учителя, и как будет приятно, если последний когда-нибудь пожнет то, что он так усердно насаждает! А возбуждение против Притычкина все растет и растет. Хозяйственники, не стесняясь, упрекают его во взяточничестве. Положим, у них свои счеты, и притом не на жизнь, а на-смерть. Поэтому особенно-то верить нельзя. Но есть факты весьма странные, во всяком случае, далеко не подтверждающие той аристидовской честности, которую он всем сует в глаза. Во-первых, несомненно, что в московском окружном суде недавно у него было дело о каких-то векселях. Передают, что один архимандрит взял для него денег 15 тысяч рублей у некоей Хлюстиной и выдал ей саблеровские векселя, оказавшиеся будто бы фальшивыми. Однако суд, расска-

зывают, не признал никого виновным в составлении подложных векселей, а архимандрит-посредник, по словам Гаврилова, находится теперь в вологодской епархии. В городе же сплетничают, что потому Притычкин и торопился так спровадить Леонтия, что последний имел будто бы чрез этого архимандрита всю возможность разоблачить дело. По словам Гаврилова, близко знакомого с Леонтием, последний пред Рождеством сильно тяготился «делом о векселькахъ», как он выражался. Значит, тут, действительно, что-нибудь да есть, и притом очень нехорошее. Даже приятели и клевреты Притычкина стали говорить не в его пользу.

5 м а я. — При всем желании не знать, что делает г. Притычкин, приходится волей-неволей слышать постоянно о его подвигах. Все начинают возмущаться его разнузданностью и бесцеремонностью, не останавливающеюся ни пред чем. Это человек, который, раз перейдя нравственный рубикон, закусил теперь удила и не знает или не хочет знать решительно никаких границ благоразумия. Все стоном стонет, что осталось хоть сколько-нибудь нравственного, стонет потому, что тяжело, невыносимо тяжело приходится. Зато ликует и рукоплещет все, что утратило всякий стыд и совесть, у кого нет ни знания, ни образования, ни трудолюбия, а одно только нахальство и корыстность. Приди, поклонись Притычкину и бери сколько хочешь. Например, назначили недавно члена-ревизора начальника отделения канцелярии обер-прокурора Докучаева, который 26 лет тому назад как окончил курс и все время был чиновником, никогда не бравшим никакой книги в руки. Хорош будет ревизор? А почему это сделали? Поклонился Притычкину, и, кроме того, нужно было поместить на его место столоначальника Преображенского, женившегося на племяннице Керского. Вот как у нас дела делаются!

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Амвросий (Алекс. Иосиф. Ключарев), архиеп. харьковский с 1886 г., умер в 1901 г.

[2]) Филарет (Димитрий Григ. Гумилевский), архиеп. черниговский; род. в 1805 г., еп. рижский с 1841 г., архиеп. харьковский с 1859 г., писатель-богослов и историк русской церкви.

[3]) Буткевич, Тимофей Ив., прот., магистр богословия; проф. Харьковского университета.

[4]) Антоний (Алекс. Храповицкий), ректор Московской дух. академии с 1890 г., ректор Казанской дух. ак. с 1895 г.; еп. чебоксарский с 1897 г., еп. волынский с 1902 г.; член Госуд. совета по выборам с 1906 г. Ярый черносотенец; после революции эмигрировал за границу, где возглавляет монархические организации.

[5]) Леонтий (Иван Лебединский), архиеп. холмский и варшавский с 1875 г.; митр. московский с 1891 г.

[6]) Саблер, Влад. Карл. (во время импер. войны принял фамилию «Десятовский»), носил среди синодских чиновников прозвище «Притычкин», товарищ обер-прокурора синода, сенатор, род. в 1847 г., из дворян; по окончании в 1867 г. Московского университета и по защите диссертации «О значении давности в уголовном праве» утвержден в степени магистра уголовного права; доцент Московского университета по кафедре уголовного судоустройства и судопроизводства; в 1873 г. переходит на службу в собственную его величества канцелярию по II отделению; правитель дел совета СПБ. женского патриотического общества с 1874 г., состоял с 1876 г. «при особе великой княгини Екатерины Михайловны», с обязанностью «находиться при ее высочестве во время приема лиц дипломатического корпуса и при других случаях, а также в случае надобности сопровождать ее высочество в поездках за границу»; с 1880 г. состоял в ряде комиссий по вопросам, связанным с уложением о наказаниях, и причисленным к государственной канцелярии; с 1881 г. начинает службу по ведомству православного исповедания и проходит ее в должностях: юрисконсульта при обер-прокуроре (с 1881 г.), управляющего канцелярией синода (с 1883 г.), товарища обер-прокурора (с 1892 г.); с 1896 г. сенатор; крупный землевладелец.

[7]) Исидор (Яков Серг. Никольский), род. 1 октября 1799 г., митр. с.-петербургский и новгородский с 1860 г.; умер 7 сент. 1892 г.

[8]) Николай (Мих. Зиоров), ректор тифлисской дух. сем. с 1889 г.; еп. алеутский с 1891 г.; член Госуд. совета с 1906 г.

[9]) Павел (Петр Лебедев), архиеп. казанский.

[10]) Палладий (Павел Ив. Раев), архиеп. карталинский и экзарх Грузии с 1887 г., митр. СПБ. с 1892 г.; умер в 1898 г.

[11]) Сергий (Ник. Як. Ляпидевский), архиеп. кишиневский с 1882 г., архиеп. херсонский с 1891 г.; митр. московский с 1893 г., умер в 1898 г.

[12]) Оставшиеся после смерти митр. Исидора дневники и некоторые бумаги наполнены мистицизмом. Митрополит был всегда окружен рядом лиц (преимущественно женщин), которые сообщали ему свои видения и сны; Исидор в дневнике старательно записывал эти «чудесные» сообщения.

Вот некоторые из друзей Исидора: Матрена Егорова (она же Димитра), архимандрит Исаия, А. Колоколова, Ольга Феодоровна, Пелагея Максимова, А. Ю. Джамусова, болгарка Евдокия, М. Арс. Осипова, Слепцова (начальница Исидоровского училища), Диккер и другие. Центральное место в этой компании в разные периоды занимали Димитра, архимандрит Исаия, Диккер. Вдова капитана Матрена Александровна Егорова, близкая многие годы митр. Исидору, в 1877 г. явилась основательницей Введенской женской общины в Киеве.

В бумагах Исидора сохранилось два документа: «Разновременные видения Димитры и события в ее жизни» и «Посмертные явления Димитры», из которых с очевидностью явствует, что в интимной группе Исидора была определенная тенденция считать Матрену Егорову святою и направлять дело к церковному ее «прославлению». На особой траурной бумаге записано 150 чудесных явлений Димитры. Во многих загробных явлениях Матрены явно сквозит ее нежное внимание к Исидору с намеками, что при жизни митрополит дарил ее нежным вниманием, лаской и заботой. Митрополита иногда называют папой, а ее мамой.

В последние годы особым влиянием на митрополита пользовалась Диккер, о которой в дневнике Богданович записано: «6 января 1891 г. Чай пил секретарь митрополита Николаевский. Говорил, что некая Диккер, которая по вторникам

бывает у владыки, каждый раз заставляет его делать необычайные вещи. Она сошлась со священником Полкановым, известною дрянью (протоиерей Иоанн Полканов в октябре 1892 г. был уволен от должности члена 2 эксп. СПБ. духовной консистории), устраивает дела у владыки, получает за них деньги и с ним делится. Одного священника Дроздова устроила членом консистории и получила за это 1 500 рублей. Эта Диккер была нищая, получала от владыки помощь в 5 руб., а теперь ездит в каретах. Была лютеранка, а Полканов обратил ее в православие, но все это для спекуляции».

[13]) Победоносцев, Конст. Петр, обер-прокурор синода с 24 апреля 1880 по 1905 г.

[14]) Иоанникий (Иоанн Максим. Руднев), митр. московский с 1882 г.; митр. киевский с 1891 г.; умер в 1900 г.

[15]) Феогност (Георгий Ив. Лебедев), архиеп. владимирский с 1883 г., архиеп. новгородский с 1892 г.

[16]) Вениамин (Вас. Ант. Благонравов), архиеп. иркутский и руководитель Забайкальской дух. миссии с 1878 г.

[17]) Распространение православия среди инородцев, язычников и магометан находилось в руках Православного миссионерского общества, духовных миссий и отдельных миссионеров. Общество обладало капиталом около 1 200 000 рублей и имело 44 епархиальных комитета на местах.

Иркутская миссия, действовавшая среди бурят, своим начальником имела викарного епископа иркутской епархии, именовавшегося епископом киренским. Миссия охватывала три округа Иркутской губернии: Иркутский, Балаганский и Верхоленский.

Среди бурят действовали не только православные миссионеры: гораздо большим влиянием на бурят пользовались ламы штатные и особенно нештатные — хувараки — проживавшие в улусах. Между служителями православного и ламаитского культов шла яростная борьба, причем православное духовенство тесно сотрудничало с органами министерства внутренних дел. Большую политическую борьбу с ламаизмом и ламами вел архиепископ иркутский и нерчинский Вениамин (род. в 1825 г., умер 20 февраля 1892 г.), постоянно указывавший правительству на чрезмерное размножение лам в Забайкалье, на их вредное влияние на экономический быт бурят, на противодействие лам обращению бурят в христианство.

Деятели Иркутской миссии широко использовали путешествие наследника, будущего Николая II, на Восток в 1891 г. Миссия доносила, что буряты-язычники массами начали принимать православие, получая «с соизволения государя цесаревича» при крещении имя Николай; цифры крестившихся бурят по отчетам за 1891 год большие: в Боханском стане — 280, в Аларском и других станах Балаганского округа — 1 400.

Балаганский исправник разослал циркуляр инородческим головам и родовым старостам с предписанием представить в Бажеевский миссионерский стан ко дню приезда начальника миссии подлежащих крещению бурят, «список которых имеет быть выслан». Тогда стали поступать к генерал-губернатору жалобы на принудительное крещение бурят. Генерал-губернатор назначил расследование. В Петербург приехала бурятская депутация с жалобами. Дело попало в печать. Князь В. П. Мещерский, редактор-издатель газеты «Гражданин», писал в своем «Дневнике» (11 февраля): «С Восточной Сибири — из Иркутской губернии — сведения еще печальнее: они повествуют об ужасных насилиях, совершавшихся для обращения буддистов в православие... К счастью, эти ужасы дошли до сведения иркутского генерал-губернатора, и началось следствие. Но все же событие это

вдвойне печально: во-первых, потому, что это крещение — насильное, с облавами в лесах, с побоями, истязаниями, даже над беременными женщинами совершалось полициею по требованию местного духовенства, а во-вторых, потому, что с этими действиями, не имеющими имени, соединяли дорогое всем русским имя царственного первенца, проехавшего по Сибири, придавая этому обращению мнимое значение радостного события, которым, будто бы, во славу церкви должно быть почтено царственное путешествие по Сибири...»

Сведения о методах крещения бурят широко попали в прессу: «Вестник Европы» отвел им большое внимание; в берлинском «Vossische Zeitung» (№ 97) была помещена резкая статья. Обер-прокурор 12 февраля 1892 г. послал конфиденциальное письмо епископу селенгинскому Макарию: «Преосвященнейший владыко! Сегодня в газете «Гражданин» появилось известие, которое желательно было бы разъяснить, тем более, что и раньше подобные слухи были. Обвиняется духовенство. Покорнейше прошу ваше преосвященство доставить мне сведения о сем деле, буде таковое действительно производится. Желательно, чтобы слух оказался клеветою на духовенство или, по крайней мере, преувеличением чего-либо, в действительности бывшего». (ЛОЦИА, дело канцелярии обер-прокурора синода, отд. II, стол 3, № 61-а, 1892 г. л. 1).

Синодское разъяснение свелось к такой формулировке: «Жалобы, писанные от имени безграмотных инородцев языком литературным и хлесткою речью, составляемы были на местах ссыльными из преступников социалистами, которые и по собственным антирелигиозным убеждениям и с целью заработать себе что-нибудь обыкновенно занимаются составлением кляузных прошений во вред православной вере...» (Приб. к «Церк. вед.» 1892 г., № 8, стр. 292).

Заключение по этому эпизоду Победоносцева во всеподданнейшем отчете сводится к следующему: «Во всей этой печальной истории всего более удивительно то сочувствие, какое встретила ламская интрига среди русских православных людей, считающих себя образованными и будто бы из гуманности стремившихся поддержать всеми силами лам в их борьбе с христианскою миссией».

[18]) Майков, Апол. Ник., т. с., председатель комитета иностранной цензуры при мин. внутр. дел; член комитета при министерстве нар. просв. по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения; поэт.

[19]) Смирнов, Ник. Павл., т. с., товарищ обер-прокурора синода с 1878 г.

[20]) Керский, Сергей Вас., т. с., управляющий канцелярией синода с 1892 г.

[21]) Миропольский, Сергей Иринеев., д. с. с., помощник управляющего канцелярией синода с 1892 г.

[22]) Викарий (от латинского слова vicarius) — заместитель; в обширных епархиях с крупным делопроизводством в помощь епархиальным епископам назначались один, два, редко три, викария. Викарные епископы, состоя в непосредственном ведении и зависимости местных архиереев, исправляли специально поручаемые им дела; имели местопребывание в первоклассных монастырях, которыми управляли, получая жалованье и довольствие с этих монастырей по званию архимандритов. В петербургской епархии в девяностые годы было три викария: епископ гдовский, епископ нарвский, епископ ямбургский.

[23]) По данным 1892 г. число братии в Александро-Невской лавре в Петербурге было 112 человек, из них 62 монаха и 50 послушников. По социальному происхождению лаврское монашество (без послушников) дает такую картину: из духовных 36%, из крестьян 34%, из мещан 15%, из купцов 6%, из военных 6%, из дворян 3%. Без всякого образования было 56%, с низшим 26%, с средним 15%, с высшим 3%. Лавру возглавлял митрополит петербургский со званием священ-

но-архимандрита. Лаврское хозяйство находилось в руках духовного собора, в составе 6 монахов.

У лавры было большое состояние. Она владела рядом домов, амбаров, земель, хлебною пристанью. В 1894 г. лавра уплатила госуд. налога 4 373 р. 53 к. по 33 окладным листам.

Денежный приход и расход лавры слагались из сумм: церковной, экономической, братской и богаделенной. Общий денежный приход лавры в год выражался солидной суммой, по данным 1897 г. — 465 458 р. 26 к. наличными деньгами и 1 193 568 руб. в процентных бумагах. Анализ сумм церковных и экономических дает понятие о хозяйственных оборотах лавры. Церковные суммы лавры за 1897 г. выразились цифрой: 73 482 р. 42 к. наличными деньгами и 166 287 руб. в процентных бумагах. Сумма прихода за 1897 г. — 65 618 р. 19 к. и 300 руб. процентных бумаг. Этот приход получился: 1) от продажи восковых свечей в лаврских церквах, часовне, свечном заводе (42 765 р. 61 к.), 2) от продажи просфор (4 850 р. 73 к.), 3) из пожертвований разными лицами на лампадное масло перед иконами за упокой «погребенных в лавре особ» (5 777 руб.), 4) от процентов по билетам на капитал, внесенный на «вечное тепление лампад» (6 717 р. 67 к.), 5) из кружечного сбора (1 507 р. 50 к.) и прочих более мелких поступлений.

Экономическая лаврская сумма за 1897 г. выразилась цифрой: 366 123 р. 55 к. наличными деньгами и 505 900 руб. в процентных бумагах. Сумма прихода за 1897 г. — 354 663 р. 41 к. Наибольшие поступления за год образовались: 1) из арендных денег за квартиры в лаврских домах, за земли и прочие угодия (131 050 р. 19 к.); 2) из арендных денег за амбары и кладовые (69 079 р. 50 к.); 3) с двухкопеечного сбора за причал и выгрузку судов на хлебной пристани (37 180 р. 8 к.); 4) от лаврских кладбищ — Никольского, Тихвинского и Лазаревского (за тепление лампад, обложку могил, кресты и палисады, за холст, цветы — 23 250 р. 77 к.); 5) за погребения и могильные места (88 407 р. 50 к.).

По смете расходов синода на 7 членов и присутствующих отпускалось 9 648 руб. в год, т.-е. на долю первоприсутствующего митрополита петербургского приходилось в год 1 378 р. 28 к. Между тем по должности священноархимандрита «Свято-Троицкия Александро-Невския лавры» митрополит Исидор получал в год 61 246 р. 58 к. Это содержание платилось митрополиту при готовых квартире, столе, прислуге и лошадях. Содержание петербургского архиерейского дома обходилось лавре в 63 960 р. 50½ к.

Лаврская верхушка (шесть монахов), помимо причитающегося из братской кружки, в 1897 г. получила из других сумм 27 396 р. 80 к., т. е. свыше четырех тысяч в год на человека. Монахи лавры были ленивы и распущены.

25 февраля 1888 г. в дневнике Исидора записано: «В 3½ часа посетил лавру государь император с императрицею, и никого из монахов не нашел в соборе. Государь написал собственноручно обер-прокурору: «Опять был в лавре и опять никого из монахов не нашел в соборе. Надобно что-нибудь сделать. Пора эту орду (подчеркнуто) выслать из лавры». Обер-прокурор прислал мне эту записку и предлагал уволить наместника и ризничего. Иеромонах Аристарх, как чередной, уже выслан из лавры в Череменецкий монастырь».

[24]) Воздух — покрывало из парчи, которым покрывается на престоле чаша и дискос; воздухами при погребении закрывалось лицо епископа.

[25]) Владимир (Вас. Богоявленский), еп. старорусский с 1888 г., архиеп. карталинский и экзарх Грузии с 1892 г., митр. московский с 1898 г.

[26]) Термином «Литейная» автор дневника называет все, что исходит от обер-прокурора, его товарища и чиновничества канцелярии обер-прокурора. На Литейном проспекте (ныне проспект Володарского) синоду принадлежало три дома — № 32, № 34 и № 62; К. П. Победоносцев жил в доме № 62, В. К. Саблер — в № 34.

[27]) Фанариоты — происхождение слова связано с знатною греческою фамилией Фанариотов, отдельных представителей которой оттоманское правительство привлекало на ответственные, главным образом дипломатические, должности; употребляется, как нарицательное понятие привилегированной группы.

[28]) Антоний (Алдр. Вас. Вадковский), ректор СПБ. дух. ак. с 1887 г.; еп. выборгский с 1887 г.; архиеп. финляндский с 1892 г.; митр. СПБ. с 1898 г.

[29]) В ЛОЦИА хранятся бумаги, оставшиеся после смерти митр. Исидора. Среди бумаг сохранился дневник, который митрополит вел с 1 марта 1881 г. по 2 сентября 1892 г. и последняя запись в котором сделана за 6 дней до смерти (умер 7 сентября 1892 г.). Дневник весьма обширный: писан на писчих листах большого формата и сшит в отдельные тетради размером от 5 до 6 листов. Таких тетрадей 71 на 839 листах. В дневнике автор отмечал состояние погоды, события церковной, политической и общественной жизни в Европе, в России, в епархии, в Петербурге, в царском дворце, в Александро-Невской лавре и в «митрополичьих покоях». Видное место в дневнике занимают городские слухи и всякого рода сплетни.

Дневник митрополита Исидора дает богатый материал о закулисной стороне церковного управления и церковной жизни восьмидесятых годов XIX столетия.

[30]) Толстой, Дм. Андр., граф, обер-прокурор синода с 1857 по 1880 г.

[31]) Чистович, Илл. Алекс. (1831—1893), т. с., управляющий контролем при синоде и член учебного комитета.

[32]) Флавиан (Ник. Городецкий), еп. люблинский с 1885 г.; архиеп. холмско-варшавский с 1892 г.

[33]) Марков, Ник. Фед., секретарь V отд. канцелярии синода с 1885 г.; помощник юрисконсульта канцелярии синода с 1894 г.

[34]) Статья «Отечественная церковь в минувшем году», помещенная в «Церк. вестнике» за 1893 г. № 1 (стр. 1—3), дает краткий обзор по работе церковного управления за 1892 г. с очень осторожными выпадами против полного подчинения синода «Литейной».

[35]) Пашковцы составляли секту, отвергавшую почитание икон и святых, таинства и церковную иерархию; свое богослужение пашковцы сводили к молитве, проповеди и пению стихов. Основателем секты в первой половине семидесятых годов был богатый дворянин, отставной гвардии полковник В. А. Пашков, последователь английского проповедника лорда Редстока, приезжавшего в Петербург и имевшего успех в аристократических кругах. Пашков учредил в 1876 году «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», за очень дешевую цену распространявшее, особенно по деревням, книги духовно нравственного содержания и св. писания.

Преследования Пашкова со стороны министерства внутренних дел, вызванные давлением синода, заставили Пашкова сперва перенести свою пропаганду во внутренние губернии, а затем уехать за границу.

[36]) После крушения царского поезда в Борках в 1889 г. черниговский губернатор А. К. Анастасьев в своем всеподданнейшем докладе о состоянии Черниговской губернии за 1889 г. писал; «Долгом считаю всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, что благоговейное чувство верующих ожидает откры-

тия мощей святителя Феодосия Углицкого... Голос народа уже именует святителя Феодосия своим святым предстателем перед престолом всевышнего; у нетленного тела святителя не только служатся панихиды, но поются молебны, и изображения его расходятся в громадном числе, а потому открытие мощей его, довершая общее желание, явило бы собой в царствование вашего императорского величества торжество православия в местности, где нет других святых мощей и где единение всех и каждого во имя одной религиозной идеи особенно важно». (Дело деп. общих дел мин. внутр. дел, № 398, 1889 г. и № 151, 1890 г.) Александр III на отчете Анастасьева сделал отметку: «К обер-прокурору св. синода». Мощи были открыты в царствование Николая II, в сентябре 1896 г. Анастасьев непосредственно из губернаторов 22 июля 1892 г. был назначен членом Госуд. совета.

Открытие мощей было очень прибыльно и для местных торгово-промышленных кругов: на открытие мощей Феодосия собралось свыше 100 000 человек.

К открытиям мощей местное духовенство готовилось всегда исподволь. Когда распространялся слух о «чудесных проявлениях благодати божией», начинали служить панихиды «угоднику», записывая имена и фамилии служащих панихиды, затем заводили книгу в церкви, к которой прославляемый имел отношение, и фиксировали «чудесные проявления». Возбуждалось официальное ходатайство. Синод поручал местному преосвященному «собрать и доставить сведения о жизни и подвигах святого», специальной духовной комиссии—обследовать нетленность мощей, «за рукоприкладством» исцеленных или их родственников составлялся акт о чудесах. Синод слушал дело, определял, и обер-прокурор делал всеподданнейший доклад. Не лишена специфического бытового интереса первичная стадия в деле открытия мощей. Любопытный материал дают бумаги митрополита Исидора, в которых имеется собранный материал о чудесах и явлениях Матрены Егоровой, близкого Исидору в течение ряда лет человека: компания, окружавшая Исидора и Матрену, усердно подготовляла ее прославление.

В Петербурге с восьмидесятых годов у группы лиц, связанных с двором великой княгини Александры Иосифовны, жены Константина Николаевича, существовала определенная тенденция к прославлению императора Павла I. Ниже приводится не лишенная интереса запись в дневнике митрополита Исидора — под 16 ноября 1882 г.

«Странное в Петербурге поверье: кто желает избавиться от воинской повинности, должен отслужить панихиду по Павле I. К Потемкиным приехал молодой человек, очень смущенный предстоящею очередью поступить в военную службу. Ему кто-то сказал, чтобы отслужить панихиду по Павле I. Он отправился в Петропавловский собор и исполнил. Вечером того же дня неожиданно получил весть из министерства, что он освобожден от воинской повинности. Узнали это при дворе и присылали к Потемкиным расспросить о сем. Замечательно, что в соборе спрашивают имена тех, кто служит панихиду по Павле, и записывают в книге» («Дневник митр. Исидора, 16 ноября 1882 г., тетр. 18, стр. 7).

Мощи, частицы мощей доставляли большой доход причтам церквей и монастырской братии. Синоду иногда даже приходилось бороться с широким тяготением мест обзаводиться этим верным источником дохода.

[37]) Смирнов, Петр Алекс., прот. Исаакиевского собора, член училищного совета при синоде, редактор «Церк. ведомостей».

[38]) Покровский, Петр Евдок., прот., главный священник армии и флота.

[39]) Исаков, Ник. Вас., ген.-ад., с 1863 г. главный начальник военно-учебных заведений, с 1881 г. член Госуд. совета.

[40]) Коховский, Всев. Порфир., ген.-лейт., директор педагогического музея при главном управлении военно-учебных заведений.

[41]) Милютин, Дм. Алекс., граф, военный министр.

[42]) Лорис-Меликов, Мих. Тариелович, граф, начальник Верх. распор. комиссии.

[43]) Абаза, Алдр. Аггеевич, министр финансов.

[44]) На консистории из года в год поступали доносы с сообщениями о непотизме архиереев, взяточничестве, лихоимстве, служебных злоупотреблениях. Обер-прокурор посылал доверенных людей для производства ревизий: Саблера, вице-директора своей канцелярии Зинченко, управляющего контролем при синоде Чистовича и других.

Ревизии давали средство обер-прокурору и его помощнику держать в руках архиереев и митрополитов; ревизии систематически производились в консисториях тех епархий, которые возглавлялись находившимися в обостренных с обер-прокуратурой отношениях митрополитами и архиереями; как только такой архиерей или митрополит перемещаем был в новую епархию, немедленно производилась ревизия по месту его прежней службы. С 1893 г. места секретарей в консисториях стали замещаться исключительно чиновниками обер-прокурорской и синодской канцелярий.

[45]) Бернадский, Ник. Павл., секретарь новгородской дух. консистории с 1871 г.

[46]) Скабаланович, Ник. Аф., орд. проф. СПБ. дух. ак. по кафедре новой общей гражданской истории.

[47]) Лопухин, Алдр. Павл., экстраординарный профессор СПБ. дух. ак. по кафедре древней общей гражданской истории.

[48]) Соколов, Мих. Ильич, прот. Казанского собора в СПБ. с 1882 г.

[49]) Делянов, Ив. Дав., граф; министр нар. просвещения.

[50]) Никольский, Ник. Конст., доцент СПБ. дух. ак. по кафедре гомилетики и истории проповедничества.

[51]) Елеонский, Фед. Герас., ординарный проф. СПБ. дух. ак. по кафедре библейской истории.

[52]) Исаакий (Иоанн Пеловинский), еп. кишиневский с 1891 г. и астраханский с 1892 г.: уволен от управления епархией и назначен управляющим Гербовецкого в Кишиневской еп. монастыря в 1892 г.; в 1893 г. перемещен в Тихвинский новгородской епархии монастырь; умер в 1894 г.

[53]) Александр, еп. можайский с 1885 г., второй викарий московской епархии.

[54]) Барсов, Елп. Вас., секретарь Московского общества истории и древностей российских.

[55]) Субботин, Ник. Ив., засл. орд. проф. Моск. дух. академии по кафедре истории и обличения русского раскола.

К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.

Документы, публикуемые нами, неопровержимо доказывают, что известный, недавно умерший землеволец-революционер Михайлов оказался человеком, давшим откровенные показания. В этом не может быть сомнения. Печатаемые документы начинаются рапортом начальника 3-й экспедиции III отделения Кириллова, того самого Кириллова, который принял к себе на службу народовольца Н. В. Клеточникова. Как усматривается из этого рапорта, высшие власти рассчитывали, видимо, использовать покаяние Адриана Михайлова на суде против народовольцев. Однако это не удалось. «Судебным актом, — говорит Кириллов, — этот протокол показаний служить не может, и давать ему подобное значение по многим соображениям неудобно».

Считаясь с заявлением такого компетентного лица в делах предательских, как Кириллов, высшие власти мысль об использовании откровенного показания А. Михайлова на суде оставили, но зато, повидимому, получили то, что им было нужно, от раскаявшегося террориста другим путем.

Кто же был Михайлов и какую он играл роль в движении? Михайлов, Адриан Федорович, сын чиновника, родился в 1853 г. в Ставропольской губернии. Учился в Московском университете и тогда же примкнул к народническому революционному течению. Александр Дмитриевич Михайлов называет в своей автобиографии в числе тех революционеров-народников, с которыми он был хорошо знаком в Петербурге в 1876 г., и Адриана Михайлова.

Пройдя все увлечения мирно-пропагандистского периода народничества, Адриан Михайлов принял, наконец, участие и в подготовке и в осуществлении убийства шефа жандармов Мезенцова. 4 августа 1878 г. Мезенцов был убит Кравчинским утром на Михайловской площади, причем ему удалось благополучно скрыться, так как при попытке полк. Макарова, сопровождавшего Мезенцова, задержать убийц А. И. Баранников, находившийся тут же, выстрелил и тем самым помог Кравчинскому и себе вскочить в экипаж, в который был запряжен знаменитый «Варвар», кучером на котором и был Адриан Михайлов. Арестован Адриан Михайлов был вскоре после убийства Мезенцова, попав в засаду 12 сентября 1878 г. Назвавшись Тугариновым, по дороге в участок он пытался бежать, однако неудачно. С 25 октября сидел в Петропавловской крепости, участвовал в протесте заключенных 5 февраля 1880 г., судился по процессу Веймара, Петербургским военно-окружным судом признан виновным в участии в революционной

организации и убийстве Мезенцова. Приговором 14 мая 1880 г. был осужден на смертную казнь и тотчас же после вынесения приговора переведен как смертник в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, а 16 мая царь заменил ему смертную казнь 20-летней каторгой. Некоторые подробности о самом факте покаяния читатели найдут в печатаемых документах.

Трудно установить, сколь много получили жандармы от показаний Адриана Михайлова. Несомненно одно, что в их розысках эти показания кое-что им дали. Если самый факт ареста Александра Дмитриевича Михайлова (в октябре того же 1880 г.) не был вызван этими показаниями, то все же верно то, что для розысков Баранникова и других лиц, соприкасавшихся с ним, эти показания некоторое значение имели. Но и не в этом дело. Главное значение поступка Михайлова состоит в ужасном факте покаяния революционера пред лицом торжествующего врага. Моральное значение такого падения ужасно, даже если о покаянии не знают ближайшие друзья покаявшегося: враг удесятеряет свои силы, если у него имеются такие факты, как раскаяние хотя бы одного дотоле несокрушимого и твердого, как гранит, борца.

Бывают такие положения, когда революционер обманывает своего тюремщика, использует все средства, чтобы вырваться из застенка, прикидывается верноподданным своего тюремщика для того, чтобы, вырвавшись на волю, нанести своему врагу хотя бы еще раз сокрушительные удары.

Этот прием не есть прием доблести и чести, но он не кладет и клейма позора, если применивший его, выйдя на волю, умер все тем же борцом, а главное, если и в своем притворстве революционер не запятнал себя ни покаянием, ни оговором, ни предательством.

Бывают такие положения, когда пленника подвергают пытке (и не только физической; разве принуждение присутствовать несколько раз при казни своих осужденных товарищей, разве внезапные вызовы ночью на допрос и т. п. не есть та же пытка?), и он под влиянием физической или моральной боли (напр., боль от угрозы взять заложниками детей) рассказывает то, чего не следовало бы рассказывать.

В таком поступке нет ничего героического, но если революционер не плакал, не каялся пред лицом своего врага, то и здесь можно сказать: слаб человек, но не сознательный предатель.

Ужаснее тот факт, когда революционер, знавший, что он идет на верную гибель, попавшись в руки правительства, пред лицом смерти приносит покаяние и молит о пощаде.

Боясь смерти, боясь каторги, каяться перед врагом, считать свое прошлое ошибкой, заблуждением и преступлением и молить о пощаде — это зрелище, которое дает правительству уверенность, что его враги слабы, разбиты, дезорганизованы, что в их стане нет уверенности в успехе своего дела.

При таких условиях хотя бы малейшая откровенность есть уже страшное преступление пред тем делом, за которое ты брался.

С этой точки зрения и приходится подойти к фактам, сообщаемым в публикуемых документах.

Адриан Михайлов, повидимому, кроме как о Михайлове, своем однофамильце, и Баранникове, ничего не сказал. Больше того, и на каторге и затем, выйдя на поселение, он не примирился с правительством: 12 ноября 1889 г. на Каре он пытался отравиться, приняв яд по поводу истязаний Сигиды; в 1905 г. был приговорен экспедицией ген. Ренненкампфа к годичному тюремному заключению.

Все это — так, но факт покаяния, признание своей революционной деятельности заблуждением пред лицом врага — это и есть то ужасное, что низводит Адриана Михайлова с пьедестала революционера-народника.

Повидимому, покаянный поступок не давал покоя Михайлову до самой могилы (он умер 8 июня 1929 г. в Ростове-на-Дону); мучил его, был тем призраком, который всю жизнь мешал ему взяться за перо и рассказать о своей прошлой деятельности: действительно, как-то было странно слышать, что революционер, работавший в самой гуще революционной среды, принимавший самое близкое участие в борьбе на передовых позициях революции, ничего не говорит о своем былом, хранит упорное молчание, как бы осуждая этим молчанием свое прошлое.

Адриан Михайлов хорошо знал, что его покаяние было огромной подпорой чудовищу-самодержавию, и, зная это, он молчал: лучше уж молчать теперь, как лучше было молчать и тогда, а не падать на колени перед Лорисом-Меликовым.

Еще один ореол померк, еще одно революционное имя вычеркнуто из того списка, который история, казалось, выковала из нетленного материала.

Но что из того? История, наверно, развенчает и еще не одно имя самых «великих», самых «величайших» из вождей прошлого, но от этого нисколько не померкнет вся история борьбы угнетенных трудящихся масс за свое освобождение, ибо в этой борьбе есть действительно герои, есть свое действительно вечное и нетленное, ради чего стоит жить, бороться и умереть.

В. Невский.

Записка Г. Кириллова от 19 мая 1880 г. [1]).

Представляя при сем проект протокола, честь имею доложить вашему превосходительству, что окончание его, как равно некоторые места и середины, пришлось составлять по соображению, так как показание это из третьих уст не могло быть с точностью усвоено. Что касается вопросов, то их представляется так много, что, начиная от Москвы, встречи преступников у Ивановской, до последнего возвращения Михайлова в татерсаль, следует начертать целую программу, изобразить которую в отдельных вопросах невозможно. Главным же образом, совсем темным представляется появление Кравчинского, а неправдоподобным, в смысле отсутствия логического рассказа, остальное

[1]) Записка написана на бумаге почтового формата. На ней имеется помета карандашом: «К делу об убийстве генерал-адъютанта Мезенцова. 20/V». Архив Революции и Внешней Политики. Дело III отд. 3 эксп. № 233. Ч. 2 1878 г. «Об убийстве шефа жандармов и гл. начальника III отд. ген.-ад. Мезенцова».

все. Затем позволяю себе откровенно высказать, что цель и значение этого протокола для меня непонятны. Судебным актом он служить не может, и давать ему подобное значение по многим соображениям неудобно, а для розыска убийц в нем нет надобности. Наконец, что касается лица для командировки, то выбор такового становится в прямую зависимость от тех обязанностей, которые на это лицо будут возложены. Так как я уже докладывал о неудобствах предоставления этому лицу непосредственных розыскных действий, поэтому оно должно исполнять двойную миссию: в одном случае быть собирателем данных, добытых местными органами, а в другом — руководителем этих органов в достижении известной цели. Но, если бы показание было приведено в точную систему и порядок, в таком случае выбор лица облегчался бы.

Г. Кириллов.

Памятная записка [1]).

После конфирмации [2]) приговора С.-Петербургского военно-окружного суда, состоявшегося 14 мая сего года над лицами, судившимися по обвинению в принадлежности к преступному сообществу и в других совершенных ими государственных преступлениях [3]). Главный начальник Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютант граф Лорис-Меликов, посетив 15 мая [4]) в крепости присужденного означенным приговором к смертной казни Адриана Михайлова и заметив [5]) в нем признаки раскаяния [6]), изволил напом-

[1]) Первоначально было: «Протокол», потом зачеркнуто и карандашом написано: «Памятная записка».

[2]) Первоначально текст начинался так: «1880 года мая 20 дня тов. гл. начальника с. е. им. вел. канцелярии свиты е. вел. ген.-майор Черевин и сенатор тайн. сов. Шмит, согласно предложению главного [исправлено: «главный»] начальника [испр.: «начальник»] Верховной распорядительной комиссии, составили настоящий протокол в удостоверение нижеизложенных обстоятельств дела, явившихся последствием»; все это было зачеркнуто и надписано карандашом: «После конфирмации».

[3]) Далее текст первоначально имел такой вид: «При посещении ген.-адъютантом графом Лорис-Меликовым присужденного», потом карандашом сверху были сделаны поправки, так что фраза получила форму, приведенную в основном тексте.

[4]) На полях во всю длину страницы неразборчивой рукой сделан ряд приписок-заметок: 1) «Привести [?] 78 для встречи [?], 2) «78 г. в июле встр[еча] в Библи[отеке] с Тюриковым», 3) «Позже свид[ание] у Шлиссе[льбургской] заставы», 4) «объяснить [?] мог или запряг[ать]», 4) «как... дрож[ки] лош[адь] и платье», 5) «У Строг[анова] мост[а] Кравчинский».

[5]) Далее зачеркнуто: «в самый день, но после объявления этого приговора его сиятельство, заметив в разговоре», и наверху написано «и заметив».

[6]) Далее зачеркнуто: «признал возможным» и наверху надписано: «изволил».

нить осужденному о беспредельности монаршего милосердия [1]) для лиц, оказывающих чистосердечное раскаяние, что вызвало в Михайлове такой избыток надежды [2]), что с ним в то же время сделалась дурнота [3]). Затем Михайлов заявил желание рассказать все известное ему по делу об убийстве ген.-ад. Мезенцова. Тогда ген.-ад. гр. Лорис-Меликов объявил ему о даровании государем императором жизни. 17 мая [4]) при вторичном посещении его сиятельством Михайлов заявил, что в показа[ниях] [5])... у лиц, совершивших убийство ген.-ад. Мезенцова [6]), объявив, что непосредственными виновниками этого преступления были: лицо, выдававшее себя за Тюрикова, и известный по революционной деятельности эмигрант Кравчинский. О знакомстве своем с Тюриковым и о его личности Михайлов показал, что [7]), находясь в 1877 году в Москве [8]) и посещая нередко проживавшую там в Козицком переулке, в доме Беливо, знакомую свою Александры Ивановской (арестованной в настоящее время [9]), брат которой, доктор Ивановский, также революционер, прозывавшийся «Василием Великим», скрывается за границей, он, Адриан Михайлов, встретил там [10]) знакомого ему Александра Михайлова. Таким образом только впоследствии он узнал, что Тюриков--дворянин Курской губернии Путивльского уезда, воспитывался в какой-то военной гимназии, а впоследствии был юнкером или офицером в артиллерии. Относительно его примет Михайлов показал, что Тюриков высокого роста, брюнет, в разговоре шепелявит [11]) и в пояснице имеет [12]) перегиб,

---

[1]) Далее зачеркнуто: «чем в означенном преступнике был вызван»; наверху надписано: «для лиц, оказывающих чистосердечное раскаяние, что вызвало в Михайлове».

[2]) Первоначально было: «чувств».

[3]) Далее первоначально было написано: «В видах желания удостовериться в совершенной непритворности обнаруженных преступником чувств раскаяния его сиятельство вторично посетил Михайлова в месте его заключения». В основном тексте место это приведено в исправленном виде.

[4]) Далее зачеркнуто: «и тогда осужденный заявил желание дать чистосердечное показание по делу того преступления, в котором он обвинялся. При этом, признав прежде всего свою виновность в том, что он был кучером».

[5]) Далее идет текст, крайне неразборчивый, отчасти написанный по подчищенному месту.

[6]) Зачеркнуто: «Михайлов».

[7]) Зачеркнуто: «в бытность свою».

[8]) Зачеркнуто: «у»; слова: «знакомую свою Александры Ивановской» — вставлены над строкой.

[9]) Зачеркнуто: «Александры Ивановской».

[10]) Зачеркнуто: «означенного Тюрикова и познакомившегося с ним некоего».

[11]) Зачеркнуто: «особенно замечателен тем, что».

[12]) Зачеркнуто: «как бы перелом в пояснице».

вследствие которого у него выдается зад. Когда [1]) при знакомстве этом [2]) Адриан Михайлов [3]) сообщил Тюрикову, что [4]) желает заняться извозным промыслом с целью пропаганды в народе, то Тюриков [5]) предложил ему приехать в Петербург, обещая оказать в этом деле содействие, и указал на ту квартиру, в которой [6]) он действительно проживал, как это обнаружено расследованием. Что касается [7]) упомянутого выше Александра Михайлова, то об этом лице Адриан Михайлов показал, что хотя он его и мало знает, тем не менее ему известно, что Александр Михайлов носил кличку «дворника», уроженец Курской губернии [8]), был студентом Технологического института, но курса не окончил, а в 1877 году в августе, сентябре или октябре [9]) являлся в московское по воинской повинности присутствие, в числе лиц, вынимавших жребий [10]). При встрече там [11]) с Адрианом Михайловым и получивши дальний номер, избавлявший его от воинской повинности [12]), Александр Михайлов сообщил, что он собирался итти для пропаганды в народ по Волге, начиная с Казани. Таким образом, встретившись вторично с Тюриковым в Петербурге, Адриан Михайлов воспользовался сделанным ему предложением и поступил кучером к самому Тюрикову, хотя о знании своем задуманного Тюриковым преступления Адриан Михайлов умалчивает. По показанию Михайлова, со времени поступления его кучером он постоянно был посылаем в татерсаль как для запряжки лошади и выезда, так и для помещения ее туда обратно. Равным образом Адриан Михайлов исполнял обязанность кучера во всех проездках лошади по островам, причем в это время [13]) возил вместе с Тюриковым и Кравчинского, но где последний проживал, Адриан Михайлов не знает. 4-го августа 1878 года, по словам Михайлова, ему было приказано, по прежним примерам [14]), выехать на запряженной лошади из татерсаля в условное место, коим в этот день назначена была Михайловская площадь,

---

[1]) «Когда» — вписано карандашом.
[2]) Зачеркнуто: «Тюриков, узнав от».
[3]) Слова: «сообщил Тюрикову» — вписаны над строкой.
[4]) Зачеркнуто: «он».
[5]) Слова: «то Тюриков» — вписаны над строкой.
[6]) Зачеркнуто: «Тюриков».
[7]) Зачеркнуто: «личности».
[8]) Слова: «уроженец Курской губернии» — вписаны над строкой.
[9]) Зачеркнуто: «Адриан Михайлов видел его».
[10]) Далее зачеркнуто: «и», слова: «при встрече» — вписаны над строкой.
[11]) Зачеркнуто: «после того, когда Александр Михайлов».
[12]) Зачеркнуто: «то Адриан Михайлов узнал от него».
[13]) Зачеркнуто: «ездил».
[14]) Первоначально: «по примеру прежних случаев».

где он и был очевидцем совершенного [1]) Кравчинским при участии Тюрикова убийства ген. Мезенцова. Адриан Михайлов помнит хорошо, что первым после убийства на дрожки вскочил [2]) Кравчинский, а затем [3]) Тюриков, догонявший дрожки сзади. Скрываясь от преследования, они ехали по Малой Садовой улице мимо Александринского театра [4]) в Большую Садовую, где у Толкучева рынка убийцы сошли и куда девались — он не знает, после чего Михайлов [5]) возвратился с лошадью в татерсаль и оставил ее там [6]), Тюрикова же и Кравчинского более не видел.

Отношение III отделения на имя начальника моск. губ. жанд. упр. И. Л. Слезкина от 21 мая 1880 г. № 3975 [7]).

Конфиденциально.

Милостивый государь,
Иван Львович.

Из полученных в последнее время достоверных сведений усматривается, что один из ближайших участников убийства генерал-адъютанта Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называвшийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии Александром Михайловым, носившим кличку «дворник».

К выяснению этих личностей имеются указания, что Тюриков и Александр Михайлов посещали в 1877 году квартиру арестованной Ивановской, по Козицкому переулку, в доме Беливо, и что Александр Михайлов в августе, сентябре или октябре месяцах того же года вынимал жребий в московском по воинской повинности присутствии (вероятно, в ратники); причем получил один из дальних нумеров, освободивших его от повинности. Приметы этих лиц: Тюриков — высокого роста, брюнет, с вдавленной поясницей и выдающимся задом, а Александр Михайлов — блондин, с бородой, типа простонародного.

Ввиду особой важности этих сведений, по поручению главного начальника Верховной распорядительной комиссии, имею честь

[1]) Слова: «Кравчинским при участии Тюрикова» — над строкой.

[2]) Зачеркнуто: «Тюриков», слово: «Кравчинский» — вписано над строкой.

[3]) Зачеркнуто: «Кравчинский».

[4]) Зачеркнуто: «Чернышевым переулком и другими улицами, остановившись, наконец, за Невской заставой, где Тюриков и Кравчинский сошли с дрожек, а»; слова: «в Большую Садовую... он не знает» — над строкой.

[5]) Первоначально: «Михайлову приказали».

[6]) Зачеркнуто: «после чего он, Адриан Михайлов, ни одного из названных двух лиц».

[7]) Написано на бланке со штампом: «Управляющий III отделением собственной его императорского величества канцелярии. 3-я экспедиция».

покорнейше просить ваше превосходительство принять все вполне осторожные и зависящие от вас меры к полному выяснению личности Тюрикова и Михайлова, последнего через совершенно секретную справку в присутствии по воинской повинности, и о последующем меня уведомить по возможности в непродолжительном времени. Справка в воинском присутствии, возможно, определит с точностью звание и место рождения Михайлова и таким путем постепенно выяснит его настоящее местопребывание.

Шмит.

Отношение гр. Лорис-Меликова на имя курского губернатора от 21 мая 1880 г. № 3977 [1].

Конфиденциально.

Г. курскому губернатору [2].

Из полученных в последнее время достоверных указаний усматривается, что одним из ближайших участников убийства генерал-адъютанта Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называвшийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии, Александром Михайловым, носившим в революционной среде кличку «дворник».

Ввиду неотложной необходимости в производстве ныне же экстренных розысков названных лиц, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство о принятии зависящих с вашей стороны мер по сему предмету, возложив розыскные действия не более как на двух самых опытных и заслуживающих полного вашего доверия лиц.

К сему считаю долгом присовокупить, что подателю сего, состоящему при III отделении с. е. и. в. канцелярии, надв. сов. Блюму, хорошо знакомому не только с обстоятельствами дела об убийстве генерал-адъютанта Мезенцова, но и с подробностями других соприкасающихся к этому дел о государственных преступлениях, поручено сообщить вам все имеющиеся ввиду данные, могущие способствовать успеху розыска по вверенной вам губернии, и затем возвратиться в Петербург.

О результатах ваших распоряжений прошу вас уведомить меня.

Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов.

---

[1]) Написано на бланке со штампом: «Главный начальник Верховной распорядительной комиссии».

[2]) Зачеркнуто: «Милостивый государь, Александр Николаевич» Курским губернатором тогда был А. Н. Жездринский.

Вопросы [1])

1) Пробелы в показании Михайлова заключаются в неуказании лиц, которых знал он в Петербурге, и квартир Тюрикова и Кравчинского.

2) От кого получал средства к жизни до приезда летом Тюрикова?

3) Как узнал, что это Кравчинский и кто и что именно передавал?

4) Где получал приказания Михайлов о лошади ежедневно?

Памятная записка [2]).

После конфирмации приговора С.-Петербургского военно-окружного суда, состоявшегося 14 мая сего года над лицами, судившимися по обвинению в принадлежности к преступному сообществу и в других совершенных ими государственных преступлениях, главный начальник Верховной распорядительной комиссии, ген.-ад. гр. Лорис-Меликов посетил 15 мая в С.-Петербургской крепости приговоренного к смертной казни Адриана Михайлова и, заметив в нем признаки раскаяния, напомнил осужденному о беспредельности монаршего милосердия. Эти немногие слова надежды вызвали в Михайлове такой избыток чувств, что с ним сделалось дурно [3]). По объявлении ген.-ад. гр. Лорис-Меликовым [4]) Михайлову, что государю императору высочайше благоугодно было даровать ему жизнь, Михайлов заявил тут же готовность рассказать чистосердечно все известное ему по делу убийства ген.-ад. Мезенцова, не укрывая никого из партии террористов, но полагает невозможным называть лиц из прочих революционных фракций [5]).

17 мая [6]) главный начальник Верховной распорядительной комиссии вторично посетил крепость и Михайлова [7]).

---

[1]) Заголовок подлинника, написанного рукой Кириллова.

[2]) Заголовок, зачеркнутый в подлиннике; наверху находится следующая помета, сделанная карандашом: «Г. Изотову. — Завтра к 11 часам утра переписать на обрезной бумаге. 6/8». Сбоку помета: «Подано 7/8».

[3]) Зачеркнуто: «После того Михайлов заявил желание рассказать чистосердечно все известное ему по делу об убийстве ген.-ад. Мезенцова. Тогда».

[4]) Зачеркнуто: «объявил».

[5]) Зачеркнуто: «как не принимавших участие в».

[6]) Зачеркнуто: «при вторичном посещении крепости».

[7]) Зачеркнуто: «Михайлов, подтвердив его сиятельству намерение свое дать показание по обстоятельствам, касающимся дела о названном убийстве, заявил желание умолчать о революционной деятельности вообще и о лицах, к делу сему непричастных. Засим».

В эти два посещения крепости [1]) Михайлов дал ген.-ад. гр. Лорис-Меликову следующее словесное показание [2]). Не отрицая знакомства своего со многими революционными деятелями, но не признавая в то же время принадлежности своей к террористической партии, Михайлов подтвердил виновность свою в том, что он был кучером у лиц, совершивших означенное убийство, объяснив, что непосредственными виновниками этого преступления были: известный по революционной деятельности эмигрант Кравчинский и другое лицо, выдававшее себя за Тюрикова. Относительно знакомства своего с этими лицами Михайлов рассказал следующее: находясь в 1877 году в Москве и посещая нередко проживавшую там в Козицком переулке, в доме Беливо, знакомую ему Александру Ивановскую [3]), он встретил в ее квартире знакомого своего Александра Михайлова, уроженца Курской губернии, бывшего студента Технологического института, неокончившего курса, который в 1877 году, в августе, сентябре или октябре, являлся в московское по воинской повинности присутствие в числе лиц, вынимавших жребий, и в то время, встретясь с Адрианом Михайловым в здании присутствия, говорил ему, что так как ему выпал дальний номер, освобождающий его от повинности, то он намерен отправиться на Волгу для пропаганды в народе. Приметы Александра Михайлова, носившего кличку «дворник»: белокурый, с бородой, типа простонародного. В той же квартире Ивановской, он, Адриан Михайлов, познакомился через Александра Михайлова с неизвестным лицом, называвшимся Тюриковым — высокого роста, брюнет, картавит, с вдавленною поясницею и выдающимся задом, о котором ему впоследствии сделалось известно лишь то, что Тюриков — дворянин Курской губернии Путивльского уезда, воспитывался в одной из военных гимназий и был юнкером или прапорщиком, — как полагает Адриан Михайлов, в артиллерии. Когда при знакомстве этом Адриан Михайлов сообщил Тюрикову о желании своем заняться извозным промыслом с целью пропаганды в народе, то Тюриков предложил ему приехать в Петербург, обещая оказать в этом деле содействие. После того, прибыв в январе 1878 г. в С.-Петербург и отыскав квартиру Тюрикова в Подъяческой улице — ту самую, в которой последний, как оказалось по расследованию, действительно проживал, — Адриан Михайлов поместился, по предложению Тюрикова, на той же квартире

---

[1]) Слова: «В эти два посещения крепости» — вписаны над строкой, вместо зачеркнутого: «Засим».

[2]) Зачеркнуто: «которое заключается в следующем».

[3]) «Ивановская арестована. Есть ли у нее сестра Авдотья — неизвестно; брат же — доктор, прозывавшийся в революционной среде «Василием Великим», скрывается за границей». — Примечание в подлиннике.

и пользовался полным его содержанием, но занятий по извозному промыслу не получил. В феврале месяце Тюриков уехал, по словам Адриана Михайлова, в Нижний Новгород, а Михайлов, оставшись один, проживал у разных своих знакомых, которых не объявил. Засим в июле 1878 г. Адриан Михайлов случайно встретил Тюрикова в Публичной библиотеке, который, узнав от Михайлова, что последний занятий себе не приискал, предложил ему поступить к нему в кучера, причем назначил сойтись близ Шлиссельбургской заставы. Прибыв в условное место, он нашел там Тюрикова с лошадью, запряженною в пролетку, и кучерское платье, которое ему предложено было Тюриковым одеть, а лошадь отвезти в татерсаль в Новом переулке. После того Адриан Михайлов, по поручению Тюрикова, ежедневно закладывал лошадь в пролетку и выезжал в условное место, откуда делались поездки вместе с Тюриковым. Где в это время жили Тюриков и Михайлов, последний не объяснил. В одну из обычных проездок, на Строгоновом мосту ожидал Тюрикова Кравчинский, принимавший после того участие в этих поездках; подробностей же о личности Кравчинского и о его месте жительства Михайлов не сообщил. 4 августа 1878 г. Михайлов выехал, по обыкновению, в условное место, которым назначена была на этот раз Михайловская площадь, где он, Михайлов, был очевидцем совершенного Кравчинским при участии Тюрикова убийства ген. Мезенцова. Адриан Михайлов помнит хорошо, что после убийства первым вскочил на дрожки Кравчинский, а за ним Тюриков, догонявший их некоторое время. Скрываясь от преследования, они ехали по Малой Садовой улице мимо Александринского театра, в Большую Садовую улицу, где у Апраксина рынка убийцы сошли и быстро исчезли, а Михайлов возвратился с лошадью в татерсаль, где ее и оставил; Тюрикова же и Кравчинского после того более не встречал.

Справка об Александре Михайлове [1]).

По полученным в Москве и Курске сведениям о лицах, на которых указывает в своем показании Адриан Михайлов, оказывается:

Александр Михайлов, чрез которого Адриан Михайлов познакомился с Тюриковым, есть, по всей вероятности, тот же Александр Михайлов, на которого указал Гольденберг как на участника по делу о взрыве 19 ноября 1879 г. под Москвою и о котором производит дознание начальник московского губернского жандармского управления. Доказательством этому служат: во 1-х — наружное сходство; во 2-х — однообразная кличка «дворник», под которою был известен Александр Михайлов Адриану Михайлову и тем лицам, которые

[1]) В подлиннике заголовок отсутствует.

сообщили о нем сведения по Москве; и в 3-х — то, что, по справкам, наведенным начальником московского губернского жандармского управления об Александре Михайлове, обвиняемом по взрыву 19 ноября, выяснено с положительностью, что он есть сын путивльского уездного землемера (ныне в отставке) надворного советника Дмитрия Михайловича Михайлова, имеющего небольшое имение в Путивльском уезде; по показанию же Адриана Михайлова — указанный им Александр Михайлов есть тоже дворянин Путивльского уезда Курской губернии.

Засим из имеющихся по Москве и Курску сведений видно, что сын означенного землемера — Александр Дмитриев Михайлов воспитывался в С.-Петербургском Технологическом институте и в 1875 г. за участие в бывших там беспорядках был выслан административным порядком в Путивль; но в 1876 г. ему разрешено было возвратиться в здешнюю столицу для окончания образования. 5 сентября 1877 г. Александр Михайлов получил в последний раз свидетельство на жительство из путивльского уездного полицейского управления, а по окончании срока этому свидетельству отец его обратился в октябре 1878 г. с ходатайством о возобновлении вида для сына, но ему было в том отказано за непредставлением полицейского удостоверения о последнем месте жительства сына. После того Александру Михайлову свидетельства из названного полицейского управления более выдаваемо не было и его самого никто в Путивле более не видал.

По словам путивльского уездного (полицейского) исправника, Александр Михайлов, еще будучи гимназистом, не стеснялся открыто высказывать противоправительственные взгляды, так что благонамеренные люди сторонились его. Кроме тех примет, которые уже известны, исправник указывает, что Александр Михайлов сильно заикался. По тем же сведениям, мать Михайлова (живущая отдельно от мужа) и его сестры живут в Киеве.

По некоторым данным является предположение, что Александр Михайлов есть то же самое лицо, которое называл в своем заявлении дворянин Дрига псевдонимом «Безменов». Лицо это приезжало в июле месяце 1879 г. в Чернигов для займа денег с целью приготовления нового преступного замысла.

Что касается Тюрикова, на которого указывает Адриан Михайлов как на ближайшего участника в убийстве ген.-ад. Мезенцова, то хотя по имеющимся в Курске сведениям в Путивльском уезде и находится трое дворян, носящих фамилию «Тюряков», а не Тюрикова, но все они люди благонамеренные и подозрения никакого не возбуждают.

Засим по некоторым данным, полученным как в Москве, так и в Курске, является предположение, не есть ли Тюриков, на кото-

рого указывает Адриан Михайлов, дворянин Путивльского уезда — Александр Иванов Баранников.

Предположение это основывается на следующем: 1) по производимому начальником московского губернского жандармского управления дознанию о взрыве 19 ноября выясняется, что один из участников этого преступления, известный Гольденбергу под именем Ипполита Кошурникова, есть, по всей вероятности, означенный выше Баранников. Этот Баранников, как подтвердилось и по Курску, находился с малолетства в самых дружеских отношениях с Александром Михайловым, и, не окончив курса в орловской военной гимназии, в 1875 г. отправился в Петербург, где поступил в Павловское военное училище. В 1876 г. Баранников из училища скрылся, прислав на имя своего начальства письмо о намерении лишить себя жизни. После того о Баранникове родные его никаких сведений не получали, и несмотря на розыски, следов его исчезновения обнаружено не было. Очень может быть, что Баранников скрылся из училища для преступных целей и принял фамилию Кошурникова, который, по имеющимся сведениям, умер в С.-Петербурге в 1875 г. Так как за сим Гольденберг указывает, что одним из убийц ген.-ад. Мезенцова был также Кошурников, является возможность, что Кошурников был известен Адриану Михайлову под фамилией Тюрикова, а потому есть одно и то же лицо — именно Баранников. Во 2-х — приметы Кошурникова, по Гольденбергу, и Тюрикова, по заявлению Адриана Михайлова, имеют некоторое сходство.

Принимая во внимание, что Александр Михайлов жребия в Москве в 1877 г. не вынимал, а являлся по отбытию воинской повинности в Курске (как об этом сообщил путивльский исправник), можно с некоторою вероятностью предположить, что сведения, данные Адрианом Михайловым, не вполне точны.

Отношение гр. Лорис-Меликова на имя харьковского губернатора от 21 мая 1880 г. № 4008 [1]).

Совершенно конфиденциально.

Г. харьковскому временному генерал-губернатору.

Из полученных в последнее время достоверных указаний усматривается, что одним из ближайших участников убийства ген.-ад. Мезенцова был дворянин Курской губернии Путивльского уезда, называв-

[1]) На полях: «Главный начальник Верховной распорядительной комиссии по III отделению с. е. в. канцелярии. 21 мая 1880 г. № 4008.»

шийся Тюриковым, и что лицо это находилось в коротких отношениях с уроженцем той же губернии Александром Михайловым, носившим в революционной среде кличку «дворник».

Ввиду сего, сообщив курскому губернатору о неотложной необходимости в производстве экстренных розысков названных лиц, я прошу его о принятии зависящих мер по сему предмету с тем, чтобы розыскные действия были возложены не более как на двух самых опытных и заслуживающих полного его доверия лиц.

О вышеизложенном долгом считаю уведомить ваше сиятельство и присовокупить, что, по распоряжению моему, командирован в г. Курск состоящий при III отделении с. е. и. в. канцелярии надв. сов. Блюм, которому поручено сообщить губернатору все имеющиеся в виду данные, могущие способствовать успеху розыска по Курской губернии.

Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов

Отношение III отделения на имя СПБ. градоначальника от 25 мая 1880 г. № 4054.

Секретно.

По имеющимся в III отделении с. е. и. в. канцелярии сведениям, дворянин Путивльского уезда Курской губернии Александр Сергеев [1]) Михайлов, неизвестно где проживающий, подозревается в весьма важном политическом преступлении.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие не изволите ли сделать зависящее с вашей, м. г., стороны распоряжение о секретном розыскании в здешней столице упомянутого дворянина и собрать сведения, не воспитывался ли он в какомлибо из С.-Петербургских учебных заведений; о последующем же меня уведомить.

За управляющего III отделением сенатор Шмит.

Письмо И. Л. Слезкина Н. К. Шмиту от 28 мая 1880 г. [2]).

Совершенно секретно.

Милостивый государь,
Никита Кондратьевич,

Вследствие письма вашего превосходительства от 21 сего мая за № 3975, имею честь уведомить, что по собранным совершенно негласным сведениям относительно выяснения личности Александра Ми-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Написано на бланке со штампом: «Начальник московского губернского жандармского управления. № 2560». «3 июня 1880 г.»

хайлова и называвшегося Тюриковым оказывается следующее: в числе вынимавших в 1877 г. жребий вообще по отбыванию воинской повинности Александра Михайлова не значится. Дочь священника Александра Ивановская, по освобождении ее 3 января 1877 года из-под стражи, проживала сначала в селе Петровском-Разумовском, близ Петровской земледельческой академии, а потом в конце мая того же года, Арбатской части, 5 квартала, в доме Белова, в отдельной комнате, у съемщицы квартиры зарайской мещанки Татьяны Федоровой Михайловой и 9 сентября 1877 года отмечена выбывшею неизвестно куда. Хотя названная Михайлова и розыскана (она проживает ныне в Лефортовской части, 7 квартала, в селе Богородском), но личность эта, по поведению своему, не внушает к себе доверия; политическая благонадежность ее сомнительна. Михайлова отзывается вообще беспамятностью как о квартировавших у ней, так и о приходивших к ним их знакомых. Живший в 1877 г. в доме Белова в качестве дворника белевский мещанин Василий Николаев Муравлев, оказался выбывшим на родину. Посещали ли Тюриков и Александр Михайлов в 1877 году Александру Ивановскую в доме Белова, установить какими-либо фактическими данными до настоящего времени этого обстоятельства еще не представляется возможности. Относительно сына бывшего путивльского уездного землемера Александра Дмитриева Михайлова и путивльского дворянина Александра Иванова Баранникова, о коих мною донесено III отделению с. е. и. в. канцелярии 8 сего мая за № 2336, по тщательным справкам и негласным сведениям, оказалось, что виды их в Москве в 1877 г. прописаны в полиции не были, но значится прописавшимся 17 ноября из г. Путивля, по свидетельству путивльского уездного исправника, от 24 августа 1877 г. за № 3611, не служащий дворянин Александр Федоров Тюряков, высокого роста, красивой наружности, брюнет, с черной бородкой; он жил в Арбатской части, 5 квартала, в доме Буханова, имел, повидимому, средства; в конце 1878 г. его замечали часто разъезжавшим по Москве на вороной лошади, в пролетке, совершенно схожими с теми, на коих скрылись убийцы ген. Мезенцова. С Тюряковым ездила какая-то дама, имея всегда лицо закрытым черным вуалем; лошадь и экипаж в доме Буханова не помещались, а видели его уезжавшим по направлению к Пресне, именно к той местности Москвы, где проживает много торгующих лошадьми цыган. Когда и куда выехал из Москвы Тюряков, отметки в домовой книге нет. Дальнейшие сведения по вышеобъясненному предмету мною будут сообщены вашему превосходительству по получении таковых немедленно.

Иван Слезкин.

Телеграмма III отделения начальнику московского губ. жанд. управления [1].

Москва

Начальнику губернского жандармского управления.

По дополнительным сведениям, полученным об Александре Михайлове [2]) от близких ему лиц и курского губернатора, подтверждается несомненно, что он в 1877 году являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят в ратники ополчения по недошедшей очереди до имевшегося у него номера жребия. Об этом означенное присутствие уведомляло 24 августа за № 2058 путивльское Курской губернии присутствие. Ввиду таковых несомненных данных о бытности означенного Михайлова в Москве прошу ваше превосходительство распорядиться о собрании о нем всех тех сведений, о которых было вам сообщено в отношении от 21 мая за № 3975 [3]).

За управляющего III отделением сенатор Шмит.

Телеграмма III отделения начальнику киевского губ. жанд. управления [4].

Киев.

Начальнику губернского жандармского управления.

Получено сведение, что важный политический преступник, упоминаемый в указаниях Гольденберга, Александр Михайлов, или же Безменов, есть сын путивльского уездного землемера Александр Дмитриев Михайлов, мать которого Клавдия Осиповна Михайлова живет с дочерью в Киеве на Бульварно-Кудрявской улице в доме генерала Деконор. Старшая ее дочь — в замужестве за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым, живущим также в Киеве. Этим обстоятельством может быть объяснено, почему Михайлов появлялся под фамилией Безменова. Мать содержит квартиру для гимназистов. Большие подробности будут изложены в циркуляре, который вслед за сим последует. Ввиду изложенного немедленно, но самым осторожным образом вполне секретно дознайте, не у матери ли или не у зятя ли Безменова

[1]) Наверху помета: «Шифровать».

[2]) Места, набранные как в этой, так и в следующей телеграммах разрядкой, предполагалось зашифровать.

[3]) Зачеркнуто: «Подробности будут в циркуляре».

[4]) На подлиннике помета: «Шифровать».

скрывается Александр Михайлов. Установите также, если возможно, секретное наблюдение за их корреспонденцией. Если Михайлов окажется, то арестуйте. Приметы его: 25 лет, росту 2 аршина 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, борода окладистая, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, русский тип, комплекции плотной, особая примета — заикается. С ним может находиться также его близкий приятель важный преступник путивльский дворянин Александр Иванов Баранников, появлявшийся иногда под фамилией Тюрикова, приметы которого: 22 лет, росту 2 аршина 8 вершков, брюнет, глаза черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, но смугловато, сложения плотного, голос грубый, особая примета та, что зад сильно выдается. Если будет несомненным, что это лицо укрывается у Михайлова или Безменова, то его также арестовать, но необходимо действовать в изысканиях и наблюдении с большой осторожностью. О последующем телеграфируйте.

За управляющего III отделением сенатор Шмит.

Рапорт курского губернатора главному начальнику Верх. распорядительной комиссии от 3 июня 880 г. № 1528 [1]).

Конфиденциально.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии.

Вследствие предложения вашего сиятельства от 21 числа минувшего мая за № 3977 относительно розысков лица, называвшегося в революционной среде Тюриковым, и Александра Михайлова, носившего в той же среде кличку «дворника», имею честь представить при сем вашему сиятельству следующие сведения, добытые путивльским уездным исправником Глебовым и старшим чиновником особых при мне поручений Снежковым на месте в Путивльском уезде:

1) В г. Путивле проживал сын бывшего путивльского уездного землемера надворного советника Дмитрия Михайлова — Александр, родившийся 17 января 1855 г. Воспитывался он, Александр Михайлов, в новгород-северской, а потом в немировской гимназиях, но ат-

[1]) Наверху помета: «10 июня 1880 г.». На полях карандашом: «Исполнить передано В. А. Гусеву. 9/VI».

тестата зрелости не получил. В 1875 году поступил в С.-Петербургский Технологический институт, но в ноябре того же года был замешан в дело о беспорядках в институте, выслан к отцу в Путивль, а в декабре переехал на жительство в Киев, где проживала его мать с двумя дочерьми и меньшим сыном Митрофаном. Летом 1876 года Михайлову разрешен был въезд в Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений, и он, по свидетельству путивльского уездного исправника, выданному 26 июля 1876 г. за № 1445, отправился в С.-Петербург и, как объяснил отец его, выдержал экзамен в Горный институт, но не поступил за неимением вакансии. Желая приготовиться во 2-й курс того института, он поступил вольнослушателем в математический факультет С.-Петербургского университета, пробыл один год, но точного времени выбытия из оного отец не знает. В течение первого года он посылал сыну по 25 руб. в месяц на содержание, а потом Александр Михайлов написал, чтобы отец денег ему не высылал, потому что, добывая уроками деньги, он не нуждается в помощи из дому, и обещал на высланные 25 руб. привезти сестрам книги. В 1877 г. 5 сентября за № 7536 выдано было путивльским уездным полицейским управлением годовое свидетельство Александру Михайлову, и когда, за истечением оному срока, отец Михайлова в ноябре 1878 г. обратился к путивльскому уездному исправнику Глебову с словесною просьбою о выдаче нового свидетельства, то исправник ему отказал, объяснив, что свидетельство будет выдано в таком только случае, когда будет возвращено прежнее с удостоверением местной полиции, что к выдаче нового свидетельства препятствий нет. За непредставлением Михайловым старого свидетельства и удостоверения, новое свидетельство выдано не было. — Дмитрий Михайлов (отец розыскиваемого) говорит, что с осени 1878 г. он не получал от сына известий, и о месте жительства и занятиях его он ничего не знает. Фотографической карточки и писем сына у него нет, а полагает, что карточка, снятая во время нахождения его в гимназии, есть у жены его Клавдии Осиповны.

У надв. сов. Дмитрия Михайлова в г. Путивле дом и в 25 верстах от Путивля в деревне Алеевой небольшое имение, в котором никто из семьи постоянного жительства не имел и не имеет. Жена его Клавдия Осиповна с 1874 года переехала на жительство в Киев и проживает в настоящее время на Бульварно-Кудрявской улице в доме ген. Деконор. Старшая дочь Клеопатра замужем за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым, остальные — сын Митрофан, 16 лет, в реальном училище, а дочери — Анна и Клавдия находятся при матери. Михайлова содержит квартиру для учеников реального училища.

Приметы Александра Михайлова: 25 лет, рост около 2 аршин 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, окладистая борода, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, красноватое, тип вполне русский, народный, комплекции довольно плотной и крепкой, особая примета заиковатость.

2) Александр Дмитриев Михайлов состоял на очереди по отбытию воинской повинности в 1876 г. и был внесен в призывной список по первому участку Путивльского уезда, но как имевший право на льготу первого разряда, лично к исполнению повинности не явился, и жребий № 304 за него 13 декабря того же года был вынут председателем присутствия. Свидетельство, от 30 декабря за № 1907, о зачислении Михайлова в ополчение отослано было ему чрез путивльское полицейское управление и под расписку вручено ему надзирателем 2 части г. Путивля 24 января 1877 г. Когда в 1877 г. последовало высочайшее повеление о призыве на службу ратников ополчения, то при исполнении этого высочайшего повеления в Путивле 1 августа 1877 г. Михайлов находился в зале воинского присутствия, но так как в списке ополченцев по порядку он был записан 147-м, а всех ополченцев по первому участку Путивльского уезда следовало принять 115 и распоряжение об избавлении льготных первого разряда от приема на службу в то время еще не было получено, то Михайлов, увидя, что очередь подходит к его номеру, незаметно из залы присутствия скрылся. Воинское присутствие, сочтя это за желание уклониться от исполнения воинской повинности, немедленно распорядилось о приглашении Михайлова в присутствие чрез полицию, но эта последняя не нашла его уже в городе, так как Михайлов, по заявлению своего отца, придя из присутствия, сейчас же уехал в Москву, где будто бы желал отбыть воинскую повинность.

Вследствие этого путивльское уездное по воинской повинности присутствие отнеслось в московское городское присутствие с вопросом, являлся ли Михайлов в Москве к отбытию ратницкой повинности, и московское воинское присутствие, отношением от 24 августа за № 2058, уведомило, что Александр Михайлов для поступления в ратники ополчения являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят по недошедшей до имевшегося у него номера жребия очереди.

В Москве он заходил два или три раза к родной тетке своей (по матери) Анастасии Осиповне Вартановой, проживавшей в то время вместе с мужем своим, вольнопрактикующим врачом Василием Ивановичем Вартановым, на Солянке, в доме Кобыжской. Вартанова в настоящее время живет в Путивле и заявила, что, где останавливался в августе месяце 1877 г. в Москве ее племянник Михайлов и имел ли,

кроме нее, в Москве кого-либо знакомых, она не знает. Муж Вартановой живет в настоящее время в Москве на Солянке в доме сербского подворья.

3) О месте нахождения в настоящее время Михайлова сведений нет. Пристав 3 стана Путивльского уезда Воронин заявил, что в прошедшем году в Путивле, в своем доме, не помнит, от кого из родных Михайлова, он слышал, что сестра его Клеопатра Безменова, проезжая летом из Киева в Крым, встретила в Одессе Александра Михайлова. Дворянин Василий Карпович Порскалов, женатый на родной тетке Михайлова, проживающей ныне в Путивле, заявил, что слышал он, будто бы Александр Михайлов рождественские праздники 1879 г. провел у своей матери в Киеве и что он Михайлов в 1877 или 1878 гг. в Петербурге проживал в качестве домашнего учителя в квартире какого-то экономa одного из казенных учебных заведений и получал жалованья по 10 руб. в месяц. Фамилии экономa и названия учебного заведения он не знает. При сем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что розыскиваемый по сообщению начальника киевского губернского жандармского управления, от 30 июля 1879 г., Семен Игнатьев Безменов, он же и Михаил Дмитриев Михайлов, подходит к Александру Михайлову, как по описанным в сообщениях тех приметам, так и по перефразированным имени, отчеству и фамилии отца (Дмитрий Михайлович Михайлов), а Безменов — фамилия его зятя.

Александр Михайлов редко давал свои фотографические карточки товарищам и знакомым; из бывших товарищей его барон Михаил фон-Дистерло говорит, что имел карточку Михайлова, снятую довольно верно в возрасте 17—18 лет, но карточка та пропала и таковую ни от кого из знакомых его добыть было невозможно.

4) Приметы путивльского дворянина Александра Иванова Баранникова: 22 лет, роста около 2 аршин 8 вершков, брюнет, глаза и брови черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое смугловатое, сложения плотного, голос имеет довольно густой и сильный. При сем представляется карточка Баранникова, снятая во время нахождения его в орловской военной гимназии. Дмитрий Михайлов, колл. секр. Николай Тюряков, бар. Михаил фон-Дистерло и дворянин Иван Григорьевич Санцевич говорят, что у Баранникова зад значительно выдается, и последний присовокупил, что летом 1875 г. вся путивльская молодежь постоянно смеялась над этою особенностью в фигуре Баранникова. Семейное положение Баранникова: мать Елизавета Ивановна, родом грузинка, брат Василий, 30 лет, капитан, служил в 5-й артиллерийской бригаде, служит ныне в болгарской армии; сестра

Надежда замужем за путивльским нотариусом Якубовичем и меньшая — Мария, 19 лет, девица, живут при матери в г. Путивле, в собственном доме. — В деревне Алеевой у Баранниковых имения нет, а находится таковое, в количестве 102 десятин, в разных дачах недалеко от Путивля. Александр Баранников окончил курс наук в орловской военной гимназии в 1875 г.; во время каникул сдружился с Александром Михайловым, который, приобретя на него сильное влияние, уговаривал не поступать в военное училище, и только по усиленным просьбам родных, он поступил в Павловское военное училище, но в апреле 1876 г. неизвестно куда скрылся. — Мать его заявила, что с пасхи 1876 г. она о сыне не имеет никаких известий. Короткость отношений между Михайловым и Баранниковым возникла только летом 1875 г. В то время на несколько дней приезжали к Михайлову товарищи его по новгород-северской гимназии Дорошенко из Глуховского уезда и Масютин, уроженец также Черниговской губернии, но какого уезда, а равно как зовут Дорошенко и Масютина, Дмитрий Михайлов не объяснил. Образ жизни Михайлова и Баранникова не навлекал никаких подозрений в чем-либо дурном. Занимались они хождением на охоту, стрельбой, и не было слухов, чтобы они входили в сношение с простонародием. О месте нахождения в настоящее время Баранникова сведений нет.

5) Дворянина Федора Тюрикова в Путивльском уезде нет и не было, но есть фамилия Тюряковых. Недавно умерший колл. сов. Петр Захарович Тюряков был женат на родной (по отцу) тетке Александра Баранникова, имел двух сыновей: губернского секретаря Петра 35 лет и колл. секр. Николая 29 лет; оба они среднего роста (около 2 арш. 5 вершков), старший — брюнет, с черными глазами и довольно резко определенными чертами лица, все время жил в г. Путивле, где Тюряковы имеют дом, и в Путивльском уезде в своем имении; а Николай—блондин, с несколько рыжеватым оттенком волос, в особенности на бороде, с светлосерыми глазами и тонкими чертами лица, — кончил в 1876 г. курс наук в Московском университете, в том же году поступил кандидатом на судебную должность при прокуроре московского окружного суда Муравьеве, в октябре 1877 г. вышел в отставку, а в январе 1878 г. зачислен кандидатом на судебные должности при прокуроре ярославского окружного суда, в июне того же года женился, август провел за границею, а с сентября 1878 г. проживает почти постоянно в Путивльском уезде в своем имении. Тюряковы не навлекали на себя подозрения в политической неблагонадежности.

Губернатор А. Жедринский.

Отношение III отделения на имя курского губернатора от 10 июня 1880 г. № 4408.

Секретно.

Препровождая при сем фотографическую карточку неизвестного лица, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство почтить меня, с возвращением оной, в возможно непродолжительном времени уведомлением, не имеет ли она сходства с упоминаемым в вашем, милостивый государь, представлении главному начальнику Верховной распорядительной комиссии от 3 сего июня за № 528 сыном бывшего путивльского уездного землемера надворного советника Дмитрия Михайлова — Александром Михайловым.

За управляющего III отд. сенатор Шмит.

Циркуляр III отделения от 11 июня 1880 г. № 4412.

Совершенно секретно.

Начальникам губернских жандармских управлений и начальникам жандармских полицейских управлений железных дорог.

По одному из важных политических преступлений III отделением с. е. имп. вел. канцелярии розыскиваются два лица, из которых одно, имевшее подложный документ на имя дворянина Путивльского уезда Тюрикова, как это оказалось впоследствии по расследованию, проживало по этому документу в С.-Петербурге в июле 1878 г. и в начале августа успело скрыться; другое же лицо, имея также подложный документ [1]) почетного гражданина из тульской [2]) городской управы на имя Безменова, сделалось известным III отделению только в июне 1879 г. и, как не имевшее нигде постоянного жительства и появлявшееся в разных местностях только проездом, лицо это также точно, как и первое, именовавшееся Тюриковым, оставалось неуловимым.

Наконец, после долгих усилий, направленных к обнаружению действительного звания этих преступников, о них в последнее время получено сведение, что известный под именем Тюрикова есть путивльский дворянин Александр Иванов Баранников, а именовавшийся Безменовым — сын путивльского уездного землемера, надв. сов. Дмитрия Михайлова — Александр Дмитриев Михайлов.

Сведение это было подвергнуто самой подробной и тщательной проверке, результат которой, вследствие совершенного совпадения

---

[1]) Зачеркнуто: «отставного служащего».

[2]) Зачеркнуто: «земской».

всех обстоятельств, оказавшихся в отношении этих двух лиц с теми данными, которые имелись в виду в отношении Тюрикова и Безменова, убеждает в том, что Баранников и Михайлов несомненно те самые лица, которые, во время преступной деятельности их, были известны за Тюрикова и Безменова.

Из подробностей, относящихся до этих лиц, оказалось:

Баранников 22 лет, роста около 2 аршин 8 вершков, брюнет, глаза и брови черные, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое смугловатое, сложения плотного, голос имеет довольно грубый и сильный; зад значительно выдается. Он имеет мать Елизавету Иванову, родом грузинку; брата Василия 30 лет, бывшего капитана 5-й артиллерийской бригады, а ныне служащего в болгарской армии; сестру Надежду, находящуюся в замужестве за путивльским нотариусом Якубовичем, и меньшую — Марию 19 лет, девицу, живущую при матери в г. Путивле, в собственном доме. У Баранниковых имеется земля, в количестве 102 десятин, в разных дачах недалеко от Путивля. Александр Баранников окончил курс наук в орловской военной гимназии в 1875 г.

Александр Михайлов 25 лет, росту около 2 аршин 6 вершков, волосы светлые с рыжеватым оттенком, окладистая борода, глаза светлосерые, нос прямой, подбородок круглый, лицо белое, красноватое, тип вполне русский, народный, комплекции довольно крепкой и плотной; особая примета — заиковатость. Он имеет отца, который, как выше сказано, землемер в Путивльском уезде; мать Клавдию Осиповну, живущую с 1874 года в Киеве на Бульварно-Кудрявской улице, в доме ген. Деконор. Старшая сестра его Клеопатра замужем за учителем киевского реального училища Павлом Петровичем Безменовым; брат Митрофан 16 лет, в реальном училище, а сестры Анна и Клавдия находятся при матери, которая содержит квартиру для учеников реального училища. У отца в г. Путивле дом и в 25 верстах от Путивля, в деревне Алеевой, небольшое имение, в котором никто из семьи постоянного жительства не имел и не имеет. Воспитывался Александр Михайлов в новгород-северской, а потом в немировской гимназиях, но аттестата зрелости не получил. В 1875 г. поступил в С.-Петербургский Технологический институт, но в ноябре того же года был замешан в дело о беспорядках в институте, выслан к отцу в Путивль, а в декабре переехал на жительство в Киев к матери. Летом 1876 г. Михайлову разрешен был въезд в Петербург для поступления в одно из высших учебных заведений, и он, по свидетельству путивльского уездного исправника, выданному 26 июля 1876 г. за № 1445, отправился в С.-Петербург и выдержал экзамен в Горный институт, но не поступил, за неимением вакансии. Желая приготовиться на 2-й

курс того института, он поступил вольнослушателем на математический факультет С.-Петербургского университета, пробыл один год, но точное время его выбытия из оного не определяется. В 1877 г. 5 сентября ему было выдано путивльским уездным полицейским управлением годовое свидетельство за № 7536, которому истек срок в ноябре 1878 года. В 1876 году он был внесен в призывной список для отбывания воинской повинности по 1 участку Путивльского уезда, но как имевший право на льготу 1-го разряда, лично к исполнению повинности не явился, и жребий № 304 за него 13 декабря того же года был вынут председателем присутствия. Свидетельство от 30 декабря за № 1907 о зачислении Михайлова в ополчение было ему вручено под расписку 24 января 1877 года. Когда в 1877 г. последовало высочайшее повеление о призыве на службу ратников ополчения, то при исполнении этого высочайшего повеления в Путивле 1 августа 1877 года Михайлов находился в зале воинского присутствия; но так как в списке ополченцев по порядку он был записан 147-м, а всех ополченцев по 1-му участку Путивльского уезда следовало принять 115 и распоряжение об избавлении льготных 1-го разряда от приема на службу в то время не было еще получено, то Михайлов, увидя, что очередь подходит к его номеру, незаметно из залы присутствия скрылся. Воинское присутствие сочло это за желание уклониться от исполнения воинской повинности, немедленно распорядилось о приглашении Михайлова в присутствие чрез полицию, но последняя его не розыскала, а получила лишь сведения, что он уехал в Москву, где, будто бы, желал отбыть ратницкую повинность. Вследствие этого путивльское уездное по воинской повинности присутствие отнеслось в московское городское присутствие с вопросом, являлся ли Михайлов в Москве к отбытию ратницкой повинности, и московское воинское присутствие, отношением от 24 августа за № 2058, уведомило, что Александр Михайлов для поступления в ратники ополчения являлся в московское городское по воинской повинности присутствие 7 августа, но не принят по недошедшей до имевшегося у него номера жребия очереди. В Москве он заходил два или три раза к родной тетке своей (по матери) Анастасии Осиповне Вартановой, проживавшей в то время вместе с мужем своим, вольнопрактикующим врачом Василием Ивановичем Вартановым, на Солянке, в доме Кобыжской. Сама Вартанова в настоящее время живет в Путивле, а муж в Москве на Солянке в доме сербского подворья. Рождественские праздники 1879 г. Михайлов провел у своей матери в Киеве, а в 1877 или 1878 гг. в Петербурге проживал в качестве домашнего учителя в квартире какого-то экономa одного из казенных учебных заведений и получал жалованья по 10 руб. в месяц. Фамилия экономa и название учебного заведения неизвестны.

Баранников и Михайлов, как оказалось, уже давно весьма близкие между собою, и последний, приобретя сильное влияние на первого, находясь с ним во время каникул в Путивльском уезде почти неразлучно, уговаривал не поступать в военное училище, так что только усиленные просьбы родных Баранникова успели склонить его на поступление в Павловское военное училище, откуда он, выйдя в апреле 1876 г., неизвестно куда скрылся. Из молодых людей, находившихся с обоими названными лицами в самых близких отношениях, известны пока только два лица — бывшие товарищи Михайлова по новгород-северской гимназии, Дорошенко из Глуховского уезда и Масютин, уроженец Черниговской губернии, но какого уезда, а равно как зовут Дорошенко и Масютина, еще недознано.

К вышеизложенному необходимо присовокупить, что родная тетка Баранникова была в замужестве за умершим в Путивльском уезде колл. сов. Петром Захаровичем Тюряковым, фамилией которого, по всему вероятию, Баранников и воспользовался, называвшись Тюриковым. Причем у Тюряковых хотя имеется два сына, но оба они находятся налицо и подозрений на себя ничем не навлекают.

Сообщая о вышеизложенном, долгом считаю покорнейше просить вас, м. г., сделать распоряжение о принятии чрез подведомых вам чинов самых деятельных мер к розыску Баранникова и Михайлова, а также к выяснению личностей Дорошенко и Масютина с тем, что если Баранников и Михайлов будут розысканы под этими именами или при розыске их встретятся лица с другими фамилиями, но, по приметам и другим данным, изложенным в настоящем циркуляре, будут представляться несомненно Баранниковым и Михайловым, то их арестовать и телеграфировать III отд. Что же касается Дорошенко и Масютина, то в отношении их необходимо ограничиться только наблюдением и мерами секретных изысканий с целью через них, если окажется возможным, дознать о месте пребывания Баранникова и Михайлова. Во всех случаях, которые встретились бы при розысках названных преступников и вызывали бы сношения с другими местами и лицами, не оставьте в сношения эти входить непосредственно по телеграфу, сообщая III отд. о результатах таковых сношений в случае розыскания Баранникова, Михайлова, Дорошенко и Масютина.

За управляющего III отд. сенатор Ш м и т.

Разбор шифр. телеграммы полк. Новицкого из Киева от 16 июня 1880 г. [1]).

Мать Михайлова и зять Безменов в день получения депеши розысканы, установлено день и ночь наблюдение. Пребывание у них Александра Михайлова и Баранникова положительно не обнаружено.

[1]) Заголовок подлинника.

Наблюдение установило тот факт, что семейство Михайлова и Безменовых даже не посещается молодежью. Наблюдение продолжается.

Черновик докладной записки гр. М. Лорис-Меликова вел. кн. Михаилу Николаевичу от 16 июня 1880 г. № 4534.

Ваше императорское высочество.

Долгом считаю [1]) почтительнейше представить вашему императорскому высочеству два экземпляра циркуляров III отд. с. е. и. в. канцелярии от 11 сего июня на имя губернаторов и начальников жандармских управлений, о повсеместном розыске дворянина Александра Иванова Баранникова и сына надв. сов. Александра Дмитриева Михайлова, причастных к политическим делам: первый об убийстве ген.-ад. Мезенцова, а последний о покушении 19 ноября под Москвой, [2]) в тех видах, что, может быть, вашему императорскому высочеству [3]) благоугодно [4]) будет сделать какое-либо [5]) распоряжение по настоящему предмету по Кавказскому краю.

С чувством глубочайшего высокопочитания имею честь быть вашего императорского высочества всепокорнейший и преданнейший слуга.

Гр. Михаил Лорис-Меликов.

Копия письма гр. М. Лорис-Меликова от 16 июня 1880 г. № 4535 [1]).

Секретно.

Милостивый государь, Петр Павлович [6]).

Препровождая при сем к вашему высокопревосходительству экземпляр циркуляра III отд. с. е. и. в. канцелярии от 11 сего июня за № 4412 на имя гг. губернаторов и начальников губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог о повсеместном розыскании дворянина Александра

---

[1]) Зачеркнуто: «Имею честь».

[2]) Зачеркнуто: «Вместе с тем представляю на благоусмотрение».

[3]) Зачеркнуто: «не».

[4]) Зачеркнуто: «ли».

[5]) Зачеркнуто: «особое».

[6]) Письмо представляет литографированную копию; адресат — П. П. Альбединский. Подобные копии были разосланы. А. Р. Дрентельну, Н. А. Крижановскому, М. И. Черткову, кн. В. А. Долгорукову, кн. А. М. Дондукову-Корсакову, гр. Э. И. Тотлебену, гр. Н. В. Адлербергу, Н. Г. Казнакову и Д. Г. Анучину.

Иванова Баранникова и сына надворного советника Александра Дмитриева Михайлова, проживавших с подложными документами под фамилиями: первый — Тюрикова, а последний — Безменова, для ваших, м. г., соображений, имею честь покорнейше просить, в случае, если бы вы изволили признать с своей стороны какие-либо особые распоряжения по настоящему предмету по вверенному вам краю, то я покорнейше просил бы вас о таковых сообщить прямо от себя подлежащим губернаторам и начальникам губернских жандармских управлений.

Примите, ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Лорис-Меликов.

Разбор шифр. телеграммы от полк. Мерклина из Чернигова 19 июня 1880 г. [1])

Переведенный из Новгород-Северского в 1878 г. в черниговскую гимназию Александр Германович Масютин сдал на-днях экзамен, поступит в Московский университет. Родился 1859 г., хуторе Ивановском, Кролевецкого уезда. Донесение, карточка почтой.

Об упоминаемом в этой телеграмме Масютине требовались сведения вследствие указаний на близкие отношения его к Александру Михайлову, он же Безменов, и Баранникову, он же Тюриков, из которых последний был одним из убийц ген.-ад. Мезенцова, а первый — ближайшим лицом к Адриану Михайлову, увозившему убийц Мезенцова. 20/VI [2]).

Телеграмма III отделения начальнику московского губ. жанд. управления [3]).

Москва. Начальнику губернского жандармского управления.

По делу об Александре Михайлове, он же Безменов, в Курской губернии было выяснено, что одним из ближайших к нему лиц, гостивших у него в вакационное время в Путивльском уезде, был гимназист Масютин из Черниговской губернии. Ныне дознано, что Масютин этот на-днях поступил в Московский университет, имя его Александр

---

[1]) Заголовок подлинника. На полях помета: «Возвратить со справкою 19 июня».

[2]) Слова: «Об упоминаемом в этой телеграмме... Мезенцова. 20/VI» — написаны карандашом другой рукой.

[3]) На подлиннике помета: «Шифровать».

Германов, из черниговской гимназии. Поэтому, быть может, Михайлов, он же Безменов, а также и Баранников, он же Тюриков, упоминаемые в циркуляре № 4412, скрываются или у него, Масютина, или у его товарищей. Прошу самым секретным и осторожным образом выяснить все отношения Масютина, учредить за ним самое секретное наблюдение, с целью этим способом напасть на след Михайлова и Баранникова, с которыми Масютин не может не находиться и теперь в сношениях. Обо всем, что окажется, телеграфируйте.

Вр. упр. III отд. ген.-м. Никифораки.

Разбор шифр. телеграммы от полк. Мерклина из Чернигова 19 июня 1880 г. 12 ч. 17 м. дня [1]).

Новицкий сообщает: Дриго, быв зимой Киеве, заезжал с узлом руках дом Деконор на углу Бульварно-Кудрявской и Кадетского переулка, где жила жена землемера из Путивльского уезда Клавдия Осипова Михайлова, мать розыскиваемого по № 4412. Ввиду чего Новицкий просит почерпнуть сведения о лицах № 4412 от Дриго, ныне Петербурге находящегося.

Телеграмма III отделения начальнику черниговского губ. жанд. управления 20 июня 1880 г. № 366.

Пред получением вашей телеграммы девятнадцатого июня Дриго отправился Чернигов обратно. Прошу по прибытии его получить от него все те сведения о лицах № 4412, какие он может сообщить, и о таковых телеграфировать мне и полковнику Новицкому.

Вр. упр. III отд. ген.-м. Никифораки.

---

[1]) Заголовок подлинника.

Из записной книжки архивиста.

«Кровавое воскресенье» в Петербурге.

(Из перлюстраций деп. полиции о 9 января 1905 г.)

Ниже публикуется несколько отрывков из перлюстрированных департаментом полиции писем, содержащих сведения о том, как прошло кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в Петербурге. Авторы писем принадлежат к различным социальным группировкам, но во всех письмах звучит один лейтмотив: 9 января престиж самодержавия навсегда пал, страна вступила на путь революции. Во всех письмах подчеркивается революционизирующее действие расстрелов 9 января на политическое сознание питерских рабочих. Автор «письма без подписи», адресованного в Женеву, очень ярко обрисовавший этот перелом настроения рабочих, совершенно правильно заключает: «Безусловно, 9 января был первый революционный день в Петербурге, все это так и понимают. Все рабочие теперь понимают и говорят о том, насколько были правы с.-д. — точно предсказавшие, чем кончится гапоновская хоругвеносная затея. — В некоторых письмах зафиксированы любопытные наблюдения непосредственных очевидцев событий 9 января, представляющие несомненную ценность для полной и неподтасованной картины кровавого дня 9 января в Петербурге.

Перлюстрации, воспроизводимые здесь в отрывках, хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в Москве (фонд деп. пол., особый отд., дела № 4, ч. I, № 4, ч. I, т. 2, № 1666).

Л. Бражe.

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, С.-Петербург, от 9 января 1905 г., к Александре Николаевне Люминарской, в Москву, Б. Никитская, д. Пенкина, кв. 11 [1]).

Прелюдия закончена сегодня. Завтра примут участие все. На собрании в Экономическом обществе выработана известная программа (публика разнородная), представленная «бюро», организованным сегодня нашими радикалами в Публичной библиотеке. Идет агитация в войсках. Работа организуется и разрабатывается «бюро». Что будет завтра? Весь город терроризован. Настроение у публики чисто революционное. В собрании Экономического общества Максим Горький прочел письмо священника Гапона: «Товарищи рабочие, у русского народа нет царя. Сегодня порвалась та связь, которая существовала между ним и народом: пролилась русская кровь. Мы теперь будем бороться за нашу свободу». Удалось агитировать среди фармацевтов, больше 50 аптек перестали работать, так как все фармацевты из них ушли. Сегодня им не дали нигде собраться, соберутся завтра. Пишите, что у вас. Здесь ждут, что завтра и у вас начнется.

Выписка из полученного агентурным путем

[1]) Заголовок здесь и далее подлинника.

письма, без подписи, С.-Петербург, от 10 января 1905 г., к Вере Викторовне Танаевской, в Вятку, редакция «Земской газеты».

Ужас берет при одном воспоминании о виденном и слышанном вчера. Утром мы на собрании решили: кто отправится в место отправки рабочих, кто по городу для сбора денег, иные должны были изготовить в нескольких тысячах экземплярах петицию рабочих к царю и письмо к Святополку; наконец, были организованы санитарные отряды, с врачами, фельдшерами и сестрами во главе, — для них намечены в ближайших к предполагаемым местам побоища квартиры у частных лиц. Пред уходом собрание выслушало вести, принесенные из трех главных пунктов посланными накануне нашими разведчиками. Вести принесли из-за Невской заставы, где до 60 тыс. рабочих, из-за Нарвской заставы и еще с Васильевского острова от 5 отделения собрания рабочих. Впуск в отделения делается группами в 5—8 сот человек сразу. Впуск делается табельщиками, что гарантирует от сыщиков.

Наши разведчики приехали на пункт в 7 час. утра и, кроме 5 отделения, везде застали уже толпы. Двери в собрание им открывали карточки «Наш. Ди»., причем, как им, так и еще другим, которые бывали раньше на прежних собраниях по своей инициативе, говорили, что «социалистов» рабочие не терпят, что требования ими уже выработаны и, если бы они, разведчики, стали говорить (а в этом была большая нужда), то говорили бы согласно требованиям рабочих, тем более, что на предыдущих собраниях рабочие, вместе с попом Гапоном, поклялись эти требования защищать до последней капли крови. Еще накануне один наш интеллигент рассказывал сцену, как происходило чтение петиции Гапона. Прочтя первый пункт, Гапон останавливается и спрашивает: «Так ли товарищи?»—«Так», — отвечала толпа. Так шло чтение 2-го, 3-го и др. пунктов, а когда дошли до места: «Если ты, царь, не примешь своего народа и не возьмешь от него эту просьбу, то, значит, нам остается только умереть здесь», Гапон спрашивает: «Так ли, товарищи?» — «Так!» — «Значит, если царь нас не примет, то у нас нет больше царя. Так ли?» — «Так!» — «Клянетесь?» — «Клянемся!» То же «клянемся» было и при решении не ворочаться живыми к семьям, а лечь костьми.

Наши разведчики застали на дворах отделений уже массы рабочих, а в залах шли объяснения. Везде толпы были полны решимости дойти до царя, и везде вера в царя заставала всевозможные препятствия на пути от полиции. Накануне нам объявлено было, что Гапон решил вести рабочих вооруженных на случай препятствий от полиции; по сему случаю было воззвание к публике об оружии. Но утром везде на собраниях рабочим говорилось уже, что они идут «по-хорошему», а потому никакого оружия не надо, и, действительно, не взяли. За Невской заставой женщины-работницы решили итти вместе, и им отведено было место в конце колонны. Организационный комитет рабочих заранее озаботился достать перевязочные средства, и с ними женщины, в качестве сестер милосердия, шли позади. За Нарвской заставой решили этот вопрос немного иначе. Здесь молодые девушки не хотели отставать от своих коллег мужчин и решили итти рядом, среди них, рука об руку. И этих добрых подруг я видела вчера в часовне Обуховской больницы также рядом с своими товарищами, но уже без движения. Из числа убитых за Нарвской заставой в Обуховскую часовню привезли 18 трупов, из них две женщины, одна без головы, а у другой — молодое и миловидное лицо, по которому можно судить, что ей 18—20 лет.

Продолжаю далее, со слов разведчика, об утрате. Остальные женщины и здесь были в конце колонны с перевязочными средствами в качестве сестер милосердия.

В 5 отделе разведчик не застал еще в сборе рабочих, и они при нем только начали сходиться.

Разведчики за Невской заставой с ними же и отправились в путь в 10 час. утра. Им, на всякий случай, приготовили лошадь и поставили их в середину колонны, чтобы полиция не видела. Около церкви «Скорбящих радости» рабочим был прегражден путь казаками. Что происходило в первых рядах, разведчик не знает (другой разведчик был послан в аптеку за медикаментами и перевязочными средствами). Но только вскоре раздался залп. Тогда рабочие посадили разведчика на лошадь и окольными путями направили в город сказать все нам, заявив, что они так или иначе, а придут на Дворцовую площадь. Какой результат от залпа, этот не знает, а второй разведчик подтвердил, что было два залпа и, повидимому, оба холостые или в воздух. Здесь нужно заметить, что еще накануне нам рассказывали, что рабочие почти не сомневались в двух полках, что последние не будут стрелять в них. И, действительно, вчера говорили, что семеновцы были заперты, и оружие у них арестовано (конечно, к слуху относитесь сдержанно). В результате после залпов рабочие бросились через заборы врассыпную по переулкам и дошли беспрепятственно, хотя, может, и не все. Лично я, объезжая в час дня мосты и спуски на Неву с Петербургской стороны и Выборгской, видела, что все мосты были окружены с той стороны солдатами.

Сегодня, говорят, опять Дворцовая площадь полна народу.

Перевод письма на польском языке без подписи, из С.-Петербурга, от 11 января 1905 г., в Ташкент, Ивану Станиславовичу Мончевскому, Русско-Китайский банк.

В Петербурге 11 января в пассаже убили одного офицера и одного солдата. Рабочие пылают ненавистью к войску: лишь только покажется военный, офицер или кто-нибудь из военных (кроме солдат), сейчас же раздаются свистки и проклятия, направленные по их адресу. Когда проезжал по Невскому великий князь Борис, рабочие бросились к нему с криками: «бей его, бей мерзавца!» Этот, конечно, велел подогнать лошадь и улизнул. У бывшего московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, есть в Петербурге на Фонтанке собственный дом, так в нем все окна повыбиты, а на воротах написано большими буквами «Вор». 9, 10 и 11 на главных улицах, где они перекрещиваются, стояло по полроты. Масса фабрик делает уступки рабочим, которые мало-помалу становятся на работу. В Москве гораздо спокойнее, хотя забастовки начались 9 января. Лишь только одна фабрика окончит, другая начинает забастовку, хотя много здешних фабрикантов почти-что моментально соглашается на требования рабочих. В первый день забастовки в Москве, когда рабочие собрались за Москвой-рекой на Конном плацу и Коровьем валу на совещание, напали на них казаки и разогнали. Чтобы не пускать фабричных, которые забастовали за рекой, в центр города, все мосты и набережные были заняты войсками; для охраны города были вызваны войска из Твери, так как в Москве их осталось очень мало (около 8 000). Местные власти пускаются на такие проделки: вывешиваются объявления, содержание коих гласит, что все эти волнения произошли вследствие агитации со стороны Англии и Японии. Сергей переехал из дома генерал-губернатора в «Нескучное» и для охраны от рабочих потребовал две

роты солдат, но потом испугался и переселился в Кремль ночью на пяти подводах.

В Москве — забастовка присяжных поверенных (250 человек).

12 января в Москве предполагалось устроить вечер, посвященный 12-му (150 лет Московского университета) и осуждению событий 9 и 10 января сего года, каковой вечер имел быть в Технической школе (высшее учебное заведение), вход по билетам, которых было распродано 1 200 штук; начало вечера было назначено в 7½ часов. Когда об этом доложили директору школы, то он ни за что не хотел согласиться и сказал, что слагает с себя обязанности, относящиеся к школе (только на 12-е), и передает ее в распоряжение полиции. Тогда профессора, намеревавшиеся принять участие, отказались. 12-го же вечером стали собираться студенты и публика с билетами перед школой, где стояли полиция и войска. После продолжительных переговоров с полицией студенты одержали верх и были впущены в здание Технического пансионата. Если бы только полиция начала побоище, то дошло бы до большого кровопролития, так как почти все студенты, рабочие и публика были вооружены револьверами.

В Петербурге все высшие учебные заведения временно закрыты администрацией не по причине забастовки, а вследствие последних событий. Убиты: студент Политехники [1]) и студент Горного института (Лури [2]). Арестованы: И. В. Гессен, Кареев, Пешехонов, Анненский — в Петербурге; Горький арестован — в Риге, куда поехал из Петербурга на время рабочих волнений. Петербургская Политехника с директором и профессорами послала министру внутренних дел протест против такого разбоя, какой имел место в Петербурге. На похоронах убитого студента Политехники присутствовал директор, профессора и студенты Политехники, Лесного института и масса публики. У нас в институте 18 января будет с согласия директора панихида по убитом студенте Политехники (9 день со дня смерти) и по всем убитым 9 и 10 января в Петербурге. Сперва студенты нашего института обратились с этим предложением к нашему попу, но последний отказал без разрешения директора, из боязни брать на себя такую большую ответственность.

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В газетах напечатано, что Лури умер 9-го, а И. Гессен на некоторое время уехал из Петербурга. Прим. в подлиннике.

*

17 января Костромское общество земледелия обратилось к императорскому Московскому обществу земледелия в Москве с предложением ходатайствовать перед правительством о проведении конституционных требований народа, каковые требования с самого начала русско-японской войны были представляемы министру внутренних дел разного рода собраниями, земствами, обществами и т. п. Так, например, общество земледелия признало, во-первых, несоответственным вступать с правительством в переговоры в такое время, когда почти вся Россия объявила последнему войну, и решило добиваться своих требований путем борьбы силой, во-вторых, считает позором для русского народа обращаться с просьбой к правительству, которое убивает своих беззащитных подданных рабочих; в-третьих, о таковом решении поставить в известность (письменно) правительство, царя, земства и весь русский народ.

17 января в московском окружном суде присяжные поверенные закрыли свои адвокатские знаки крепом: 1) как символ траура по убитым в Петербурге и 2) как протест против такого поведения правительства по отношению к своим подданным.

Сегодня директор изменил свое решение относительно панихиды, так что на вечернем студенческом собрании постановлено предложить директору: 1) или 18 января — панихида, на которой, кроме нас — землемеров, будут присутствовать и представители других высших учебных заведений и рабочих союзов и публика, 2) или же завтра вечером, самое позднее в конце этой недели, — политическая вечеринка (митинг) с участием представителей разных высших учебных заведений гор. Москвы, Петербурга и Киева, которые как раз в настоящее время находятся в Москве, а также с участием делегаций от рабочих партий. Все это, очевидно, может обойтись не совсем благополучно, может быть, даже с кровопролитием и закрытием на некоторое время института; хотя, быть может, все пройдет совершенно спокойно. В Москве все высшие учебные заведения еще до сих пор не открыты после праздников, хотя известно, что лишь только они откроются, то немедленно же будут назначены всеобщие собрания, касающиеся настоящего положения вещей.

Выписка из полученного агентурным путем письма, без подписи, С.-Петербург, от 12 января 1905 г. к акушерке Р. М. Чертковой, в Гомель, Могилевская ул., д. Ашпиза, для Хаи.

Движение продолжается. Ожидаются большие события. Было организовано бюро революционное, в состав его входили лучшие люди России, но часть из них уже арестована. Арестованы: Горький, Мякотин, Анненский, Кедрин, Пешехонов. Было решено устраивать митинги с рабочими, но пока нет еще сил, так как полиция не дает собираться; надо помещение брать с оружием в руках; к этому делаются приготовления, собираются деньги и пр. в этом роде. Решено, чтобы лица интеллигентных профессий, кроме врачей, забастовали. Вчера на сходке технологов решено было забастовать с сегодняшнего дня. Сегодня в столовой технологов объявлено о забастовке всеобщей в Москве. Все это подготовлено бывшими независимцами, во главе которых стал о. Гапон. Он был ярым независимцем, но, как только ближе стал к рабочей среде, понял (его слова), что невозможно улучшение положения рабочих без изменения существующего строя, и петиция, которую они предполагали подать царю, представляет минимум требований социал-демократии.

Была на собрании, которое и выбрало организационное бюро, написано письмо к офицерам. Собираются пустить письма и к солдатам.

Выписка из полученного агентурным путем письма, с подписью: «Твоя Аня», С.-Петербург, от 12 января 1905 г., к Маргарите Алексеевне Долгорукой, в Москву, Глазовский пер., д. Ерофеева, кв. 5.

Но что теперь делать? Все утро я сижу над этим и ничего придумать не могу. Для меня лишь ясно, что движение приняло новый характер — восстания. Но так как голыми руками ничего поделать нельзя, надо оружие. Были тысячи рабочих, шедших сознательно, зная зачем, и все-таки могло получиться только то, что было. Все движение было движением рабочих, интеллигенция тонула и была незаметна в массе народа. Эти дни сделали то, что либералы говорят об организации стрелковых обществ, о приобретении бомб и т. п. Для всех ясно, что нужно вооруженное движение, т. е. восстание. Его хотят все. Так неужели же мы, революционеры, будем лишь смотреть на события со стороны?

Не знаю, как идет теперь стачка. Пожертвования собираются, жерт-

вуют порядочно, но, конечно, для массы рабочих это мало. На банкете присяжные собрали, например, 2 тысячи. Отношение очень определенное. Все (общество, извозчики и т. п.) твердят одно, что «не было бы хуже», «кровь забыть нельзя». Ясно одно, что все это — начало конца. Хотя сейчас восстание будет подавлено, но ненадолго.

Выписка из полученного агентурным путем письма без подписи, С.-Петербург, от 14 января 1905 г., к Самоклиеву, в Женеву, ул. Александр Гавар, 12.

Во время стачки авторитет Гапона поддерживался только тем, что он постоянно эволюционировал, под влиянием агитации с.-д., влево. Более сознательные рабочие обвиняют его в том, что он так долго указывал им совсем другие пути борьбы, что он всегда критически относился к революционным партиям, а теперь вдруг объявил, что истинные друзья рабочих — это только революционеры. Через несколько дней после начала стачки Гапон начал организовывать на 9 января депутацию к царю. Несмотря на влияние с. д. на весь ход событий, помешать организации депутации не удалось.

В конце концов, с.-д. решили не противиться этому, так как мы видели, что, как бы дело ни кончилось, в выигрыше останутся с.-д. Могло ли быть иначе когда в петиции к царю была выставлена почти вся программа с.-д., с требованием немедленного ее осуществления, и когда рабочие решили, в случае, если царь их не примет, перейти к агрессивным действиям?

Настало воскресенье. У всех было внутреннее опасение: а вдруг рабочие испугаются и не пойдут? Но они пошли. Еще в субботу вечером все агитаторы с.-д. пошли по районам и там ночевали, так как нужно было выйти в воскресенье рано утром.

О зверствах, совершенных в воскресенье войсками, вам, несомненно, все известно. Революционизирующее значение этого события не имеет пределов. О первом дне и говорить нечего. Тогда на каждом перекрестке только и говорилось: «Нет у нас царя, что это за царь?!» Проходишь по улице и видишь кучку людей. В центре стоит чуйка и, размахивая руками, кричит: «Как царь с нами, так и мы с царем. Он хочет, чтобы мы за него умирали в Манчжурии... пускай теперь дожидается!» О царе говорят все со страшной ненавистью.

В первый день ночью рабочие метались, спрашивая: «Что же нам теперь делать?» И, действительно, было что-то ужасное видеть такую энергичную толпу и в то же время столь бессильную. Оружие! Вот чего не доставало массе. Не было у этой массы такого дерзкого вождя, который бы решился дать лозунг: «Вооружайтесь!»

Массе, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступления. Ей кажется, что все это бесцельно, а вследствие этого большой упадок духа. Дело с.-д. — разъяснить ей смысл событий.

Безусловно, 9 января был первый революционный день в Петербурге, все это так и понимают. Все рабочие теперь понимают и говорят о том, насколько были правы с.-д. Бывают однако единичные исключения, которые находят, что, не вмешайся революционеры, они бы больше выиграли.

Ты, верно, знаешь, что здесь Костя и Семен. Все они — хорошие, но нет в них того, что нужно для теперешнего момента—дерзости. Один человек бы здесь годился, — ты знаешь, о ком речь идет, но этот человек находит более удобным для себя жить заграницей... Когда я увижу тебя, когда?

Выписка из полученного агентурным путем письма Лидии Коссовой, С.-Петербург, от 17 января

1905 г., к Евгении Семеновне Семеновой, в Киев, Кирилловская больница.

В правительственном сообщении надо исправить «неточность». Во-первых, раненых и убитых гораздо больше: я сама ходила по больницам и видела их, во-вторых, никаких нападений со стороны рабочих на войска не было произведено. Было просто нелепое и ужасное расстреливание безоружных людей. Я сама четыре раза бегом спасалась от преследования конных солдат и залпов войск. Все раненые и убитые страшно изуродованы, до неузнаваемости. В Обуховской больнице, где я была, лежит убитых 17 женщин и 26 мужчин. У многих отрублены головы. Нельзя было смотреть на все эти жертвы без озлобления и ненависти... Выйдя из покойницкой, я только могла сказать стоящим приставам: «Мерзавцы, убийцы». Настроение у всех страшно возмущенное. Большое возбуждение против военных.

Теперь, по внешнему виду, все успокоилось. Депутация к министрам арестована и посажена в крепость. Узнала наверное — убитых свыше 1 000. Хоронили их по 60 человек в братских могилах. Студентам нельзя показываться на улицу: им то устраивают овации рабочие, то бьют сыщики и провокаторы. Гапон жив и скрывается. Появляются его очень хорошие и сильные воззвания к рабочим и солдатам, в которых он благословляет борющихся, а убийц проклинает.

Адрес: С.-Петербург, Офицерская, 9, кв. 17.

Выписка из полученного агентурным путем письма, с подписью «Ваш друг», С.-Петербург, от 22 января 1905 г., к Любови Михайловне Кочуро, в Полтаву, Мало-Садовая, 15.

Гапону удалось доказать рабочим необходимость для рабочего класса целого ряда политических прав. Теперь социал-демократии приготовлена такая чудная и благодарная почва, на которой ее семена дадут вскоре обильный урожай. Разумеется, не Гапон создал политическое рабочее движение, он только, как страшно крупная и сильная фигура, сумел благодаря великолепному обману сделать для рабочих эти требования более понятными, более близкими. Это—первое громадное значение событий 9 января. Во-вторых, социал-демократы все время говорили, что борьба посредством петиций государю бессмысленна, что в рабочих будут стрелять; благодаря тому, что их предсказания так трагически оправдались 9 января, они сразу создали у рабочих уважение и любовь к себе. Социал-демократические агитаторы, пользуясь этим, устраивали прямо на улицах, в продолжение нескольких дней, грандиозные собрания, и нужно было видеть тот восторг и тот энтузиазм, которые вызывали их речи. В-третьих, самый громадный плюс этой небывалой еще в России бойни заключается в том, что мысль о необходимости бороться за свое освобождение с оружием в руках стала очевидной до ясности. «Месть, беспощадная месть убийцам» — вот что на душе у каждого рабочего. «Вооружайте нас; мы готовы умереть, мы не боимся»,— вот те фразы, которые сделались теперь совершенно обычными. Для петербургских рабочих сделалась совершенно ясной необходимость бороться за свои права с оружием в руках, после того как они поняли, что царь и самодержавие вообще не дадут им ничего; вслед за этим сам Николай совершенно определенно заявил им о том, что их мнение по этому вопросу совершенно верно. Депутации рабочих (набрали, между прочим, в эту депутацию почти сыщиков) он сказал, что и впредь всякого рода коллективные заявления и т. п. будут подавляться военной силой. Лучше этого сказать было

нельзя. Пусть же летят эти цинично гнусные слова по всей России, пусть зовут они всех граждан проснуться и браться за оружие! Легального пути нет, осталась одна беспощадная, кровавая, могучая революция, которая своим громовым напором сломит и силу полиции, и силу штыков, и силу пушек. Товарищ! Настал, наконец, этот долгожданный момент, падут твердыни царизма. Весной, не позже, мы ждем революцию, мы зовем ее.

«Мы ждем, не забьет ли тревога,
Не стукнет ли жданный сигнал у порога...»

В Питере Комитет проявляет грандиознейшую деятельность. С падением Мирского окончилась бюрократическая весна, приближается наша.

Пишите на старый адрес (Иван Петрович).

Копия с полученного агентурным путем письма с подписью «Твой...» [1]), С.-Петербург, от 28 января 1905 г., к Николаю Кожевникову, в Киев, Фундуклеевская, 68, кв. 1 (студенту университета).

Революционная атмосфера Питера повышена до крайних пределов. 9 января явилось той демаркационной линией, которая разделила два резко отличающихся этапа нашего революционного движения. Прежде необходимость вооруженного восстания против существующего режима была достоянием небольшой сравнительно, партийной кучки, — теперь она достояние масс. Я не буду излагать тебе фактической стороны. Укажу только цифры, верность которых не подлежит сомнению; убито и вообще умерло несколько больше тысячи, ранено около двух тысяч. Думаю, что фактическая сторона дела тебе совершенно известна, а потому остановлюсь только на двух необычайно важных моментах этого движения. Первый заключается в том, что в петиции Гапона заключается почти вся программа-минимум соц.-дем. партии— таким образом, демократическая часть нашей программы сделалась достоянием почти 100 000 петербургских рабочих.

Второй момент заключается в следующем: на гапоновских собраниях появились социал-демократы, и, признавая всю целесообразность выставленных рабочими требований, санкционируя их, они указывали на всю бессмысленность их тактики — подачи петиции «батюшке царю». Их встречали с яростью, с сжатыми кулаками, проклятиями и криками: «Долой изменников, бунтовщиков», «Мы хотим мирной просьбы», «Долой социал-демократов»... «Вас завтра будут стрелять», — продолжали социал-демократы... «Вон, негодяи, вы лжете», — отвечала разъяренная толпа и кидалась на них с кулаками. Было два случая сильного избиения социал-демократ. ораторов. Но вот 9 января трагически подтвердило верность слов социал-демократов. Если бы ты только приблизительно мог представить, с какой радостью слушает теперь эта, так жестоко наказанная за свою несчастную ошибку толпа социал-демократическую пропаганду, с каким восторгом она читает их листки!.. Началась громадная кампания с проповедью необходимости вооружаться. Все с нетерпением ждем весны. Даже пессимисты не особенно спорят о возможности весной начать революцию. Работы по горло... Настроение... — Эх, да что говорить о настроении, ты, вероятно, представляешь себе его!..

Постарайся, Колька, найти здесь студента Данилу Алексеевича Дядикв и познакомься с ним. Он очень хороший парень, ты можешь помочь ему во многом, так как он сильно интересуется. Постарайся незаметно втянуть его в хорошую компанию. Сделай это поско-

[1]) Пропуск в подлиннике.

рее. Его можешь найти через Микишу— товарищ Кости Шило.

Пиши. Адрес: Вас. остров, 11 л., д. 56, кв. 71. Оське для меня. Адреса Сони пока не сообщаю, так как сам не мог еще его узнать.

Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью: «Борис» С.-Петербург, от 5 февраля 1905 г., к Розе Штейн, в Берн, университет.

Давно уже мне хотелось поговорить с вами о своих отношениях к существующим у нас общественным течениям. Вы как-то спросили меня про чувства, какие я питаю к Бунду, я тогда замял разговор, не до того было. Потом наступило боевое время; теперь же, когда утомленное общество разбрелось по домам, чтобы залечивать свои раны и готовиться к новому натиску, теперь я поговорю с вами по душе. Как почти все у нас, и я прошел сквозь строй нашего доморощенного марксизма, но вскоре меня потянуло в высь, и я увлекся ницшеанством. Затем я спустился вниз, в русскую деревню, и эта непоказная Русь с 125 миллионами сельского населения, голодного и изнемогающего под гнетом меньшинства, приковала мое внимание. Двух мнений о необходимости и возможности поднятия и возрождения деревни существовать не может. Уже много людей тратят все свои силы на это святое дело. Перенося свою общественную работу в деревню, я тем самым не игнорирую, разумеется, деятельности с.-д., наоборот, только при дружной совместной работе всех элементов возможно наилучшее достижение общих целей.

После событий 9—12 января все теперь происходящее бледнеет, конечно. Стачка рабочих вновь охватила весь район. Интеллигенция остановилась пока на форме пассивного протеста. Земство, ученые общества, высшие учебные заведения прекратили свою деятельность. Правда, некоторая усталость заметна, но события зашли уже так далеко, что теперь всем ясно одно: жить дальше при старых условиях невозможно. Это чувствует и правительство, которое созывает комиссию за комиссией, но тщетно, ибо общество слишком индиферентно к этим паллиативам. Носятся слухи о намерении правительства созвать Учредительное собрание. Сколько волнений, тревог, диких насилий и душу раздирающих сцен пережило за последние месяцы наше общество! Только сознание близости свободы, ее насущной необходимости может искупить эти страдания. Будущая Россия воздаст должное памяти героев, собственноручно бросавших сердца свои на жертвенник общественной свободы.

Я вам писал, что собираюсь уехать из Петербурга, это не осуществилось, ибо часть студентов должна остаться здесь для предупреждения непредвиденных обстоятельств.

Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

«Абиссиния считалась всегда обетованной землей для всякого рода искателей приключений с более или менее темным прошлым и не менее смутным настоящим» — философически замечает в своем донесении в Петербург от 2 июня (20 мая) 1914 г. росс. дипломатический представитель в Аддис-Абебе Чемерзин. «До сих пор, — читаем далее в его донесении, — авантюристы никогда не обладали официальными званиями и не являлись представителями стран. Ныне же оказалось, что некоторые государства Европы не придают никакого значения нравственным качествам своих агентов и не стесняются облекать таких личностей официальным характером, забывая,

что все справедливые нарекания, а равно факты, набрасывающие тень на представителя той или другой державы, непременно отражаются и на степени уважения к пославшей такого представителя державе». Изрекши эту обличительную рацею, автор донесения дает понять, что в данном случае он имеет в виду назначение Австрией за год до описываемых событий нештатным консулом в Абиссинию некоего Карла Швиммера — «сына лошадиного барышника», «лишь для вескости придавшего себе баронский титул».

Чемерзин сообщает, что, занимаясь до своего последнего назначения«комиссионерством по поставке в Абиссинию ружей», Швиммер решил использовать свое новое положение исключительно в своих личных целях. В выборе средств он не стеснялся. Войдя в доверие молодого Лиджа Ясу ценою услуг, — определение которых, по скромному признанию автора донесения, «не может быть допущено на страницах официального донесения», из чувства уважения к Сазонову, к которому оно адресовано, — Швиммер «задался целью одним ударом нажить состояние и обмануть сразу обе стороны, кои наружно оказывали ему доверие: абиссинское правительство и свое собственное».

«В этих видах, — пишет далее Чемерзин, — он уверил Лиджа Ясу и его министра иностранных дел, что для предстоящей борьбы с той или другой из окружающих Абиссинию европейских колоний, Эфиопии необходимы орудия, притом совершенно новые. Воспользовавшись наивною доверчивостью наследника престола, а равно алчностью министра иностранных дел, с коим он обещал поделить барыши, г. Швиммер без труда, под покровом великой тайны, выхлопотал для себя письменное поручение Лиджа Ясу доставить абиссинскому правительству, по меньшей мере, 100 новых орудий со всеми припасами, — конечно, из Австрии».

Дабы прикрыть истинные цели спешного отъезда «комиссионера» Швиммера в Вену, была придумана посылка чрезвычайной абиссинской миссии к престарелому монарху двуединой империи, причем... во главе миссии поставлен был Лидж Балай, юнец — родственник Лиджа Ясу, славившийся своей непроходимой наивностью, а в сотоварищи ему дан был тысячник Тесамма Газему, равным образом отличающийся своей ограниченностью. Сопровождать же упомянутое почтенное посольство вызвался сам Швиммер — «консул».

Выбор этих лиц был сделан Швиммером умышленно, с целью поразить их необычайною грандиозностью европейских городов и венского двора и, воспользовавшись их растерянностью, предложить им содействовать покупке абиссинским правительством именно тех пушек, кои будут предложены Швиммером.

К чести однако названных абиссинцев, надо сказать, что в феврале этого года, почти тотчас же по прибытии в Австрию, оба уведомили Лиджа Ясу, что они убедились, что вся затея Швиммера носит крайне сомнительный характер, а предлагаемые пушки, по мнению сведущих лиц, никуда негодны.

Однако Лидж Ясу со своим советником Нагади Расом Хайле Георгисом зашли уже слишком далеко в этом деле, не говоря уже о нежелании потерять даром те 100 тысяч талеров, которые они дали Швиммеру в счет названной операции, и... Швиммер продолжал осуществлять свой проект.

Проект же был чрезвычайно прост: он предложил австрийскому правительству найти выгодного покупателя для пушек, которые с 1866 г. признаны были непригодными для австрийской армии, а Лиджа Ясу уверил, что предлагаемые Австриею орудия — нового образца и вполне пригодны для Абиссинии.

Таким образом, австрийское правительство было убеждено, что Абисси-

ния сознательно покупает устаревшие пушки, а Лидж Ясу считал, что делает выгодную сделку приобретением сотни новейших орудий.

Карты Швиммера раскрылись для Абиссинии в тот самый момент, когда австрийское правительство непосредственно телеграфировало в Аддис-Абебу министру иностранных дел настоящую цену орудий (около 300 крон за орудие) и абиссинское правительство получило возможность сравнить эту цифру с тою, которою определялась продажная цена этих орудий Швиммером (свыше 1 000 рублей).

Мне неизвестно, осведомлено ли было австрийское министерство иностранных дел о том, что присланный им в Абиссинию консул, не стесняясь, утверждал, что предложенные цены установлены не им самим, а его правительством, и тем бессовестно обманывал абиссинцев, но надо думать, что указанное министерство пребывает до сих пор в блаженном неведении о тех несвойственных порядочным людям приемах, кои решился применить Швиммер, собираясь обмануть одновременно — свое правительство относительно цены орудий, а Абиссинию — в отношении их качества.

Как бы то ни было, но орудия и припасы были погружены в апреле в Триесте на австрийские суда «Спума» и «Мария Валерия» и благополучно прибыли в Джибути в мае, с наложенным платежом в 12 000 талеров. Вслед за орудиями приплыл и сам Швиммер.

Именно со дня прибытия всех этих грозных предметов и начались разочарования абиссинского правительства.

Как оказалось, орудия — полубронзовые, имеют 15 см. в диаметре, системы 1861 г., видоизмененной в 1866 г. и весят: само орудие до 3500 килограммов, а лафет до 2 700 килогр.

Таким образом, орудия — осадного типа и несомненно ветхие. И это для бездорожной Абиссинии, где для медленного передвижения повозки с одною тонною груза по наилучшим дорогам нужно впрягать 3 пары волов, и, следовательно, привезенные Швиммером пушки будут передвигаться 18-ю парами волов со скоростью не более 6 верст в день по хорошим дорогам и со скоростью равной нулю — по горным тропам.

Все эти данные... повергли в немалое смущение всех министров, а равно инициатора этого конфуза Лиджа Ясу...

В настоящее время... раздражение абиссинских сановников уже почти улеглось, и г. Швиммер счел возможным явиться в столицу Эфиопии, где надеется незамедлительно выхлопотать отпуск из почти пустой императорской казны остающейся суммы платежа, потребной для пропуска через Джибутийскую таможню пушечного хлама, который все равно дальше подошвы Абиссинского плато, повидимому, не пойдет, возвратить утраченное к своей персоне доверие Лиджа Ясу прежними приемами и, поскорее поделивши барыши с помогавшими ему сановниками, исчезнуть навсегда с абиссинского горизонта, предоставив привезенному им австрийскому артиллерийскому капитану обучать абиссинцев стрельбе из небезопасных для стреляющего «новейших» орудий 1861 г.».

Заинтересованные в абиссинских делах державы «считают всю эту затею безвредным водевилем»,—так заканчивает свое донесение Чемерзин. —

«22 окт. 1897 г. была представлена государю офенбаховская депутация короля абиссинского, состоящая из Леонтьева и полубезграмотного абиссинца Ато Иосифа», начинает Витте в своих «Воспоминаниях» (т. I, стр. 104—105) соответствующий экскурс, представляющий собой вариацию на ту же тему с только что приведенным донесением.

О главе абиссинского посольства — Леонтьеве Витте сообщает, что по на-

туре он был «большой авантюрист». Начав с военного поприща, он «потом начал пускаться в разные аферы довольно мелкого свойства, попал в Абиссинию и уверил некоторые русские военные сферы, что он чуть ли не ближайший советник и руководитель короля Абиссинии Менелика, — хотя Менелик его совсем не чтил, очень мало его видел и, если терпел, то только потому, что, с другой стороны, Леонтьев уверил Менелика, что за ним «стоит русское правительство и русский государь-император».

«Леонтьев объявил себя там графом и, приезжая затем в Россию и за границу, именовал себя абиссинским графом Леонтьевым, причем он все время делал какие-то аферы, основывал какие-то концессии, брал промессы и всегда путался».

Как видим, у Чемерзина не было особых оснований злорадствовать по поводу того, что репутация Австро-Венгрии в приведенном выше случае оказалась подмоченной. Псевдо-барон Швиммер на самом деле — лишь последователь абиссинского лже-графа Леонтьева. Поместив рассказ о последнем, Витте делает характерную приписку: «У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит. Так как Абиссиния, в конце концов, страна полуидолопоклонническая, но в этой их религии есть некоторые проблески православной церкви, то на этом основании мы очень желали объявить Абиссинию под своим покровительством, а при удобном случае ее и скушать».

Сопоставляя в итоге оба приведенных случая, приходится сказать, что Швиммер и Леонтьев — характернейшие, хотя и мелкотравчатые, представители того, что составляет реальное содержание «мирного проникновения» европейских капиталистических «культуртрегеров» в «отсталые страны...»

Б. Вебер.

Ответственная редакция: **В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Врангелевщина. С предисловием *И. Минца* . . . . . 3—46
25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). (Продолжение) . . . . 47—75
Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. С предисловием *С. Дубровского* . . . . . 76—107
«Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова) . . . . . 108—148
К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др. С предисловием *В. Невского* . . . . . 149—176

Из записной книжки архивиста

«Кровавое воскресенье» в Петербурге. Сообщила *Л. Браже* . . . . . 177—185
Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию. Сообщил *Б. Вебер* . . . . . 185—188

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПЕРЕИЗДАНИЯ ЛЕГАЛЬНЫХ И НЕЛЕГАЛЬНЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГАЗЕТ

ИСКРА

Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Полное переиздание всех номеров газеты, выходившей в 1900—1903 гг. за границей при участии В. И. Ленина.

52 №№ газеты в 7 выпусках.

большого альбомного формата, без переплетов, по 200 стр. в каждом.

Полный текст газеты под редакцией и с предисловием **П. Лепешинского,** со вступительной статьей **Н. Крупской.** Цена I, II, III и IV выпусков по 1 р. 50 к.; V, VI и VII в. по 2 р. 50 к.

ВПЕРЕД

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

ПРОЛЕТАРИЙ

Центральный Орган Российской Социал-Демократической Рабочей Партии

Первые большевистские газеты 1905 года.

В 6 томах

большого альбомного формата, без переплетов, по 150 стр. в каждом. Полный текст под редакцией Истпарта и со вступительной статьей М. Ольминского.

Цена каждого тома — 40 коп.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

первая легальная с.-д. большевиков газета, выходившая с 9 ноября по 16 декабря 1905 года в Ленинграде под редакцией **В. И. Ленина.**

28 №№ газеты в 4 выпусках

большого альбомного формата, без переплета, по 200 стр. в каждом.

Полный текст газеты под редакцией и с предисловием М. Ольминского. В переиздании даны воспоминания активных участников газеты: **Л. Красина, М. Литвинова, И. Чуковского** и **Е. Смиттен.**

Цена каждого выпуска 1 руб.

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и Петербурского Комитета Р. С.-Д. Р. П.
Переиздание всех вышедших номеров газеты «Правда», выходившей с 5 марта по 31 декабря 1917 г. в Петербурге.

В 3 книгах

большого альбомного формата, без переплетов, по 200 страниц в каждой. Полный текст под общей редакцией **К. С. Еремеева, М. С Ольминского, М. А. Савельева** и **М. И. Ульяновой.**

ВЫШЛИ КНИГИ 1—4.

Подписная цена 20 руб.

Допускается рассрочка: задаток — 2 р. 50 к. и при получении каждого выпуска по 2 р. 50 к. Последний выпуск без доплаты.

Пересылка за счет подписчика.